

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 801.3

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации,
канд. филол. наук Воронова Т.А.
Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48;
e-mail: tati82@inbox.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication, senior lecturer,
candidate of philological sciences, Voronova T.A.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48;
e-mail: tati82@inbox.ru*

Т.А. Воронова

ГОГОЛЕВСКИЕ АЛЛЮЗИИ В ПОЭЗИИ А.А. ТАРКОВСКОГО

В статье рассматривается использование и творческое преломление образов, взятых из произведений Н.В. Гоголя, в поэтических текстах Арсения Тарковского.

T.A. Voronova

ALLUSIONS TO N.V. GOGOL'S WORKS IN A.A. TARKOVSKY'S POETRY

The article is devoted to the usage and creative interpretation of images taken from N.V. Gogol's works in A.A. Tarkovsky's poetry.

Приверженность Арсения Тарковского к классической традиции неоднократно отмечалась многими исследователями его творчества. Русская классическая литература активно присутствует в поэзии Тарковского за счет аллюзий, ассоциаций, прямых и косвенных цитат, ономастических переключек и т.д. Однако список классических авторов, с которыми поэт ведет такую «переключку», вовсе не так обширен: в этом отношении Тарковский избирателен. Первое место в этом списке занимает Пушкин: имена его персонажей появляются в стихах Тарковского чаще других, ему посвящен цикл «Пушкинские эпитафии» – своеобразный диалог с поэтом. За ним следуют Лермонтов, Гоголь, Державин и Достоевский.

Нельзя, однако, сказать, что Тарковский и Гоголь близки как художники; совпадения в творческих установках и мировоззрении двух мастеров слова найти трудно. В прижизненных интервью с Тарковским, его статьях и заметках высказываний о Гоголе мы не находим; о степени интереса Тарковского к творчеству Гоголя судить нелегко. Отсылки к произведениям Гоголя в поэтических текстах Тарковского немного, несмотря на общность «малой родины»: оба они родились на Украине. Народная украинская, в более широком смысле – южнорусская культура в поэзии Тарковского кодируется именем другой личности – философа XVIII века Григория Сковороды. Однако те немногие аллюзии, которые мы находим, опираются именно на «украинскую», стихийную струю в творчестве Гоголя. Эти аллюзии мы обна-

руживаем в трех поэтических произведениях Тарковского: в стихотворениях «Чем пахнет снег» и «Тянет железом, картофельной гнилью...», а также в поэме «Чудо со щеглом».

В первом из упомянутых произведений творчество Гоголя входит в текст за счет оригинального сочетания эпитетов:

Зима висит на хвойных лапах,
По-праздничному хороша,
Арбузный гоголевский запах –
Ее декабрьская душа.

Содержание, вложенное поэтом в прилагательное «гоголевский», раскрывается через «соседство» с необычным определением «арбузный». Его поэтическое значение можно понять двояко. С одной стороны, его можно истолковать как «нереальный», «призрачный»; именно такая точка зрения предложена нами в первом томе «Словаря лирики Арсения Тарковского» [1]. Призрачность, фантастичность – одна из характерных черт гоголевского творчества; тем более что «арбузный запах» чудится автору в декабре, то есть в совершенно нереальное для этого время года. Однако в расширенном контексте оба прилагательных приобретают несколько иное значение: «праздничный» или «ярмарочный». Описание гуляния ряженных, следующее в тексте Тарковского, отчасти перекликается и изображением Сорочинской ярмарки в одноименном произведении Гоголя:

В бумажных колпаках и шляпах,
Тряпье в чулане вороша,
Усы наводят жженой пробкой,
Румянец – свеклой; кто в очках,
Кто скалку схватит впопыхах,
И – в двери, с полною коробкой
Огня бенгальского в руках.
Факир, вампир, гусар с цыганкой,
Коза в тулупе вверх изнанкой,
С пеньковой бородой монах
Гурьбой закладывают сани,
Под хохот бьется бубенец...

Для сравнения приведем отрывок из повести Гоголя:

«... В вихре сельской ярмарки... весь народ срывается в одно огромное чудовище и шевелится всем своим туловищем на площади и по тесным улицам, кричит, го-

гочет, гремит... Шум, брань, мычание, бляение, рев – все сливается в один нестройный говор. Волы, мешки, сено, цыганы, горшки, бабы, пряники, шапки – все ярко, пестро, нестройно; мечется кучами и снуется перед глазами» [2].

Можно также обнаружить ассоциативную связь между отрывком из стихотворения Тарковского и повестью «Ночь перед Рождеством», где описывается тот же народный обычай.

Другая аллюзия, более мрачная и одновременно более семантически сложная, присутствует в двух следующих произведениях Тарковского, упомянутых нами выше. Это переключка с повестью «Вий», точнее, с персонажем, по имени которого она названа.

Сам Гоголь в сноске в данном произведении пояснял: «Вий — есть колоссальное создание простонародного воображения. Таким именем называется у малороссиян начальник гномов, у которого веки на глазах идут до самой земли¹». Андрей Синявский комментирует: «От глаз Вия (согласно народным повериям), когда он их подымает, летят молнии и вихри». Окончательная гибель Хомя Брута совершается с «финальным появлением Вия с его удесятеренными глазами-перископами, воздвигнутыми из преисподней» [6]. Взгляд Вия смертоносен. Однако в поэме «Чудо со щеглом» Тарковский берет этот элемент и искусно обыгрывает, помещая в юмористический контекст.

Сюжет поэмы незамысловат: хозяйка дома – одинокая немолодая женщина, к тому психически не совсем здоровая – страстно влюблена в одного из своих квартирантов, оперного певца, снимающего комнату вместе с женой. В своей воображаемой страсти она доходит от отчаяния и пытается напугать постояльца:

Вошла хозяйка. Страшным
взглядом,

Как **Вий**, окинула певца.

Глаза, впечатанные рядом

В пергамент желтого лица,

Горели отраженным адом,
И нож сверкал в руке.

Однако «страшное» лишь кажется страшным и оборачивается благополучной и веселой развязкой: преступление на почве ревности не доводится до конца из-за обморока хозяйки, а затем, благодаря находчивости одной из квартиранток, отыскивается способ излечить героиню от «идеи-фикс».

Поэма «Чудо со щеглом» была создана Тарковским в 1977 году. Однако в стихотворении, написанном на 30 лет раньше и опубликованном спустя полвека, имя таинственного и мрачного гоголевского персонажа появляется в совершенно ином контексте.

Уже процитированный нами Андрей Синявский в исследовании, посвященном Гоголю, удивляется и размышляет, почему имя третьестепенного героя – подземного карлика – вынесено писателем в заглавие повести. Тарковский предпринимает смелый поэтический ход: взяв у Гоголя характерные детали и ключевую фразу, он как бы переписывает исходное произведение, вводя «на главную роль» самого Вия – точнее, реальную историческую личность, обозначенную именем гоголевского персонажа.

Для полного проникновения в замысел автора следует процитировать данный текст целиком:

Тянет железом, картофельной гнилью,

Лагерной пылью и солью камсы.

Где твое имечко, где твои крылья,

Вий над Россией топорщит усы.

Он говорит: подымите мне веки! –
Слободы метит железным перстом,
Ржавую землю и ольхи-калеки
Метит и морит великим постом.

Он говорит: подымите мне веки! –
Как не поднять, пропадешь ни за грош.

Дырбала-арбала, дырбала-арбала,
Что он бормочет еще, не поймешь.

Заживо вяжет узлом сухожилия,
Режется в карты с таежной цингой,

Стужей проносится по чернобылью,
Свалит в овраг, и прощай, дорогой.

В трехтомном издании сочинений Арсения Тарковского, составленного А.П. Лавриным, четвертая строка звучит несколько иначе: «Вий по-ордынски топорщит усы» [3]. Однако вариант, процитированный нами, очевидно, следует считать первоначальным, так как именно в таком виде цитирует стихотворение дочь поэта, М.А. Тарковская: «Родители жили в то время, когда вокруг исчезали родные, друзья, знакомые. Мама... часто ездила с подругами за город отправлять посылки их мужьям в лагеря – на московских почтах такие посылки не принимались. Папа был осторожен. <...> Стихотворение 1946 года **о Сталине** (выделено нами. – Т.В.) долго лежало в его письменном столе: «Тянет железом, картофельной гнилью, Лагерной пылью и солью камсы. Где твое имечко, где твои крылья, Вий над Россией топорщит усы» [5]. Как видим, в приведенной цитате «Вий» назван реальным именем.

Возможно, эпитет «по-ордынски» был поставлен под сомнение самим поэтом. Облик гоголевского карлика с трудом вяжется с образом грозного монгола-завоевателя; а ведь именно из гоголевского текста взяты и тяжелые веки, и требование их немедленно поднять, и «железный перст». Самые первые слова стихотворения уже воскрешают в сознании читателя, знакомого с произведением, зловещий образ: лицо у Вия тоже железное. Однако заимствованные элементы «работают» в новом тексте совершенно иначе.

Железный палец, который гоголевский карлик наставляет на Хому Брута, превращается у Тарковского во всеильное смертоносное орудие (для сравнения: у Гоголя Хома умирает просто от страха). Само прилагательное «железный» теряет прямое значение и обрастает дополнительными смыслами: «тяжелый» или «безжалостный». Фраза «подымите мне веки» превращается в

бессмысленное, бесцельное требование, неисполнение которого, тем не менее, грозит гибелью. Одновременно к создаваемому образу подключаются иные детали, которых не было, да и не могло быть в первоначальном тексте. По этим штрихам воссоздается не менее зловещий образ современной автору эпохи: «лагерная пыль» (см. выше), «камса» (мелкая рыба, которой из-за дешевизны чаще всего кормили содержащихся в тюрьмах), «великий пост» (очевидно, голод, постигший страну после войны), «таежная цинга» (снова намек на лагерь) и, наконец, «усы» – наиболее узнаваемая черта внешнего облика человека, ставшего символом времени.

Такой прием – помещение литературного или мифологического персона-

жа в современность, сочетание художественных деталей с реалиями конкретного исторического периода – характерная черта поэзии Арсения Тарковского. В данном случае выбор образа и сюжета продиктован общей тональностью гоголевского произведения и безысходностью его финала. То же самое можно сказать и о рассмотренном тексте Тарковского, в том числе о заключительном его «аккорде»: «Свалит в овраг, и прощай, дорогой». Итак, образ, созданный Гоголем, приобретает как бы новое смысловое измерение: Вий становится метафорой Сталина, элементы фантастического сюжета оказываются встроенными в «портрет эпохи».

Библиографический список

1. Воронова Т.А. Словарь лирики А.А.Тарковского. Часть 1 (А – Йота) – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2004. – 296 с.
2. Гоголь Н.В. Сорочинская ярмарка. // Гоголь Н.В. ... К нам едет ревизор. – М.: Мол. гвардия, 1979. – 447 с.
3. Тарковский А.А. Собрание сочинений в 3 т. – М.: Художественная литература, 1991.
4. Тарковский А.А. Белый день: Стихотворения и поэмы. – М.: ЭКСМО-Пресс – ЯУЗА, 1998. – 348 с.
5. Тарковский А.А.: «Я по крови – домашний сверчок» / Подг. публ. И. Зайчик // Огонек. – 1998. – № 9. – С. 36 – 40.
6. Синявский А.Д. (Абрам Терц). В тени Гоголя. // Синявский А.Д. (Абрам Терц). Собр. соч. в 2-х томах. Том 2. – М.: СП «Старт», 1992.

References

1. Voronova T.A. The vocabulary of A.A.Tarkovsky's verse. Part 1. – Voronezh, 2004. – 296 p.
2. Gogol N.V. Sorochin fair. // Gogol N.V. ... The inspector is coming to us. – M., 1979. – 447 p.
3. Tarkovsky A.A. Collected works in 3 vol. – M., 1991.
4. Tarkovsky A.A. In broad daylight. – M., 1998. – 348 p.
5. Tarkovsky A.A. "I'm a home cricket by my blood..." / Published by I.Zaitchick. // Ogonok. – 1998. – Vol. 9. – P. 36 – 40.
6. Sinyavsky A.D. In Gogol's shadow. // Sinyavsky A.D. Collected works in 2 vol. Vol 2. – M., 1992.

УДК 81'373

*Воронежский государственный университет
Кафедра славянской филологии
К.ф.н., доцент Карасёва Т.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732) 20-84-97;
e-mail: t.v.karasyova@mail.ru
Воронежский государственный университет
Бакалавр филологии
Цинь Чжэнь (Китай)
e-mail: 139468778@163.com*

*Voronezh State University
The chair of Slavonic Philology
Ph.D. of Philology, Docent Karaseva T.V.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 20-84-97;
e-mail: t.v.karasyova@mail.ru
Voronezh State University
Baccalaureate of Philology
Tsin Chzhen (China)
e-mail: 139468778@163.com*

**Т.В. Карасёва,
Цинь Чжэнь**

НАЗВАНИЯ РЫБ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Предметом исследования в данной статье стали названия рыб в русском литературном языке (всего 99 единиц) с точки зрения их этимологии и парадигматических связей.

**T.V. Karaseva,
Tsin Chzhen**

THE FISHES NAMES IN CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE

The article is devoted to the analysis of etymology and paradigmatic connections of the 99 fishes names in the contemporary Russian language.

Названия рыб представляют собой «один из исконных пластов древнейшего славянского лексического фонда, отражающего занятия праславян, условия их обитания, контакты с другими народами» [14: 5]. Как отмечают учёные, в настоящее время «наиболее распространённые в славянских языках названия рыб состоят из двух генетических категорий: собственно славянских образований праславянского происхождения, находящихся в прозрачных этимологических связях с другими лексическими основами славянских языков, и заимствований различного происхождения, появившихся в различные периоды существования праславянского языка и отдельных славянских языков, возникших в результате распада» [7: 137]. Рассмотрим все этимологические версии названий рыб.

РЫ́БА – «водное позвоночное животное с непостоянной температурой тела, дышащее жабрами и имеющее плавники» [12-3: 743]. Это «неясное слово» [18-2: 130], «по-видимому, представляет собой табуистическое название вместо более древнего *зъвь*... которое ввиду созвучия с глаголом *звать* рыбаки избегали употреблять» [15-3: 526].

АКУ́ЛА – «крупная хищная морская рыба с веретенообразным телом, большим ртом, расположенным на нижней части головы» [12-1: 31]. Происхождение лексемы неясно: 1) из др.-исл. *hakall* [15-1: 67]; 2) из норвежского: диал. норв. *haakall* 'акула', *hå* 'небольшая акула', *håkjerring* 'полярная акула' [8]; при этом в русском языке: *гаккол* → *аккула* → *акула* под влиянием *рыба* [19: 22].

АНЧОУС – «мелкая морская рыба, употребляемая в пищу в консервированном виде» [12-1: 41]. Слово заимствовано из нем. *Anschowis* от франц. *anchois*, этимологию которого возводят к бакскому [15-1: 80] *anchoa* [12-1: 41].

БАРАБУЛЬКА – «морская промысловая рыбка» [12-1: 61]. Этимология данного номена затемнена: 1) заимствовано из ново-греч. *μπαρμπούκι* ‘то же’ от итал. *barbone* [15-1: 125]; 2) происходит от *барабать* ‘разрывать, копать... рыться, копаться в чём’ [3-1: 47], то есть *барабулька* – это ‘копающая, раскапывающая’, когда она добывает корм [8].

БЕЛОГЛАЗКА – «рыба семейства карповых, близкая к лещу» [12-1: 78]. Номинация дана по цвету глаз рыбы.

БЕЛОРЫБИЦА – «ценная промысловая рыба семейства лососёвых, с серебристым телом и белым брюхом» [12-1: 78]. Название произошло от древнерусского *бела рыбица* [15-1: 149] – по цвету рыбы.

БЕЛУГА – «ценная промысловая рыба, самая крупная из семейства осетровых» [12-1: 78]. Номинация (корень *бел-* и суффикс *-уга*) [15-1: 149] дана «по цвету нижней части туловища» [18-1: 83] – «за чисто-белую окраску брюха, в значительной степени поднимающуюся на бока тела» [8].

БЁРШ – «рыба семейства окуневых» [2-1: 132]. Существует две этимологии данного названия: 1) заимствовано из ср.-нидерл. *berse, barse*, д.-в.-нем. *bersich*, н.-нем. *Barsch* ‘окунь’ [15-1: 160]; 2) указанные слова близки к тюркским и и.-е. **bar-, *par-* и *pard* ‘пятнистый’, родственны *bars, pars* и позже превратились в *берш, бёрш* [8]; ср.: «по цвету он почти не отличается от судака, но тёмные поперечные полосы (числом 8) у него явственнее и имеют более правильную форму» [10: 28].

БЫЧОК – «род мелкой рыбы, преимущественно морской» [12-1: 131]. «Это наименование, связанное с *бык* (псл. *букъ*), обусловлено, по-видимому, сходством большой головы подкаменщика с головой быка (ср. англ. *bulhead* ‘подкаменщик, букв. ‘бычья голова’)» [7: 16]: бычок «напоминает тёзку непропорционально большой головой» [11].

ВЕРХОВКА – «рыба семейства карповых». Название связано с тем, что эта рыба любит «находиться у поверхности воды» [7: 44]: «имя ей дано по её свойствам: она любит плавать на поверхности воды и часто ложится на бок, блестя на солнце несколько синеватую серебряную белизною, точно как будто всплыла уставшая рыбка» [1: 351], «в ясную же погоду плавает в самых верхних слоях воды... чаще всех держится на поверхности» [10: 448]. Некоторые исследователи относят данное название к языковым примитивизмам просторечного характера, вызванными к жизни тем, что «древние названия мелких непромысловых видов... скорее всего, не дошли до нас, а их современные наименования возникли сравнительно недавно» [8].

ВЕРХОГЛЯД – «рыба из семейства карповых» [13-2: 208]. Номен связан с внешним видом рыбы: «глаза на темени» [3-1: 185].

ВОБЛА – «морская разновидность плотвы, рыба из семейства карповых, заходящая в реки для метания икры» [13-3: 488]. Этимология слова связана с *воблый* ‘круглый’, а также с *вал, валить* [15-1: 329-330]. У В.И. Даля название *вобла* также приводится в гнезде *во́блый* ‘облый, полный, круглый’ (кал.): «не от этого ли название рыбы: *вобла, обла* ж. небольшая волжская рыба’ [3-1: 217]. Итак, название «обусловлено отмеченной выше округлой формой тела плотвы, рассматриваемой в профиль» [7: 13]. При этом «скорее всего, применительно к рыбе слово *обла* и название *вобла* имеет значение «полная», точнее «полная икрой». Рыбу ловят в момент, когда она готова к нересту и «полна» икрой, то есть *облая*. Как понятие противоположное названию *облая* – *воблая*, В.И. Даль приводит название *остробрюхая (безикорная) вобла*» [8].

ВЫРЕЗУБ – «рыба семейства карповых» [2-2: 258]. Название происходит от *вырез*, «поскольку в нижней челюсти этой рыбы зубы как бы с вырезкой» [15-1: 370] или с *ver-* ‘выгнутый, согнутый, скрюченный, скорченный’ + *зуб* [7: 64].

ВЬЮН – «пресноводная, очень подвижная рыбка с удлинённым червеобраз-

ным телом, покрытым мелкой чешуёй или без чешуи» [12-1: 293]. Данный номен обусловлен «характерными движениями тела рыбы» (она извивается, как змея) [7: 34]: «по своему наружному виду выюн несколько напоминает угря или змею, самоё название его показывает его способность извиваться подобно последним» [10: 465].

ГОЛА ВЛЬ – «пресноводная рыба семейства карповых, с толстой и широкой головой» [12-1: 324]. Название происходит от *голова* [15-1: 429], псл. **golvľbь*; причём подчёркивается не размер головы, а её особая форма (толстая, с широким и плоским лбом) [18-1: 199; 7: 19]: «хотя очевидно, что имя его происходит от большой головы, но она у него совсем не так велика, а если и кажется большой, то единственно оттого, что лоб у голавля очень широк и как-то сливается с его брусковатым станом» [1: 369].

ГОЛЕ Ц – 1) «небольшая пресноводная рыба семейства карповых, с тонкой кожей без чешуи»; 2) «рыба семейства лососёвых, водящаяся в северных морях» [12-1: 325]. Связано с *голый* [15-1: 428] – по особенностям поверхности тела данной рыбы: «имя его происходит от свойства кожи: она гола, на ней нет никакой чешуи; она очень тонка и скользка, какого-то неопределённого цвета» [1: 352].

ГОЛОМЯ НКА – «небольшая живородящая рыбка из группы костистых» [13-3: 230]. Название восходит к *голомень* ‘открытое море, море вдаль от берегов’, так как эта рыба «всегда держится в *голомени*, на большой глубине» [3-1: 370].

ГОЛЬЯ Н – «небольшая пресноводная рыбка семейства карповых» [13-3: 250]. Номинация объясняется тем, что у данной рыбы голая кожа: она «лишена чешуек только на брюхе и иногда вдоль средней линии тела, а на прочих местах чешуйки очень мелкие, нежны и малозаметны и не покрывают одна другую» [10: 461].

ГОРБУ ША – «морская промысловая рыба семейства лососёвых» [12-1: 332]. Предположим связь наименования с *горб* – по характеру спины рыбы.

ГОРЧА К – «рыба семейства карповых» [2-1: 326]. Как указывают учёные,

название связано с «горьковатым вкусом рыбки» [7: 42].

ГУСТЕРА Ё – «рыба семейства карповых» [2-1: 352]. Этимология слова неясна: 1) заимствовано из нем. диал. *Güster* [15-1: 478]; 2) связано с *густой* – у В.И. Даля помещено в гнезде «густой»: это «рыба селява или тарань, которая ходит рунами» [3-1: 410]; ср.: *густой* родственно латышскому *guosts* ‘рой, масса’ [15-1: 478], что «прямо соответствует крупным стайным скоплениям рыб, возникающим в период нереста» [8], ср.: «весной и осенью густера встречается чрезвычайно густыми стаями, откуда, конечно, и произошло её общеупотребительное название» [10: 334]; при этом оно «изначально не было видоспецифичным и относилось к любому виду, образуящему *густы* или *гуцы* – «рой, массовые скопления» [8]. В то же время последняя версия не подтверждается фонетическими чередованиями [7: 88].

ЕЛЕ Ц – «небольшая рыба семейства карповых, повсеместно распространённая в речных или чистых озёрных водах СССР» [13-3: 1259]. Единой точки зрения относительно происхождения этого номена нет: 1) «часто считается родственным названиям белого цвета»: нем. *Weissfisch* ‘белая рыба’ [15-2: 14], что «соответствует окраске» этой рыбы [11]: «елец, уклея и (в меньшей степени) язь относятся к рыбам с блестящей серебристой чешуёй, причём елец отличается особенной белизной» [18-1: 282]; 2) «является искажением изначального, более древнего *белец*» [8]; 3) связано с *ил* (А. Брюкнер) [15-2: 14], однако эта рыба «избегает ила и тёплой воды» [10: 395], «хотя елец, действительно, держится обычно у дна»; при этом о.-с. корень был **jal-* < **al-*, т.е. о.-с. **jalьсь*» [18-1: 28]; 4) «не исключено, что название перенесено с какой-нибудь другой рыбы и что суффикс *-ец* (о.-с. *-ьс-ь*) в этом случае поздний» [18-1: 282]; 5) «может быть, так названа потому, что впервые появилась в известной реке Ельце, на которой стоит город Елец» [1: 358].

ЁРШ – «мелкая пресноводная костистая рыба семейства окунёвых с большими колючими плавниками» [12-1: 466]. Этимология слова затемнена: 1) родственно и.-

е. корню **g-hers*, который на слав. почве имел контаминацию с *ež* 'ёж' (Е. Беркнер), при этом «речь идёт о взаимодействии двух весьма близких как в фонетическом, так в семантическом отношении слов (и ёж, и ёрш воспринимаются прежде всего как колючие животные)» [7: 78-79]; ср.: «имя ерша, очевидно, происходит от его наружности: вся его спина, почти от головы и до хвоста, вооружена острыми, крепкими иглами, соединёнными между собой тонкою пёстрою перепонкою; щёки, покрывающие его жабры, имеют также по одной острой игле» [Аксаков 2966: 359]; 2) сопоставление с лит. *erškėtis* 'терновник', лтш. *erkškis* 'шип, колючка, терние', др.-ирл. *rsati* 'колет, бодает', *rstih* и ав. *aršti* 'копье' приводит к и.-е. корню **eres* 'колоть' [7: 78-79]; 3) от швед. *gärs* 'ёрш' (А. Маценауэр) – несостоятельная точка зрения [Там же]; 4) собственно русское слово, первоначальное значение которого – 'игла, шип, гвоздь' [19: 103], диал. 'зазубренный гвоздь' – данная семантика является более древней (чем 'рыба'), так как рыба ёрш имеет колючки [15-2: 27]. Так или иначе, название ёрш – весьма древнее и имеет значение «колючий» [8].

ЖЕ'РЕХ – «пресноводная хищная промысловая рыба семейства карповых» [12-1: 479]. Происхождение слова неясно: 1) связано с герм. *gerstr* 'ворчливый, недовольный', лат. *horreo*, *-ere* 'быть неподвижным, цепенеть' и др.; 2) восходит к нов.-в.-н. *Barsch* 'окунь', ср.-в.-н. *bars* с нов.-в.-н. *Borste* 'щетина'; 3) сближается с *жрять* [15-2: 49]; 4) «происходит от глагола *жировать*, то есть играть, прыгать, что весьма соответствует свойствам этой рыбы, ибо она очень любит выпрыгивать из воды и плескаться на её поверхности из одного удовольствия, а не для преследования добычи» [1: 398]; 5) образовано из *жер* 'клёв (рыбы), пища, аппетит', встречающегося в современных диалектах, от *жьрати* [19: 108].

ЗУБА'ТКА – «морская промысловая рыба с длинными передними зубами» [12-1: 623]. Название дано по внешнему виду.

КА'МБАЛА – «промысловая морская рыба с глазами на одной стороне» [12-2: 22]. Этимология слова не выяснена: 1)

заимствовано из фин. [18-1: 372] *kampala* [12-2: 22], *kampela*, *kampelo* в XVIII в. [19: 139]; 2) М. Фасмер отвергает такую версию, считая происхождение этой лексемы тёмным [15-2: 173].

КАРА'СЬ – «пресноводная рыба семейства карповых, с красноватыми плавниками» [12-2: 32]. Этимология номена затемнена: 1) «общеславянское заимствование из др.-нем. языка, в котором *karas* в свою очередь является переоформлением лат. *caracinus*» [19: 103]; 2) заимствовано из лит. *karōsas* от др.-ирл. *kilāsa* 'прокажённый, покрытый крапинками, пятнистый' (Х. Петерсон); 3) пришло из финно-угор. языков: мар., удм. *karaka* 'карась' (К. Мошинский); 4) связано с каким-то неиндоевропейским языком (В. Махек, Ф. Славски и др.); 5) псл. *karasъ* восходит к и.-е. **sker-* 'вращать, гнуть', **ger* 'вращать, вить' (И. Ледер) [7: 128-129]; 6) восходит к *каль* 'ил', 'грязь', 'тина' + *-асъ*: *kalasъ* → *карасъ* под влиянием *карп* [18-1: 380]; 7) тёмное слово [15-2: 193].

КАРП – «пресноводная костистая рыба, покрытая крупной тёмно-золотистой чешуёй; разновидность сазана» [12-2: 34]. Происхождение слова не выяснено: 1) и.-е. слово (Е. Бернекер, А.В. Эдлингер) [7: 110]; 2) пришло из франц. *carpe* 'карп' [19: 143]; 3) заимствовано из д.-в.-н. *karpo*, *charpfo* [15-2: 202], нем. *Karpfen* 'карп', 'сазан' [18-1: 382] не позже XVIII в. [7: 111]: «в памятниках XII в. отмечается слово *коронь* – 'карп', являющееся восточнославянским вариантом общеславянского заимствования древневерхненемецкого слова *karpo* того же значения: *or* между согласными у восточных славян изменилось в *оро*... Это слово было впоследствии вытеснено новым заимствованием *карп*» [19: 143], начиная с 1704 г. [8]; ср.: «*карп* – имя иностранное, а *карпия* – переделанное на русский лад» [1: 377]; 4) «образовано от характерной черты рыб этого отряда, в период нереста образовывать на чешуе многочисленные эпителиальные бугорки, похожие на прыщи или бородавки, делающие поверхность головы и верхней части туловища шершавой»; то есть *карп* 'шершавый, прыщавый' [8]; ср. укр. *коронавий* 'шер-

шавый', лит. *krápa* 'бородавка', лтш. *krāpa* 'бородавка, мозоль' [15-2: 335].

КЕ`ТА (КЕТА`) – «морская промысловая рыба семейства лососёвых» [12-2: 46]. Номен заимствован из нанайского *ketá* 'рыба' [Там же].

КЕФА`ЛЬ – «морская промысловая рыба с удлинённым и сжатым с боков корпусом» [12-2: 46]. Слово происходит от нов.-греч. *kefalos* 'кефаль' [15-2: 227; 19: 146] или греч. *kefali* 'голова' – рыба названа так «за своеобразную широколобую, несколько сплюснутую сверху вниз голову»; «иначе говоря, название *кефаль* имеет значение, аналогичное русскому *головастик*» [8]; ср. *кефаль* 'вид головаля' [3-2: 106].

КИ`ЛЬКА – «небольшая промысловая рыба семейства сельдевых» [12-2: 48]. Этимология слова затемнена: 1) восходит к эст. *kilu*, фин. *kilo* [18-1: 395]; при этом «прибалтийско-финские слова заимствованы в свою очередь из германского названия килья... потому что рыба килька (*Clupea*) характеризуется наличием в нижней части тела ярко выраженного килья» [15-2: 233]. В русском языке слово было переформировано при помощи суффикса *-ка* [19: 147]. В то же время некоторые учёные считают, что «нет оснований производить *кильку* от слова *киль*, обозначающего продольный брус под днищем корабля. Уж очень несопоставимы эти объекты. К тому же немецкое, шведское (*kiel*) и финское (*koli*) – слова, обозначающие корабельный киль, никак не связаны с названием рыбки на этих языках... Тем более безосновательно считать их исходными для русского: ведь далеко не у одной лишь кильки форма тела напоминает киль» [20: 108-109]; 2) происходит от названия немецкого города Киль [5], однако «существительное *килька* известно в русском языке по крайней мере за сто лет до того, как был налажен её массовый промысел в Германии» [20: 108].

КО`ЛЮШКА – «мелкая костистая рыба с колючками на спине и брюшке вместо спинного и брюшного плавников» [12-2: 79]. «Название образовано от глагола *колоть* (псл. **kolti*) и обусловлено наличием на спине этой рыбы перед спин-

ным плавником колючек, которые она активно применяет в различных случаях» [7: 36].

КО`РЮШКА – «небольшая промысловая рыба» [12-2: 110]. Слово было заимствовано из карельск., олонек. *kuoreh*, вепс. *koreh*, фин. *kuore* «и получило всеобщее распространение благодаря «Ревизору» Гоголя» [15-2: 344].

КРА`СНАЯ РЫ`БА – «рыба семейства осетровых (белуга, осётр, севрюга и др.» [12-2: 122]. У В.И. Даля это название толкуется как «бескостная, хрящевая: белуга, осётр, севрюга и шип (не стерлядь)» [3-2: 187]. Название дано по цвету мяса; ср.: «те породы рыб, которые называются *бель*, в противоположность чему все другие породы, как-то: осётры, севрюга, белорыбица и проч., называются *красная рыба*» [1: 392].

КРАСНОПЁРКА – «рыба семейства карповых, с красными плавниками» [12-2: 122]. У этой рыбы «перья, особенно нижние, яркого красного цвета, отчего и получила своё имя» [1: 364]. Номинация, являющаяся «одним из древнейших названий рыб по внутренней форме» и представляющий собой сложение основ прилагательного *красный* и существительного *перо* 'плавник', могла быть унаследована псл. языком из и.-е. [7: 30].

КУ`МЖА – «рыба семейства лососёвых» [13-5: 1834]. Слово заимствовано из фин. *kumsi* от карельск. *kumzi* или из саам. *kuudza* [15-2: 416].

ЛЕЩ – «пресноводная рыба семейства карповых, с плоским телом» [12-2: 180]. Этимология слова затемнена: 1) восходит к лтш. *leste*, эст. *lest* 'камбала (речная)' [15-2: 491]: известно, что тело данной рыбы кажется сильно сжатым с боков, «круглой, плоской, широкой своей фигурой лёщ отличается от всех других рыб» [1: 373]; В.И. Даль помещает *лещ* в гнезде *леша*, где есть в том числе и *лещедь* 'собирает. плита, колотый на слои и обтёсанный камень, плитняк' [3-2: 250], т.е. «легко быть может, что слова *лещедь*, *лещедка* произошли от одного корня с именем леща, ибо у широкой и плоской лещеди есть с ним некоторое подобие; *лещедкой* же называется расколотый пенёк дерева или

сучка, в который ущемляется всё то, что надобно придавить, сделать плоским» [1: 373]; 2) «общеславянское название леща возникло первоначально... в звуковой форме *leščь* (*ljaščь*) – то ли как заимствование из балтийских говоров, то ли как собственное образование от звукоподражательного корня *леск-*: *ляск-*: *лязг-* [18-1: 479] или звукоподражательной основы *lešč-ati* (*ljašč-ati*) [7: 67-68] ‘плескаться’, что характерно для данной рыбы [11]: во время нереста самцы выскакивают из воды и падают с громким плеском; 3) образовано от той же основы, что и *лоск* с перегласовкой *o/e* и с помощью суффикса *-j-* [19: 182]; 4) связано с *ласа*, *ласка* ‘гладить, тереться’: «во время нереста объединяющиеся в группы рыбы активно «глядятся», «трутся» друг о друга и о водные растения» [8].

ЛИНЬ – «пресноводная рыба семейства карповых, с толстым, сжатым с боков слизистым телом и круглыми плавниками» [12-2: 185]. Происхождение слова неясно: 1) родственно лит. *lynas* ‘линь’, лтш. *linis*, др.-прусс. *linis*, греч. *lineus* ‘морская рыба’ [15-2: 498] из и.-е. **slei* ‘слизистый’ [7: 81], но «не исключено, однако, что балтийское слово заимствовано из славянских языков» – о.-с. **linjь* < **lipnjь* (суффикс *-n(j-)* [18-1: 483]; 2) восходит к *линять*: «хотя можно имя его произвесть от глагола *лгнуть*, потому что линь, покрытый липкою слизью, лгнёт к рукам, но... название линя происходит от глагола *линять*: ибо пойманный линь даже в ведре с водою или кружке, особенно если ему тесно, сейчас полиняет и по всему его телу пойдут большие тёмные пятна, да и вынутый из воды имеет цвет двуличневый линючий. Без сомнения, народ заметил такую особенность линя и дал ему характерное имя» [1: 378]; 3) образовано от *липати* ‘прилипать, липнуть’ при помощи суффикса *-нь*: «рыба названа так в таком случае по своему слизистому покрову» [19: 182]. В итоге «необходимо принять двойную этимологическую связь, соответствующую двум этапам исторического развития этого слова, – с глаголом *линять* (псл. *linjati*), начиная с позднепраславянского этапа, и с и.-е. основой **slei* ‘слизистый’,

начиная с позднеиндоевропейского этапа» [7: 82].

ЛОСО’СЬ – «морская промысловая рыба с нежным мясом розоватого цвета» [12-2: 201]. Этимология номена затемнена: 1) восходит к и.-е. **lak-so-s*, **lak* ‘кропить’, ‘покрывать пятнышками’ [18-1: 491], ‘капля, пятно’: «лосось покрыт цветными точками и пятнами» [7: 105]; в северных говорах его даже называют *пестряк*, *пестрянка* [11], поэтому «если это не какое-нибудь праевропейское (доиндоевропейское) слово, то выходит, что лосось был назван индоевропейцами по чёрным пятнышкам, крапинкам на боках» [18-1: 492]; 2) родственно лит. *lasisa*, *lasasa*, *lasis*, лтш. *lasis*, др.-прусс. *lasasso*, д.-в.-н. *lahs*, др.-исл. *lax* в тех же значениях [15-2: 498]; 3) образовано от *лохь* ‘лосось во время икрометания’ при помощи суффикса *-ось* [19: 186].

МАКРЕ’ЛЬ – «то же, что скумбрия» [12-2: 217]. Слово заимствовано из голл. *makreel* от ср.-лат. *macarellus* [15-2: 562].

МИНО’ГА – «водное позвоночное животное с голым угревидным телом» [12-2: 273]. Этимология слова затемнена: 1) произведено от нем. *Neunauge*, ср.-н.-н. *negenôge*, голл. *negenoog* ‘минога’ [15-2: 624], при этом *m* вместо *n* – вследствие межслоговой диссимиляции [18-1: 533]; 2) восходит к *минь* ‘мень’ (Х. Петерсон) [7: 133]; 3) «эта рыба называется так потому, что она имеет, кроме глаз, сбоку ещё по одной ноздре и по семь жаберных щелей» [15-2: 624].

МИНТА’Й – «промысловая рыба семейства тресковых» [12-2: 274]. Номен заимствован из вьетнамского [Там же].

МО’ЙВА – «маленькая рыбка из семейства корюшковых, с удлинённым, сжатым с боков телом, употребляется обычно как наживка; всякая мелкая рыба» [13-6: 1157]. Номинатив происходит от фин. *maiva* [15-2: 639].

НАЛИ’М – «пресноводная хищная рыба семейства тресковых с продолговатым телом и пятнистой кожей» [12-2: 368]. Этимология слова затемнена [15-3: 40; 18: 214; 7: 136]: 1) от о.-с. **lip-n-ь* от **lip*; ср. *лгнуть*, *линь* (**lip-n-jo-*) – рыба со слизистой кожей; 2) «первоначально слово

называло, вероятно, тину, грязь, лужу (рыба водится в стоячих тинистых водах), о чём как будто свидетельствуют диал. *съестъ налима* 'упасть в грязь', *налье* 'лужа'» [19: 214].

НЕ'ЛЬМА – «ценная промысловая северных рек и морей семейства лососёвых» [12-2: 453]. Происхождение номена неясно [15-3: 40]; но, «может быть, мы имеем дело с искажённым при заимствовании названием не нельмы, а, например, лосося или другой рыбы»: коми-зырян. *l'ol* 'лосось' + *-м-а* (*-ьм-а*) → **л'ельма* → **лельма* → *нельма* [18-1: 568].

НЕ'РКА – «рыба рода тихоокеанских лососей» [12-2: 477]. Происхождение номинации не выяснено.

О'КУНЬ – «пресноводная рыба зеленовато-жёлтой с поперечными полосами окраски и с красноватыми нижними плавниками» [12-2: 614]. Этимология слова затемнена: 1) заимствовано из фин. *ahven*, эст. *ahun* (Л.С. Берг), однако «трудно предположить, что славяне издавна не имели собственного названия для обозначения окуня» [7: 69]; 2) связано с и.-е. корнем **ak-* 'острый' (П. Кречмер) [Там же]; 3) восходит к *око* [15-3: 132] + суффикс – «в таком случае рыба названа по большим глазам» [19: 232]: о.-с. **окупъ*, **окупъ* ← **око* + *-un-*, *-un-jo-* [18-2: 596]; известно, что «если быстро вытянуть окуневые рыбы с большой глубины, у них наблюдается выпучивание глаз» (В. Махек) [Цит. по: 7: 70]; говорят, что у окуня особенные, оранжевые глаза, но, по другой версии, *око* – это большое круглое чёрное круглое пятно в задней части первого спинного плавника, которое есть только у окуня [8]; ср.: «первый спинной плавник сизый, с большим чёрным пятном на конце» [10: 7]; 4) у В.И. Даля даётся в статье «окунывать»: «потому, что живёт в глубине?» [3-2: 670]; ср.: «не происходит ли оно от глагола *окунать*: ибо окунь всегда окунает, то есть погружает в воду, наплавок, и даже не один раз, если кусок, им заглатываемый, слишком велик» [1: 386].

О'МУЛЬ – «морская рыба семейства лососёвых (водится также в озере Байкал), которая заходит в реки для метания икры» [12-2: 617]. Происхождение слова неясно:

1) заимствовано из греч. 'род рыбы, голлавль' [9-2], но «этому противоречит ареал распространения слова *омуль*» [14: 166]; 2) восходит к коми *омуль*, *омыль*, якут. *омул(ь)*, *уомул* 'омуль' [Там же]; 3) предположительно, связано с *мул* 'ил', *мулить* (*воду*) [15-3: 140], известного в диалектах [19: 232], что, однако, «мало вероятно, так как лососёвые любят чистую свежую воду» [14: 166]; 4) «очень возможно, что на омуля было перенесено наименование с какой-то другой рыбы» [18-1: 599].

ОСЁТР – «крупная промысловая рыба, ценная своим мясом и икрой» [12-2: 645]. Этимология слова затемнена: 1) родственно лит. *asetras*, др.-прусс. *esketres* 'осётр', др.-лит. *esketras* 'кит', лит. *eserys*, *aserys* 'окунь' [15-3: 158]; 2) связано с лат. *exetra* 'змея' (Р. Траутман) [7: 97]; 3) восходит к др.-рус. *стрънь*, *стёрно* 'кормило, кормовое весло' от **stur* 'мощный, сильный' (ср.: д.-в.-н. *stur(i)o*, ср.-в.-н. *störe*, *stüre*, нем. *der Stor* 'осётр'): «внешне рыба *осётр*, действительно сильная, мощная и очень похожа на рулевое весло... Более развитая, верхняя лопасть хвостового плавника осетра соответствует лопасти рулевого весла, а тонкий, удлинённый рострум – рукоятке» [8]; 4) восходит к и.-е. корню *ек/ак* 'острый': тело рыбы покрывают своеобразные заострённые пластинки – острые костные жучки [11], о.-с. **jesetrъ*, **osetrъ* (?), в слав. языках форма слова испытала влияние о.-с. **ostrъ*, **ostrъjъ* [18-1: 607].

ОСТРОНО'С (ОСТРОНО'СИК) – «ценная промысловая рыба семейства кефалей» [12-2: 658]. Номинация дана по форме головы рыбы.

ПЕ'ЛЯДЬ – «рыба рода сигов, то же, что сырок» [13-9: 371]. «Тёмное слово, по видимому, иноязычное» [15-3: 228].

ПЕСКА'РЬ – «мелкая речная рыба семейства карповых» [12-3: 113]. Этимология слова затемнена: 1) «вероятно, связано с *писк*, *пищать*, потому что пескарь, если его схватить рукой, издаёт своеобразный звук» [15-3: 267], «похожий на писк» [1: 352]; ср. название сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина «Премудрый пискарь»; 2) «происходит явно от того, что он всегда лежит на песчаном дне» [1: 352]. С одной

стороны, многие исследователи считают, что «представляет собой народную этимологию объяснение слова *пескарь* как производного от *песок*» [19: 248]. С другой стороны, о противоположном свидетельствует наличие таких диал. названий данной рыбы, как *пескан*, *пескаш*, *песочник* и *песчаник* [14: 69-70]; 3) «вслед за многими языковедами можно считать это слово [с неясным значением «какая-то (мелкая) рыба»] о.-с. **piskarjъ*: **piskorjъ* (суффикс *-orjъ*, как в рус. *угорь*), и.-е. корень **peisk-*: **pisk* – «рыба» [18-2: 26].

ПИ́КША – «красная промысловая рыба семейства тресковых» [13-9: 1184]. Номен происходит, «возможно, от *пикать*» [15-3: 261].

ПЛОТВА́ – «небольшая пресноводная рыба семейства карповых» [12-3: 144]. Этимология слова затемнена: 1) заимствовано из лат. *platessa* ‘камбала, плоскуша’ [9-2: 77]; 2) пришло из нем. (Й. Ростафинский) [7: 72]; 3) восходит к **ploty*, **plotъve* ‘плоская рыба’; ср. лит. *platùs* ‘широкий’, греч. *πλατύς* ‘плоский, широкий’ [15-3: 285]: известно, что данная рыба имеет высокое, сильно сжатое с боков тело и, «очевидно, получила своё имя от того, что она плоска» [1: 361]; в то же время «плотва далеко не самая плоская среди карповых рыб» (ср. с карасём или лещом) [8]; 4) связано с *плотный* – «с плотными стаями рыбы, которыми она идёт на нерест», т.е. *плотва* «рыба, образующая плотные, *сплощенные* косяки, скопления» [8]; ср.: «плотва трётся очень большими стаями, заключающими в себе тысячи и десятки тысяч особей, так что в этом отношении она превосходит всех других чисто речных, непроходных рыб» [10: 346]; 5) произведено от *плыть*, т.е. *плотва* ‘то, что плавает, плавающее’, а позднее, после различных фонетических процессов, – ‘то, что плоское’ (двойная этимология) [7: 74]; ср. серб. *пловак*, укр. *сплотва*, причём «основа «плот» первоначально обозначало мальков всех без исключений рыб или самых распространённых видов, каковой является плотва» [11]

ПОДКА́МЕНЩИК – «рыба семейства бычков, с большой головой, покрытой шипами» [12-3: 189]. Номинация связана с

тем, что данная рыба любит каменистое дно.

ПОДЛЕ́ЩИК – «речная рыба, сходная с лещом, а также лещ небольших размеров» [12-3: 196]. В данном случае «одно название используется для наименования двух разных рыб: в одном случае и приставка, и суффикс указывают на малый размер и неполовозрелость объекта, в другом этим же именем называется другая ре-алия», причём «основой для переноса названия или использование одного термина для обозначения разных видов рыб – их внешнее сходство» [14: 101].

ПОДУ́СТ – «некрупная речная промысловая рыба семейства карповых» [13-10: 668]. Происходит «название от того, что верхняя челюсть шире и длиннее» [3-3: 213], то есть «рот у подуста расположен снизу под выступающим вперёд носом», от *pod* ‘под’ + *usta* ‘уста, рот’ [7: 21].

ПУЗАНО́К – «промысловая рыба семейства сельдевых, с коротким телом и брюшком» [12-3: 556]. В.И. Даль связывает наименование рыбы *пузан* с тем, что она похожа на раздутый пузырь [3-3: 536].

ПУТАССУ́ – «морская промысловая рыба семейства тресковых» [12-3: 563]. Номен заимствован из франц. *poutassou* [Там же].

РОГА́ТКИ – «семейство рыб с большой головой и голым телом, иногда покрытым щипками и пластинками; бычки, подкаменщики» [13-12: 1363]. Название связано с *рогатый* от *рог* и дано по выростам на теле рыбы в виде трёх игл перед спинным плавником [7: 23].

РЫБЕ́Ц – «(сырть) рыба семейства карповых» [2-2: 292]. Слово имеет прозрачную этимологию.

РЯ́ПУШКА – «мелкая пресноводная рыба семейства лососёвых» [12-3: 750]. Номинация восходит к вепс. *rapus* с тем же значением, фин. *raapys*, эст. *raabis* [15-3: 538].

САЗА́Н – «пресноводная промысловая рыба семейства карповых, обитающая в бассейнах Европы и Азии» [12-3: 13]. Слово заимствовано из тур., казах. *sazan* ‘сазан’ [15-3: 545] или ‘карп’ [7: 112]: «действительно, как название сазана и карпа слово *сазан* встречается во многих

тюркских языках» [18-2: 135]; ср.: «производства его имени сделать не умею; уж полно, русское ли оно?» [1: 375].

САЙРА – «тихоокеанская промысловая рыба» [12-3: 750]. Номен заимствован из греч. *сайрос* 'род морской рыбы' [Там же].

САЛАКА (САЛАКУШКА) – «мелкая морская промысловая рыба, разновидность сельди» [12-4: 14]. Известно, что «эта рыба является подвидом балтийской сельди, отличаясь от неё величиной тела. Нередко её именно так и воспринимают – как некрупную (чуть ли не второсортную) сельдь» [19: 104]. Этимология слова затемнена: 1) происходит от фин. *salakka*, эст. *salakas*, вепс. *salag* [15-3: 549]; 2) «утверждения... что в качестве исходного для русской салаки использовано лишь финское слово *salakka*, следует считать устоявшимся недоразумением»: в финском языке есть два сходных слова для обозначения внешне похожих друг на друга рыб – это *silakka* 'селёдка' и *salakka* 'уклейка'; «при «обрусении» значения обоих слов слились, и наш язык отобрал форму *са-* (а не *си-*)*лака*» [19: 105].

САРДЕЛЬКА – «то же, что тюлька» [12-4: 29]. От итал. *sardella* из лат. *sardine* 'рыба, пойманная около Сардинии' [19: 296]; ср. также нем. *Sardelle* 'анчоус', 'хамса' [18-2: 140].

САРДИНА (САРДИНКА) – «небольшая морская промысловая рыбка семейства сельдевых» [12-4: 29]. Номен заимствован из западноевропейских языков: нем. *Sardine*, англ. *sardine*, исп. *sardina* [18-2: 141], франц. *sardine* от ит., лат. *sardine*, *sarda* 'сардинская рыба' [15-3: 562]: «по имени острова названа и рыба» [18-2: 141].

СЕВРЮГА – «ценная промысловая рыба семейства осетровых» [12-4: 68]. Номинация заимствована из тат. *soirotok*, тар. *suruk* 'севрюга' от **sowruk* 'острый' [15-3: 589], тюрк. *sivri*, а суффикс, по-видимому, русский [18-2: 149-150]; «современная форма – из *север* (после падения редуцированных и изменения *ятя* в *е*) [19: 232].

СЕЛЬДЬ (СЕЛЁДКА) – «морская промысловая рыба, водящаяся в северных частях Атлантического и Тихого океанов (употребляется в пищу главным образом в

солёном и копчёном виде)» [12-4: 73]. Этимология слова затемнена: 1) заимствовано из др.-сканд., др.-шв. *sild*, шв. *sill*, норв. *sil* [15-3: 597] в форме *сельдь*, *сельдь* [18-2: 152] и фиксируется уже с конца XV в. [19: 104]; 2) пришло из неиндоевропейского языка народов восточной Балтии: фин. *silli* 'селёдка' [9-2: 274]; 3) «имеется предположение, что и скандинавы, и финны, и славяне, независимо друг от друга, заимствовали это название из неизвестного нам источника – от аборигенов восточного побережья Балтийского моря» [18-2: 153]. При этом номинация *селёдка* (**сьлдька*), образованная при помощи суффикса от о.-с. *сельдь*, «возникла практически одновременно (или не намного позже) с исходной формой [19: 104].

СЕЛЯВА – «вид уклеи» [13-13: 611]. Номен имеет тёмное происхождение [15-3: 594].

СЁМГА – «ценная промысловая рыба семейства лососёвых, с мясом розовато-оранжевого цвета» [12-4: 74]. Этимология слова затемнена: 1) предположительно, образовано от фин. *sonka*, вепс. *somg* 'сёмга' [15-3: 598]; 2) источник заимствования не выяснен [7: 136]; 3) возможно, от *сёмать* 'суетиться без толку', 'егозить', 'быть в нерешимости', 'колебаться' + о.-с. *-*g-a*: «в период икротетания, когда она входит из моря в устье рек, беспокойно и торопливо отыскивая удобные места для нереста, высоко подпрыгивая над водой, когда встречает на пути препятствие» [18-2: 153].

СИГ – «северная пресноводная рыба семейства лососёвых» [12-4: 89]. Этимология слова не выяснена: 1) родственно др.-исл. *sikr*, шв., норв. *sik*, дат. *sig*, лтш. *siiga* 'сиг' [15-3: 617]; 2) заимствовано из фин. языков: олон. *siiga*, вепс. *siig*, фин. *siika*, эст. *siig* (Й. Калима и др.) [7: 118; 18-2: 160]; 3) произведено от *сигать* 'прыгать' с помощью темы *ь*, *сиг* – буквально 'прыгун' [19: 302].

СИНЕЦ – «пресноводная рыба рода лещей семейства карповых» [12-4: 96]. Это слово-табу, произведённое от *синий* [15-3: 624]: «по всей вероятности, название «синец» придаётся этой рыбе потому, что она заметно синеватее прочей бели... Цветом

синец синий с зеленоватым отливом» [10: 329].

СКУМБРИЯ – «небольшая морская промысловая рыба с веретеновидным телом; макрель» [12-4: 125]. Номинация была заимствована из греч. [15-3: 662] через посредство 3. языков: франц. *scombre*, англ. *scomber*, ит. *scombro*, исп. *escombro* [18-2: 173].

СОМ – «крупная пресноводная хищная рыба с голым, лишённым чешуи телом и несколькими парами усов» [12-4: 192]. Как указывается, «если не считать белугу, сом является наибольшей по размерам пресноводной рыбой. Это значит, что, один раз появившись в языке народа, близко знакомого с этой рыбой, название сома могло сохраняться без коренных изменений в течение ряда веков» [7: 106-107]. Несмотря на это, этимология слова неясна: 1) заимствовано из лат. *salmo* 'лосось' [9-2: 599]; 2) родственно лит. *samas*, лтш. *sams* 'сом' [15-3: 716], а следовательно, унаследовано из и.-е. языка (В. Махек, И. Ледер, Р. Траутман и др.) [7: 108]: **k'amos*, о.-с. **somъ*, при этом «рыба названа по ассоциации: «ствол (колода, коряга и т.п.) в воде»? [18-2: 188]; 3) пришло из фин. *sampi* 'осётр' (В.Н. Топоров, О.Н. Трубочёв); 4) «заимствовано славянами и, возможно, балтами у какого-то населения Центральной Европы во время их пребывания на территории распространения лужицкой культуры» [7: 108-109].

СТАВРИДА – «морская промысловая рыба отряда окунеобразных» [12-4: 245]. Этимология слова затемнена.

СТЕРЛЯДЬ – «ценная промысловая рыба семейства осетровых» [12-4: 263]. Происхождение слова не выяснено: 1) заимствовано из нем. *Storling* 'маленький осётр' [15-3: 758-759] или *der Sterling* [8] не позже XV в. [19: 319]; 2) контаминация *Stör* 'осётр' и *сельдь*, **селедь* [9-2: 268]; 3) пришло из неизвестного источника [7: 69]; 4) «мы склонны производить *стерлядь* от общеславянского слова *стерво* (цер.-славян. *сртъво*, *сртъвъ*). Суффикс *-ядь* обычен в русском языке: срв. *пестрядь*, *рухлядь*, *челядь* и т.д. *Л* из *в* мог легко явиться и фонетическим путём. Как известно, тонкий вкус стерляжьего мяса со-

храняется лишь до тех пор, пока рыба жива; «снулая» она сразу же становится невкусной. Это-то свойство стерляди, которым она резко отличается от других, водящихся в реках России, рыб, и послужило – думается нам – причиной, почему русский человек назвал её «стервядь», то есть похожею на падаль (какою, действительно, и становится эта рыба, как только она станет «снулою» [4: 14-15].

СУДАК – «ценная промысловая рыба семейства окуневых» [12-4: 300]. Происхождение слова затемнено: 1) заимствовано из герм. языков (ср.-в.-нем. *sandat*, н.-нем. *Sander*), в которых оно является производным от *Sand* 'песок': данная рыба любит песчаную почву [19: 324]; 2) пришло из польского (Махек) [15-3: 795]; 3) восходит к тюркским языкам (Дмитриев) [Там же].

СЫРОК – «рыба семейства лососёвых, обитающая в реках и озёрах Сибири» [12-4: 327]. Заимствовано из ханты *sarex* с тем же значением [15-3: 820].

СЫРТЬ – «промысловая рыба семейства карповых, обитающая в Балтийском море; рыбец» [13-14: 1370]. Этимология слова затемнена: 1) родственно *сырок* из ханты *sarex* в том же значении [15-3: 820]; 2) «очень может быть, что и самоё название *сырть*, *сыреть* произошло от того, что мясо этой рыбы очень сочно – сыро» [Сабанеев 1976: 328]; ср. также: «какая-то рыба, кажется, вяленая (сырьё?)» [3-4: 377]

ТАЙМЕНЬ – «рыба семейства лососёвых, водящаяся в реках Сибири, Сахалина, севера Европейской части Советского Союза» [12-4: 331]. Номинация заимствована из финск. *taimen* 'форель', эст. *taim* [15-4: 11].

ТАРАНЬ – «промысловая рыба семейства карповых, разновидность плотвы (употребляется в пищу главным образом в солёном и вяленом виде)» [12-4: 340]. Слово имеет тёмную этимологию [15-4: 22]; возможно, заимствовано, но источник неясен [7: 136].

ТОЛСТОЛОБИК – «промысловая рыба семейства карповых, распространённая в реках Юго-Восточной Азии» [13-15: 570]. Название рыбы связано с её внешним

видом.

ТРЕСКА' – «промысловая рыба северных морей» [12-4: 406]. Номен появился в результате семантического развития слова *треск* 'щепка, кол, жердь' [19: 340], *троска* 'жердь, кол' [18-2: 261], потому что «в сушке щепится, как дерево» [3-4: 429], то есть «первоначально «рыба-щепка» и тождественно этимологически *треска*» [12-4: 100].

ТЮ'ЛКА – «мелкая морская промысловая рыбка семейства сельдевых; сарделька» [12-4: 29]. Номинация происходит от *тилька* из *килька* [15-4: 134].

УГОРЬ – «рыба со змеевидным телом» [12-4: 461]. Этимология слова затемнена: 1) родственно др.-прусс. *angurgis*, лит. *ungurys* 'угорь' [15-4: 146]; 2) псл. **ogorь* (**ogьrь*) восходит к и.-е. языку [7: 93] и имеет значение 'змееподобный, змея' [11], причём «и.-е. корень... по-видимому, тот же, что в рус. *уж*» [18-26 283].

УКЛЕ'ЙКА – «небольшая пресноводная рыба семейства карповых» [12-4: 408]. Этимология слова неясна: 1) заимствовано из нем. *Uk(e)lej* (Й. Ростафинский) – однако в немецкий оно, наоборот, пришло из слав. языков; 2) родственно лит. *aukslė*, лтш. *aukslēj* 'уклейка' (М. Фасмер и др.) [7: 90-92]; 3) «вероятно, имеет финское или татарское происхождение» [10: 449]; 4) псл. **ukleja* [15-4: 156] и балт. *auksle* – заимствование из какого-то европейского языка; 4) восходит к *клей* (С. Младенов), однако «нигде не встречается указание на особенную слизистость рыбы или же на применение к изготовлению клея» (И. Ледер) [7: 90].

УСА'Ч – «рыба семейства карповых» [13-16: 860]. Название рыбы связано с её внешним видом: «усачи легко отличаются от всех других рыб свои выдающимся хоботообразным рылом и 4 длинными усачи, из которых два расположены на конце верхней губы, прикрывающей нижнюю, а другие два – по углам рта» [10: 255].

ФОРЕ'ЛЬ – «рыба семейства лососей, с красными и чёрными пятнышками, водящаяся в горных речках, в ручьях и озёрах» [12-4: 575]. Слово восходит к нов.-нем. *Forelle*, д.-в.-н. *forhana* [15-4: 203;

18-2: 321]. Прежнее название, данное по окраске этой рыбы, которая имеет красные, чёрные и белые крапинки, и связанное с *пёстрый* (**pьstrь*), не сохранилось [7: 28].

ХАМСА' – «то же, что анчоус» [12-4: 591]. Номен восходит к тур. *xamsy* 'Atherina hepsetus' [15-2: 175].

ХА'РИУС – «пресноводная рыба семейства лососёвых» [12-4: 593]. Номинация заимствована из вепс. *hard'uz*, *harjus*, карельск. *harjus*, фин. *harju*, *harjus* 'хариус' из герм. **harzus* [15-4: 224; 18-2: 334].

ХЕК – «морская промысловая рыба семейства тресковых» [12-4: 597]. Номен пришёл из англ. *hake* [Там же].

ЧЕХО'НЬ – «промысловая стайная рыба семейства карповых, обитающая в бассейнах Балтийского, Чёрного, Каспийского и Аральского морей» [12-4: 676]. Слово, возможно, восходит к псл. *čexon* 'рубящее или секущее орудие, секач' от *čexati* 'бить, ударять, сечь': тело рыбы напоминает нож с закруглённым лезвием [7: 151], «благодаря своему заострённому, сильно выгнутому брюшку и прямой широкой спине» [15-4: 354].

ШЕМАЯ' – «промысловая рыба семейства карповых, распространённая в бассейнах Чёрного, Азовского, Каспийского и Аральского морей» [12-4: 709]. Слово заимствовано из ново-перс. *sahmahi* 'царская рыба' [15-4: 402].

ШИП – «промысловая рыба семейства осетровых, распространённая в бассейнах Аральского, Каспийского и Чёрного морей» [12-4: 716]. Номен происходит от *шип* 'колючий' [15-4: 440] или *шип* 'шип': «мотивом переноса названия послужила общая черта между давно известными предметами по форме или по цвету и рыбой» [14: 153].

ШПРОТ (ШПРО'ТА) – «мелкая морская промысловая рыба семейства сельдевых» [12-4: 729]. Номинация заимствована из нем. *Sprotte* [15-4: 475], *Sprott* от англ. *sprat* из *sprote* 'отросток' [18-2: 424].

ЩИПО'ВКА – «маленькая речная рыбка семейства вьюновых, с длинным, сильно сжатым с боков телом пёстрой окраски» [13-17: 1694]. Название было да-

но рыбе «за её подвижные подглазные колючки, которыми она цепляется за сети и которыми можно несколько уколоть себе пальцы, если неосторожно взять её за голову» [10: 470].

ЩУ́КА – «хищная пресноводная рыба с вытянутой, сплюсненной сверху головой и удлинённым телом» [12-4: 744]. Этимология слова затемнена: 1) возможно, восходит к герм. языкам: *scheuchen* ‘спугивать, отпугивать’, *die Scheuche* ‘пугало, чучело’ [8]; 2) заимствовано из фин. *hauki*, удм. *tšipei* ‘щука’ (В.Н. Топоров, О.Н. Трубачёв), однако «невозможно предположить, чтобы щука... оставалась у славян без названия до тех пор, пока они не встретились с финнами» [7: 95]; 3) псл. **ščuka* от **ščuplь* (А. Брюкнер); 4) псл. **štuka* от и.-е. **steig* ‘острый’ (Г. Нойхаузер); 5) псл. **skeu-k-*, **skeu-p-* от и.-е. **skeu* ‘острый, резать’ (Г.А. Ильинский), что «хорошо мотивируется хищным характером этой рыбы» [7: 95-96]; ср.: «длинный брусковатый стан, широкие хвостовые перья для быстрых движений, вытянутый вперёд рот, нисходящий от глаз в виде ткацкого челнока, огромная пасть, усеянная внизу и вверху сплошными острыми, скрестившимися зубами, из коих не вырвется никакая добыча, широкое горло, которым она проглатывает насадку толще себя самой, – всё это вместе даёт ей право называться царицей хищных рыб, обитающих в пресных водах рек и озёр» [1: 392]; 6) образовано при помощи суффикса *-ка* от *щупать*: *щупка* → *щука*, так как эта рыба «щуплая» [19: 387]; 7) связано с глаголом *скакать* (**skvak-*) (А.А. Потебня). Все этимологии данного слова М. Фасмер считает неудовлетворительными [15-4: 510].

ЯЗЬ – «пресноводная рыба семейства карповых» [12-4: 781]. Происхождение слова неясно: 1) родственно польск. *jażdż*, *jazgarz* и лит. *egžlŷs*, *ežegŷs* ‘ёрш’ (А. Брюкнер) [7: 100]; 2) восходит к и.-е. **ai* ‘гореть, блестеть’ (И. Ледер), псл. *язьнь* ‘ясный, светлый’ по окраске рыбы [11] или о.-с. **jazь* из **azь* от и.-е. **ǵs* ‘жечь’, ‘обжигать’, ‘палить’: «язь мог быть так назван по своей тёмной, как бы закопчённой спине», хотя и существуют фонетические несоответствия [18-2: 468]; 3) из псл. **azь*,

**jazь* [15-4: 551] ‘коза’ (А. Янзен) [7: 100]: «это остроумное предположение основывается, кроме фонетических данных, на том несомненном факте, что некоторые рыбы семейства карповых имеют характерные свисающие книзу отростки, похожие на усики, по обеим сторонам короткого рта с опущенными уголками», что, однако, более характерно для сазана» [18-2: 468]; 4) тёмное слово: «не умею определить, откуда происходит это название» [1: 366].

Проведённое нами исследование названий рыб в русском языке показало следующее.

1. Примерно треть названий рыб в русском языке составляют тёмные как по своему происхождению, так и по внутренней форме единицы (40): *акула, барабулька, бёрш, густера, елец, ёрш, жерех, камбала, карась, карп, килька, лец, линь, лосось, минога, налим, нельма, нерка, окунь, омуль, осётр, пелядь, пескарь, плотва, рыба, салака (салакушка), сельдь (селёдка), селява, сёмга, сиг, сом, ставрида, стерлядь, судак, сырть, тарань, угорь, уклейка, щука, язь*. Исследователи спорят о том, заимствованные ли это номинации (причём не вполне ясно, из какого именно языка-источника), или же это лексемы, которые «в результате забвения внутренней формы... оказываются в этимологической «изоляции», мотивационные связи утрачены, и их можно выявить только проникнув в историю каждого из этих слов» [14: 15]. При этом, поскольку в отношении этимологии большинства номинаций (32) высказывается целый ряд точек зрения (их количество порой достигает 4-6), можно утверждать, что такие номинативы занимают «промежуточное положение между общеславянскими названиями рыб, этимологически прозрачными, и названиями с затемнённой этимологией» [7: 65].

2. Менее чем треть названий рыб составляют ихтионимы, у которых удалось установить точный язык заимствования (24). Они пришли из следующих языков: финно-угорских (*корюшка, кумжа, мойва, ряпушка, таймень, хариус*), греческого (*кефаль, сайра, скумбрия*), турецкого (*сазан, севрюга, хамса*), французского (*анчо-*

ус, сардина (сардинка), путассу), немецкого (форель, шпрот), английского (хек), вьетнамского (минтай), голландского (макрель), итальянского (сарделька), нанайского (кета), персидского (шемая), ханты (сырок).

3. Среди номинативов с прозрачной внутренней формой (35) основными мотивировочными признаками выступают различные характеристики рыб: внешний вид (бычок, верхогляд, вобла, вырезуб, голавль, голец, гольян, горбуша, зубатка, остронос (остроносик), подуст, пузанок, рогатки, рыбец, толстолобик, усач, чехонь, шип, щиповка), цвет (белоглазка, белорыбица, белуга, красная рыба, красноёрка, синец), действие (вьюн, колюшка, пикша, треска), место обитания (верховка, голомянка, подкаменщик), подобие (подлещик, чехонь), вкус (горчак). Как справедливо указывают исследователи, «процесс порождения наименований рыб связан с отражением в знаках языка признаков, свойств, функций, которые должны быть подвергнуты номинации» [14: 179]. Что же касается рыб, то «для рыболовов каждая рыба – живое существо, имеющее индивидуальные «черты характера» (повадка); во-вторых, окрас тела рыбы – первое, что бросается в глаза во время ловли, а уже потом – форма, величина, вес и пр. (цвет оперения); в-третьих, каждый вид рыбы имеет не только свои поведенческие и «психологические» особенности, но и вполне конкретный, выделяющийся, а потому приметный орган, часть тела» [16: 14]. Хотя учёные отмечают, что «наименования по цвету чешуи наиболее разнообразны по семантике, структуре и являются самой многочисленной группой» [14: 55], однако в нашем материале они занимают лишь второе место.

4. Известно, что «славянская народная ихтиотерминология использует общеязыковые словообразовательные средства – деривацию, композицию, конверсию; широко применяются для названия рыб словосочетания – двучленные (редко трёхчленные) наименования» [14: 10]. В нашем материале самым распространённым морфологическим способом номинации является суффиксация (18) (белуга, верховка, вьюн, голавль, голец, голомянка, гольян,

горбуша, горчак, зубатка, колюшка, пикша, пузанок, рогатки, рыбец, синец, усач, щиповка), при этом слова образуются по следующим моделям: 1) основа существительного + суффиксы -ач (усач), -ец (рыбец), -к- (голомянка), -ль (голавль), -овк- (верховка, щиповка), -ок (пузанок), -уш- (горбуша); 2) основа прилагательного + суффиксы -ак (горчак), -ец (голец, синец), -к- (зубатка, рогатки), -уг- (белуга), -ян (гольян); 3) основа глагола + суффиксы -ш- (пикша), -юн (вьюн), -юшк- (колюшка). Далее идут сложение основ (белоглазка, белорыбица, верхогляд, вырезуб, красноёрка, остронос (остроносик), толстолобик), префиксация + суффиксация (подкаменщик, подлещик), нулевая суффиксация (вобла), сращение (подуст). Как видно, названия рыб характеризуются многообразием словообразовательных моделей.

По свидетельству учёных, «старые названия через суффиксацию получают новые значения. Чаще других используются суф. -ik, -k(a) для обозначения рыбы чем-то похожей на ту, которая обозначена производящей основой, но меньше её по размеру» [14: 77]. При этом «деминутивные суффиксы в ихтиотерминологии выполняют двоякую семантическую функцию: они используются при номинации другой реалии, а не той, которую называет производящая основа. В этом случае они утрачивают свою первоначальную семантику» [14: 105]. Нам встретилось слово подлещик, которое обозначает не только леща небольших размеров, но и речную рыбу, сходную с лещом. По мнению исследователей, «те случаи, когда употребляется суффикс с деминутивным значением, изменение семантики производящей основы можно объяснить внешним сходством рыб, а употребление деминутива в качестве наименования другой рыбы вызвано тем, что рыбка, «присвоившая» себе чужое имя, меньше по размеру. В таких наименованиях происходит разрыв между значением производящей основы и дериватом и десемантизация деминутивного суффикса, который передаёт уже нейтральное значение» [14: 91].

Среди неморфологических способов словообразования отмечены метафориче-

ский (на основе сходства внешнего вида: *бычок, треска, чехонь*) и метонимический (с определённой части тела рыбы на всю рыбу: *шип*) переносы.

По структуре все номинативные единицы, обозначающие рыб, являются однокомпонентными, за исключением номена *красная рыба*.

5. Синонимические отношения в данной группе неразвиты. Нами были выявлены лишь 5 синонимических пар: *анчоус – хамса, макрель – скумбрия, пелядь – сырок, рыбец – сырть, сарделька – тюлька*. Кроме того, учитывая определение, данное *рогаткам*, можно выделить также синонимический ряд *бычок – подкаменщик – рогатки*.

6. Исходя из определений названий рыб, выписанных из словарей, можно также говорить о том, что в данной группе присутствуют гиперо-гипонимические отношения: *вьюн – щиповка, лещ – подлещик, плотва – вобла, тарань; сазан – карп, сельдь – салака (салакушка), уклейка – селевка*. Для названий рыб семейства осетровых гипонимом является номинация *красная рыба*. Ко всем названиям рыб ги-

понимичным выступает слово *рыба*.

7. В нашем материале встретилось одно явление полисемии: *голец* 'небольшая пресноводная рыба семейства карповых, с тонкой кожей без чешуи' – *голец* 'рыба семейства лососёвых, водящаяся в северных морях'. Возникновение данных значений связано с тем, что «разные рыбы могут иметь что-то общее и могут быть объединены этим общим признаком» [14: 181]. В нашем случае таким объединяющим экстралингвистическим признаком явилась гладкая, лишённая чешуи поверхность тела данных рыб.

8. Вариантность среди названий рыб в русском языке также не является распространённой. В основном это варианты словообразовательного характера (*остронос – остроносик, салака – салакушка, сардина – сардинка, сельдь – селёдка*), а также фонетического (*ке́та – кета́*) и морфологического (*шпрот – шпрота*).

Как видно, названия рыб в русском литературном языке представляют собой интересный лингвистический материал, требующий своего дальнейшего научного изучения.

Библиографический список

1. Аксаков С.Т. Записки об уженье рыбы / С.Т. Аксаков // Собр. соч. : в 5 т. – М. : Правда, 1966. – Т. 4. – С. 287-417.
2. Большой энциклопедический словарь : в 2 т. / [гл. ред. А.М. Прохоров]. – М. : «Советская энциклопедия», 1991.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. / В.И. Даль. – М. : Русский язык, 1978-1980.
4. Зеленин Д.К. Этимологические заметки / Д.К. Зеленин. – Воронеж : Типография В.И. Исаева, 1903. – 32 с.
5. Казанский Б.В. В мире слов / Б.В. Казанский. – Л. : Лениздат, 1958. – 264 с.
6. Карасёва Т.В. Некоторые названия рыб в воронежских говорах / Т.В. Карасёва // Континуальность и дискретность в языке и речи : материалы межд. науч. конф. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, Просвещение-Юг, 2007. – С. 288-289.
7. Коломиец В.Т. Происхождение общеславянских названий рыб : К IX Международному съезду славистов / В.Т. Коломиец. – Киев : Наукова думка, 1983. – 160 с.
8. Лебедев И.Г. Значение и происхождение некоторых русских названий рыб России / И.Г. Лебедев // Проблемы аквакультуры : межведомств. сб. науч. и науч.-метод. тр. :

мат-лы межд. науч.-практ. конф. по аквариологии. – М., 2007. – Вып. 2. – (<http://www.aqualogo.ru/book2007-32>).

9. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. / А. Преображенский. – М. : Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910-1914.

10. Сабанеев Л.П. Жизнь и ловля пресноводных рыб : С приложением «Рыболовного календаря» Л.П. Сабанеева / Л.П. Сабанеев. – Киев : Урожай, 1980. – 608 с.

11. Сибулонец С. Древние названия рыб / С. Сибулонец // (<http://www.randewy.ru/razn/andrrazn.html>).

12. Словарь русского языка : в 4 т. / [гл. ред. А.П. Евгеньева]. – М. : Русский язык, 1981-1984.

13. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / [гл. ред. В.И. Чернышёв]. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1950-1965.

14. Усачёва В.В. Славянская ихтиологическая терминология : Принципы и способы номинации : Обратный словарь / В.В. Усачёва. – М. : Индрик, 2003. – 352 с.

15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1964-1973.

16. Халюков Ю.В. Лексика орловских рыбаков / Ю.В. Халюков : автореф. ... канд. филол. наук. – Орёл, 2008. – 25 с.

17. Цинь Чжэнь. Названия рыб в воронежских говорах / Чжэнь Цинь // Край Воронежский : межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж : ВГПУ, 2009. – Вып. 5. – С. 138-143.

18. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П.Я. Черных. – М. : Русский язык, 1994.

19. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка : пособие для учителя / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. – М. : Учпедгиз, 1961. – 404 с.

20. Шустов А.Н. Селёдки малые / А. Шустов // Русская речь. – 1996. – № 1. – С. 103-111.

References

1. Aksakov S.T. The Notes about the Fishing of Fishes / S.T. Aksakov // Complete Works : 5 v. – М. : Pravda, 1966. – V. 4. – P. 287-417.

2. The Great Encyclopedia : 2 v. / [ed. by A.M. Prokhorov]. – М. : «Sovetskaya entsiklopediya», 1991.

3. Dal V.I. The Defining Dictionary of Living Great Russian : 4 v. / V.I. Dal. – М. : Russkij yazyk, 1978-1980.

4. Zelenin D.K. Etymological Notes / D.K. Zelenin. – Voronezh : The Typography of V.I. Isayev, 1903. – 32 p.

5. Kazanskiy B.V. In the World of Words / B.V. Kazanskiy. – L. : Lenizdat, 1958. – 264 p.

6. Karaseva T.V. Some Names of the Fishes in Voronezh Dialects / T.V. Karaseva // Continuity и Discreteness in Language and Speech : the materials of international scientific conference. – Krasnodar : KSU, Prosveshchenie-Yug, 2007. – P. 288-289.

7. Kolomiets V.T. The Etymology of the Pan-Slavonic Names of the Fishes : for IX International Congress of Slavists / V.T. Kolomiets. – Kiev : Naukova Dumka, 1983. – 160 p.

8. Lebedev I.G. The Meaning and the Etymology of Some Names of the Fishes in Russia / I.G. Lebedev // The Problems of Aquaculture : the interdepartmental selection of scientific and methodic works : the materials of the International scientific and practice conference on aquariology. – M., 2007. – V. 2. – (<http://www.aqualogo.ru/book2007-32>).
9. Preobrazhenskiy A. The Etymological Dictionary of Russian : 2 v. / A. Preobrazhenskiy. – M. : The Typography of G. Lissner and D. Sovko, 1910-1914.
10. Sabaneev L.P. The Life and the Fishing of the Freshwater Fishes : with the supplement of «Fishing calendar» by L.P. Sabaneev / L.P. Sabaneev. – Kiev : Urozhay, 1980. – 608 p.
11. Sibulonets S. The Ancient Names of the Fishes / S. Sibulonets // (<http://www.randewy.ru/razn/andrrazn.html>).
12. The Dictionary of Russian : 4 v. / [ed. by A.P. Yevgenyeva]. – M. : Russkiy Yazyk, 1981-1984.
13. The Dictionary of Contemporary Literary Russian: 17 v. / [ed. by V.I. Chernyshev]. – M.-L. : AN SSSR, 1950-1965.
14. Usacheva V.V. The Slavonic Ichthyological Terminology : The Principles and the Methods of the Nomination : The Inverse Dictionary / V.V. Usacheva. – M. : Indrik, 2003. – 352 p.
15. Fasmer M. The Etymological Dictionary of Russian : 4 v. / M. Fasmer. – M. : Progress, 1964-1973.
16. Halukov J.V. The Vocabulary of the Orel's Fishmen / J.V. Halukov : the author's abstract of Ph.D. thesis on Philology. – Orel, 2008. – 25 p.
17. Tsin Chzhen. The Names of the Fishes in Voronezh Dialects / Chzhen Tsin // Voronezh Region : the interuniversity selection of scientific works. – Voronezh : VGPU, 2009. – V. 5. – P. 138-143.
18. Chernykh P.Y. The Historic and Etymological Dictionary of Contemporary Russian : 2 v. / P.Y. Chernykh. – M. : Russkiy Yazyk, 1994.
19. Shanskiy N.M. The Shorter Etymological Dictionary of Russian : the textbook for the teachers / N.M. Shanskiy, V.V. Ivanov, T.V. Shanskaya. – M. : Uchpedgiz, 1961. – 404 p.
20. Shustov A.N. The Small Herrings / A.N. Shustov // Russkaya rech. – 1996. – № 1. – P. 103-111.

УДК 81'38801.6.808

*Воронежский государственный университет
Кафедра общего языкознания и стилистики
Аспирант Калеел Ахмед К. Калеел
Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732) 20-82-49;
e-mail: aahmedam2000@yahoo.com*

*Voronezh State University
The chair of General Linguistics and Stylistics
Post-graduate Student
Kaleel Ahmed K. Kaleel
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 20-82-49;
e-mail: aahmedam2000@yahoo.com*

Калеел Ахмед К. Калеел

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ТРАНСФОРМАЦИЙ С ЗАМЕНОЙ КОМПОНЕНТОВ УСТОЙЧИВОГО ВЫРАЖЕНИЯ

В статье анализируются особенности трансформированных пословиц и фразеологизмов в языке современных СМИ.

Kaleel Ahmed K. Kaleel

SEMANTICS AND PRAGMATICS OF THE TRANSFORMATIONS WITH THE SUBSTITUTES OF THE SET EXPRESSSIONS COMPONENTS

The article deals with analysis of transformed phraseological units and proverbs peculiarities in the language of the contemporary press.

Известно, что замены компонентов часто приводят к преобразованию семантики устойчивых выражений. Кроме того, такие трансформации часто приводят к созданию эффектных, ярких, необычных речевых образований, таких, как каламбуры, остроты, парадоксы, всегда привлекающих внимание получателей информации. Для того чтобы использовать такого рода трансформации, пишущий должен глубоко продумать механизм образования, состоящий в замещении компонентов.

Так, известное произведение А. Никитина под названием «Хождение за три моря», став прецедентным, трансформируется в следующем фрагменте текста путём замены первого компонента: Чтение за

три моря – так называется текст, посвящённый открытию «Делийской ярмарки, второй по величине книжной ярмарки мира, основанной в 1957 г.

Она представляет издания Индии на 32 языках страны и экспозиции британских, американских, германских, французских, израильских, испанских издателей» [НГ. – 07.12.2008. – С. 22]. Видимо, такая замена была необходима автору для того, чтобы приблизить заголовков к содержанию текста. Однако для читателя без обращения к тексту он ни о чём не говорит, более того, он может показаться абсурдным и аграмматичным, поскольку в оригинале *хождение* (куда?) *за три моря* – должно быть *чтение* (где?) *за тремя морями* при невозможности *чтение* (куда?). В итоге – нулевое воздействие, отторжение от чтения текста.

Куба не дура! Альберто Корда, ранее промышлявший съёмками модной одежды и впоследствии ставший личным фотографом Фиделя Кастро, сделал этот снимок в 60-м на похоронах жертв взрыва военного судна в гавани Гаваны [Моё! –21.05.2007. – С. 49]. Автор данного заголовка прибегает к трансформации известного просторечного фразеологизма *губа не дура*. Так говорят о человеке, умеющем выбрать для себя что-либо самое лучшее, не прогадать, воспользоваться чем-либо ценным и полезным для себя.оборот на самом деле является сокращением поговорки *У него губа не дура, язык не лопатка: знает, где горько, где сладко* [4: 93]. Другое мнение высказано Молотковым, который считает, что выражение *губа не дура* включается в новую поговорку, а не является следствием сокращения [7: 113-114]. Автор заголовка позволяет себе обнаружить своё негативное отношение к Альберту Корде, что поддерживается контекстом *промышлявший съёмками модной одежды*, где глагол *промышлять*, кроме значения ‘заниматься каким-либо промыслом, ремеслом’, в разговорной речи приобрёл значение ‘заниматься предосудительной деятельностью, воровать, красть’ [1: 1017]. Поскольку речь в данной статье идёт об одной персоне, а в заголовке вынесено название государства, которое метонимически использовано для привлечения внимания читателя, считаем такую трансформацию оборота и вынесение его в таком виде не вполне корректным, хотя намерение адресанта полностью достигает своей цели: читатель понимает, что герой сообщения выставлен в неприглядном свете.

При замене единичного компонента у многих трансформов сохраняется форма устойчивого выражения, однако формируется новое, переносное значение, например: *Птицу видно по помёту* [Моё! – 2006].

Исходное выражение – поговорка *птицу видно по полёту* или *птица высокого полёта* – имеет значение особой знатности и ценности человека умного,

мастера своего дела. Автор трансформировался желанием подчеркнуть негативную оценку человека, усилить эффект негативного восприятия героя публикации. Возникло это выражение в разговорной речи и могло выглядеть так: *Одну птицу узнаешь по полёту, а другую – по помёту*, то есть ‘одну по великим делам, свершениям, а другую – по грязным делишкам и всяким пакостям’.

Большую эффективную роль в такого рода трансформациях играют звуковые подобию слов-компонентов, замещающих друг друга, что приводит к их семантическим переключкам и, соответственно, к созданию образа. Такие замены всегда имеют большую иллюкативную силу, приводящую к эффективному воздействию на читателя или слушателя. Можно сказать, что здесь мы сталкиваемся с известным стилистическим приёмом, состоящим в преднамеренном смысловом сближении только уже не однокоренных слов, как в случае паронимазии, а в установлении окказиональных, случайных (не соответствующих принятому употреблению) смысловых связей и противопоставлений между созвучными (близкими по звучанию) словами, не обнаруживающими ни этимологического, ни семантического сходства. Такие замены компонентов придают дополнительную остроту и выразительность не родственным словам (*полёт – помёт, губа – куба*) в определённом контексте. Это заостряет образные ассоциации и оценки, безусловно, привлекает внимание к фрагменту текста к публикации в целом, помогает создать броский, каламбурный заголовок.

Игровые трансформации устойчивых выражений являются, как уже указывалось, результатом использования *паронимазии* – нарочитого сближения слов в чём-то сходных в своём звуковом составе [5: 37]. Создаётся впечатление, что авторы текстов образуют производные слова от уже имеющихся основ, сохраняя звуковое подобие слов, или смешивают морфемы и создают сочетания созвучных слов с несовместимыми сферами лекси-

ческой сочетаемости. При случайном или преднамеренном сочетании созвучных слов создаётся ситуация, приводящая к комическому восприятию речи [3: 29-30]. Приём паронимии реализуется часто в трансформированных устойчивых выражениях в сатирической или комической игре созвучных слов, называемой *каламбуром*.

Существенная закономерность: чем неожиданнее соединение слов в паре, тем она ярче, тем большее впечатление производит она на читателя или слушателя. Особенно эффектна такая трансформация в случае абсолютного смыслового разрыва между заменяемыми словами – компонентами в рамках одного устойчивого выражения. Часто замена компонента устойчивого выражения задаёт ему новую социально значимую тему (бизнес, криминализация общества и др.), хотя исходное выражение ничего общего с указанными темами не имеет.

Мал бизнес, да дорог [АиФ. – 2004. – № 7] – заголовок публикации о развитии малого бизнеса в России. Исходная поговорка *Мал золотник, да дорог*, где *золотник* – самая мелкая русская мера веса, равная 4,2666 граммам, употребляемая в основном при взвешивании золота; синонимичное – *Мал, да удал* – там говорят с похвалой о малорослом человеке. Замена компонента *золотник* словом *бизнес* позволяет обыграть экономический термин *малый бизнес*, который, как утверждается в статье, является дорогим удовольствием. Если назначение исходного выражения – подчеркнуть достоинства чего-либо или кого-либо небольшого по размеру, кажущегося незначительным, но важного по существу, то трансформированное, оно актуализирует дороговизну малого бизнеса.

Такие трансформы, как правило, отражают типизированные ситуации в определённой актуальной социальной сфере. Например: служба в армии: *На нет и трибунала нет* [КП. – 21.02.2003]; исходное выражение: *На нет и суда нет*; Университет – *всему голова* [РГ. – 19.01.2005]; исходное выражение: *Хлеб –*

всему голова; питание: *Рыбу маслом не испортишь* [КП. – 07.03.2003]; исходное выражение: *Кашу маслом не испортишь*; *Сделал дело – хрусти смело* (реклама чипсов на НТВ, 2004); исходное выражение: *Сделал дело – гуляй смело*; *Язык до РУБОПа доведёт* [Моя семья. – 2003. – № 45] – заголовок статьи о болтливом преступнике. Исходное выражение: *Язык до Киева доведёт*. Последняя поговорка хранит народную память о Киеве – «матери русских городов», древнем центре восточных славян. Записана она, по данным «Школьного словаря живых русских пословиц» [8: 283-84], ещё в XVII веке и означает возможность всё найти, узнать дорогу, когда не известен адрес, расспрашивая прохожих. Обычно эту поговорку используют как речевой акт поощрения к началу трудного пути, подбадривания к совершению действия. Замена компонента *до Киева* аббревиатурой *до РУБОПа* (Российское управление по борьбе с организованной преступностью) привела к изменению целевого назначения и к реформированию речевого акта предупреждения.

Трансформы в заголовках, полученные путём замены компонентов устойчивого выражения, часто приобретают очень узкую, единичную привязку к информации, содержащейся в тексте: *С папой рай в «Ералаше»* [МК. – 30.08.2003] – так называлась статья о дочери Б. Грачевского Ксении, которая работает вместе с отцом в детском киножурнале «Ералаш». Исходное выражение: *С милым рай в шалаше*.

Небо в Алмазове – название статьи о селе Алмазове, где люди «всеми силами стараются, чтобы дети после учёбы сюда не вернулись, потому что скотина и земля – это очень тяжело» [НГ. – 22.01.2002]. Если нет пресуппозиционных, фоновых знаний (это прецедентный текст из пьесы А.П. Чехова), то читателю чрезвычайно трудно понять смысл заголовка-трансформа. Исходное выражение в пьесе имеет вид *увидеть... небо в алмазах*. Оно означает ‘добиться успеха, победы, решения всех проблем, а

значит, их отсутствия в будущем' (герои пьесы А.П. Чехова стремились в Москву и устремлены в будущее, которое им казалось безоблачным). Автор «сыграл» на замене компонента в алмазах собственным словом, созвучным исходному, и редуцировал выражение в целом, в результате чего оно потеряло смысл, ясный только самому автору.

Что им стоит дом построить!
Обсуждают в кулуарах визит в областную Думу жильцов дома на Никитинской, 49/2 [НГ. – 1.12.2006. – С. 2]. Статья под таким названием была посвящена «ходакам», жалующимся на незаконное строительство дома. Заголовок представляет собой трансформацию, состоящую в усечении и замене компонента исходного выражения *Что нам стоит дом построить – нарисуем, будем жить*, широко употребляющегося в разговорной речи как клише, использующегося в качестве или уверения в достижимости какого-либо дела, или успокоения адресата при трудностях в решении каких-либо проблем. Автор публикации выносит часть этого выражения в заголовок, заменяя компонент *нам* на местоимение *им*, в результате чего реализует интенцию осуждения третьих лиц. Само усечённое выражение превращается в риторический вопрос, заключающий в себе осуждение. Будучи таковым, он порождает и ответ – *ничего им не стоит...* Такая комбинированная трансформация приводит к сильному воздействию на читателя, вызывает реакцию возмущения. В этом случае автор достигает самого важного эффекта, который естественным образом возникает в процессе интерактивного диалога.

Схватки гладки? Статья под таким заголовком была о том, что «по дурости чиновников жёнищинам Звенигорода приходится рожать за сто километров от родного города» [НГ. – 11.04.2008. – С. 15]. Исходная поговорка *взятки гладки*, по данным Словаря-тезауруса русской идиоматики, означает «неудачу, отсутствие результата, отсутствие успеха» [б: 901]. Замена компонента *взятки* на

схватки и превращение исходного утвердительного высказывания в вопросительное, во-первых, «привязывает» трансформ к реальным фактам, возвращает прямой смысл выражению; во-вторых, выражает сомнение в успешности родов за сто километров от дома. Лексема *гладки* означает здесь 'успешны'; ср.: *У тебя всё гладко прошло?*

Кофе раздора [Известия. – 17.04.2002] – текст о скандале за чашкой кофе в кафе. Эффект усиленного ожидания возникает в тех случаях, когда заголовок теми или иными способами привлекает внимание читателя и побуждает его обратиться к тексту немедленно, не откладывая газету в сторону. Трансформированное выражение вызывает у читателя вопросы, а иногда даже недоумение, если оказывается совсем непонятным. Автор обнаруживает своё стремление заинтриговать.

Полная труба – устроить на даче водопровод [Известия. – 4.07.2004].

Существует выражение *дело труба*. Оно носит просторечный характер и означает, что дело плохо. Автор фрагмента текста заменяет компонент-существительное *дело* на прилагательное *полная*, желая тем самым подчеркнуть, усилить значение абсолютной невозможности действия, задуманного дела. К трансформации замены компонента добавляется и игра слов, связанная с тем, что для проведения водопровода действительно необходима труба.

Как видно, большое количество трансформов позволяет говорить об активизации сегодня «денотаторного лексического варьирования, отражающего способность устойчивых фраз к обозначению конкретных ситуаций с помощью переменных компонентов с прямым предметным значением» [2: 22]. Многие трансформации данного типа построены на языковой игре, которая является отличительной чертой современной как разговорной речи, так и языка СМИ. В результате трансформации устойчивых выражений может быть отображена ка-

кая-либо ирреальная или алогичная ситуация (хотя и теоретически возможная), образованная на основе асистемных свя-

зей при случайных или намеренных столкновениях похожих внешне, но семантически различных слов.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С.А. Кузнецов]. – СПб. : Норинт, 2001. – 1534 с.
2. Бондаренко В.Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи : учеб. пособие по спецкурсу / В.Т. Бондаренко. – Тула : ТГПИ, 1995. – 151 с.
3. Вишнякова О.В. Паронимы современного русского языка / О.В. Вишнякова. – М. : Русский язык, 1987. – 280 с.
4. Мокиенко В.М. Славянская фразеология : учеб. пособие для филол. спец. ун-тов / В.М. Мокиенко. – М. : Высш. школа, 1980. – 207 с.
5. Русский язык : энциклопедия / [под ред. Ю.Н. Караулова]. – М. : Дрофа : Большая рос. энцикл., 2003. – 703 с.
6. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / [под ред. Д.О. Добровольского, А.Н. Баранова]. – М. : Мир энциклопедий Аванта+, 2007. – 1134 с.
7. Фразеологический словарь русского языка / [под ред. А.И. Молоткова]. – М. : Сов. энциклопедия, 1968. – 543 с.
8. Школьный словарь живых русских пословиц / В.П. Мокиенко и др. – СПб. : М. : Нева : ОЛМА-пресс, 2002. – 350 с.

References

1. The Great Defining Dictionary of Russian / [ed. by S.A. Kuznetsov]. – SPb. : Norint, 2001. – 1534 p.
2. Bondarenko V.T. The Variation of Set Phrases in Russian Speech : the school-book for special course / V.T. Bondarenko. – Tula : TGPI, 1995. – 151 p.
3. Vishnyakova O.V. The Paronyms of Contemporary Russian / O.V. Vishnyakova. – M. : Russkiy Yazyk, 1987. – 280 p.
4. Mokienko V.M. The Slavonic Phraseology : the school-book for philological specialities of Universities / V.M. Mokienko. – M. : Vysshaya Shkola, 1980. – 207 p.
5. Russian Language : the Encyclopedia / [ed. by Y.N. Karaulov]. – M. : Drofa : Bolshaya Rossijskaya Entsiklopediya, 2003. – 703 p.
6. The Dictionary (Thesaurus) of the Contemporary Russian Idiomatics / [ed. by D.O. Dobrovolskiy and A.N. Baranov]. – M. : Mir Entsiklopediy Avanta+, 2007. – 1134 p.
7. The Phraseological Dictionary of Russian / [ed. by A.I. Molotkov]. – M. : Sovetskaya encyclopedia, 1968. – 543 p.
8. The School Dictionary of the Living Russian Proverbs / V.M. Mokienko and others. – SPb. : M. : Neva : OLMA-press, 2002. – 350 p.

УДК 801.3

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Крючкова Т.М.

Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

The chair of Russian language and cross-cultural communication, assistant lecturer Kryuchkova T.M.

Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48

Т.М. Крючкова

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА, ВЗЯТЫЕ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. В. ГОГОЛЯ В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматриваются прецедентные имена, взятые из произведений Н. В. Гоголя. Использование в современных произведениях прецедентных феноменов, восходящих к творчеству Н. В. Гоголя, позволяет авторам дать точную оценку героям, показать негативное к ним отношение, ярко представить какие-то важные детали, образно охарактеризовать соответствующую ситуацию и ее активных участников.

Т.М. Kryuchkova

PRECEDENT NAMES BASED ON N. GOGOL'S CHARACTERS IN MODERN FICTION TEXTS

The metaphors presented in this article are based on N. Gogol's characters and their names (Chichikov, Nozdrev, Khlestakov, etc.). It allows the authors to show negative attitude to the characters, brightly present some important details, figuratively characterize the given situation and its active participants. Further detail concerns the way this precedent frame functions in modern Russian literature.

В современной литературе последовательно обнаруживаются две, казалось бы, противоположные тенденции: первая - это стремление к максимальной свободе, к обнаружению творческой индивидуальности автора, а вторая - это активное использование уже зарекомендовавших себя способов выражения мысли, что позволяет хотя бы отчасти скрыть свою субъективность и соотнести свой текст с существующими традициями. В качестве одного из ярких проявлений названных тенденций можно рассматривать активное обращение к многообразным способам использования прецедентности.

© Крючкова Т.М., 2009

В настоящее время текст часто оказывается "многослойным", в нем обнаруживается множество прецедентных феноменов, цитат и аллюзий, явной и скрытой полемики. Правильное восприятие такого текста возможно только с учетом множества фоновых знаний из различных областей культуры, а следовательно, требует специального подхода, учитывающего современные методики интерпретации текста, включающего концептуальные метафоры, аллюзии, прецедентные феномены и иные проявления интертекстуальности [Костомаров, Бурвикова 2006, Нахимова 2005; Смета-

нина 2002, Чудинов 2003 и др.]. Важное место в современном тексте занимают прецедентные имена, то есть широко известные имена собственные, которые используются в тексте не только для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), но и в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб.

Прецедентные имена как единицы языка и речи выступают репрезентантами прецедентных концептов - ментально-вербальных единиц, которые используются в мышлении для представления, категоризации, концептуализации и оценки действительности при построении картины мира и ее фрагментов.

В самых различных лингвокультурных сообществах имена *Дон Жуан* и *Ловелас* уже много веков выступают как знак чрезмерного женолюбия, *Вольтер* - как символ свободомыслия, *Дон Кихот* - как символ бескорыстной борьбы за справедливость. Вместе с тем значительное место в русской современной культуре играют национальные образы (*Александр Невский, Иван Сусанин, Обломов, Наташа Ростова, Павел Корчагин* и др.), которые отражают национальную действительность, национальный характер и национальную ментальность русского народа.

Прецедентные имена - это важная составляющая национальной картины мира, способствующая стереотипизации и оценке действительности в народном сознании, формированию и развитию национальной картины мира, приобщению к национальной культуре и традициям.

Прецедентные имена - важное средство эмоциональной оценки, они не претендуют на логическую законченность, на точную формулировку, но ярко выражают субъективное отношение автора. Оценка, выраженная с помощью прецедентных феноменов, не претендует на объективность, она подчеркнута эмотивна и субъективна.

Активное использование в современных текстах прецедентных феноменов далеко не случайно. Специалисты по русской культуре уже отмечали ее "литературоцентризм", высокий авторитет писателей и постоянное обращение к художественным текстам. [Кондаков 2005]. Вместе с тем, как показывает специальное исследование, лучше всего наши соотечественники воспринимают прецедентные феномены, восходящие к текстам, изучаемым на уроках литературы [Боярских 2006, Кузьмина 2004]. Поэтому обращение к ресурсам произведений, которые представлены в школьной программе, позволяет надеяться, что соответствующие аллюзии будут правильно восприняты.

В современной литературе значительное место занимают прецедентные имена, восходящие к текстам Н. В. Гоголя. Современные писатели обращаются к прецедентным именам *Хлестаков, Ноздрев, Манилов, Собакевич, Коробочка, Чичиков, Акакий Акакиевич*. Вполне закономерно, что произведения выдающегося сатирика представляют собой мощный источник преимущественно отрицательных образов и современные писатели активно этим пользуются, создавая свои произведения. Так, Павел Иванович Чичиков выступает как символ лживости, лести, лицемерия и мошенничества:

Вот Павка Чичиков — вчера партаппаратчик. Теперь хозяин фирмы по продаже Российских голых душ в лимонный Сингапур (Борис Колымагин. Слова о действительно важном (о кн. Сергея Стратановского «Тьма дневная») // «Октябрь», 2001);

Марине и прежде не раз приходило в голову, что Клумба ведет себя, будто свихнувшийся Чичиков, скупающий мертвые души не ради заклада, а ради вечного владения сонмом мертвецов; так, разделяя со смертью ее пожатую собственность и тем ущемляя ее законные права, можно было бы достичь еще одного суррогата бессмертия, и, видимо, Клумба что-то такое и имела в виду, приватизируя полудохлое население восемнадца-

того участка. (Ольга Славникова. Бесмертный. Повесть о настоящем человеке (2000-2001) // «Октябрь», 2001)

Акакий Акакиевич – никчемности, бесправия: *В общем, был Лев Борисович весь такой жалкий, безобидный, карикатурно узнаваемый, что любой, глядя на него, мог подумать: «Червяк, чиновник, Акакий Акакиевич».* Влада Валеева. Скорая помощь (2002), а главный герой "Ревизора" как лжец, фантазер, склонный к пустым советам и обещаниям: *Эксперты, не видевшие других гор, кроме Альп с легкостью Хлестакова и с его же безответственностью дают почти директивные рекомендации Москве по проведению кавказской политики* (В. Третьяков // Российская газета, 2005).

Авторы современных произведений поведение своих героев сравнивают с поведением «гоголевских» персонажей.

По ходу речи он осип, в голосе его появилась скорбная глуховатость, и сам нарком под конец чуть не плакал, призывая превосходную будущую жизнь, которой не увидят павшие борцы; он сочно, с подробностями, как Собакевич своих мертвых крепостных, расписал борцов, которые, павши, расцвели всеми возможными добродетелями; все это было тем более печально, что в могилах на Марсовом поле лежали в основном люди, убитые случайно и никакого отношения к пролетариату не имевшие. (Дмитрий Быков. Орфография (2002) ; *Ну а если он абсурден, то абсурден на всю катушку, как Манилов или Ноздрев.* (Александр

Сегень. Национальные особенности тургеневской охоты (2002) // «Наш современник», 2002.)

Прецедентные имена, восходящие к текстам Н. В. Гоголя, нередко выступают символом прецедентных ситуаций. В современных произведениях встречаются аллюзии, связанные со следующими ситуациями: "Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем", "К нам едет ревизор", мошенничество с использованием «мертвых душ»: *Конечно, за это время масса людей умерла, изменила местожительство, но они продолжали по-прежнему числиться в списках избирателей по старым адресам. Настоящие мертвые души по Гоголю.* (Артем Тарасов. Миллионер (2004);

Он внимательно сложил телефон, вернул его в карман и чуть прихлопнул ладонью. — К нам едет ревизор? — спросил наследник. (Андрей Лазарчук. Все, способные держать оружие... (1995)

Использование в современных произведениях прецедентных феноменов, восходящих к творчеству Н. В. Гоголя, позволяет авторам дать точную оценку героям, показать негативное к ним отношение. Вместе с тем аллюзии, связанные с произведениями классика отечественной литературы, легко воспринимаются читателями и нередко помогают автору ярко представить какие-то важные детали, образно охарактеризовать соответствующую ситуацию и ее активных участников.

Библиографический список

1. Боярских О.С. Особенности употребления некоторых прецедентных имен со сферой-источником "Литература" в современной российской прессе // Этнокультурное пространство региона и языковое сознание: материалы II межрегиональной научно-практической конференции.-Тюмень,2006.-Ч.2.
2. Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Жизнь в мимолетных мелочах. - СПб, 2006.
3. Кондаков И. В. Антропология русской словесности: литературоцентризм // Современные трансформации российской культуры / отв. ред. И. В. Кондаков. - М.,2005.

4. Кузьмина Н.А. Интертекстуальный тезаурус языковой личности и методы его изучения // Интерпретатор и текст. Проблемы ограничений в интерпретационной деятельности. Новосибирск, 2004.
5. Нахимова Е.А. Прецедентные имена как ментальное поле в политической коммуникации // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Том. 14. Урал.гос.пед.ун-т.Екатеринбург.2004.
6. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). - СПб, 2002.
7. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. - Екатеринбург, 2003.

References

1. Boyarskih O.S. The peculiarities of usage of some precedent names with the source "Literature" in modern Russian media // Ethnic and cultural space of a region and language consciousness. – Part 2. – Tyumen, 2006.
2. Bourvikova N.D., Kostomarov V.G. Life in fleeting trifles. – – St. Petersburg, 2006.
3. Kondakov I.V. Anthropology of Russian philology: literature centralism // Modern transformations of Russian culture. – M., 2005.
4. Kuzmina N.A. Intertextual thesaurus of language personality and methods of its studies // Interpreter and text. Problems of restriction in interpretation activity. – Novosibirsk, 2004.
5. Nakhimova E.A. Precedent names as mental field in political communication // Linguistics. The bulletin of Urals linguistic society. – Vol. 14. – Yekaterinburg, 2004.
6. Smetanina S.I. Media-text in the system of culture. – St. Petersburg, 2002.
7. Chudinov A.P. Metaphoric mosaic in modern political communication. – Yekaterinburg, 2003.

УДК 808.2

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Ревякина Т.Л.

Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732) 71-50-48

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

The chair of Russian language and cross-cultural communication, candidate of philological sciences, prof. Revyakina T. L.

Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48

Т.Л. Ревякина

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В данной статье рассматривается актуальный в современной лингвопоэтике вопрос об интертекстуальности как категории художественного текста. В качестве иллюстративного материала используются поэтические произведения О.Э. Мандельштама.

T.L. Revyakina

TO THE QUESTION OF INTERTEXT IN FICTION

The article sites one of the up-to-date question of modern linguopoetics, the intertext as fiction category. O.E. Mandelstam's verse is used as illustration.

Интертекстуальность художественного текста – одна из главнейших проблем современной лингвистики, интерес к которой начал проявляться в 60-е гг. XX века после оформления структурализма. Представители названного направления предложили понятия «интертекстуальность» и «интертекст», которые позволяли терминологически обозначить способность художественного текста вступать в диалог с другими текстами (интертекстуальность) и возможность построения любого текста как мозаики цитаций (интертекст).

Актуальность изучения интертекстуальности и интертекста обусловлена, во-первых, поисками новых путей решения глобальной проблемы соотношения традиций и новаторства в поэзии, а во-вторых, значимостью для современной лингвопоэтики проблем исследования смысловой стороны художественного текста с учетом не только его внутритекстовых связей, но

и связей внешних, обнаруживающихся на уровне литературного направления, национальной литературы или даже мировой культуры в целом.

В настоящее время интертекстуальность признается важнейшей категорией художественного текста, которая реализуется в способности текста полностью или частично формировать свой смысл посредством эксплицитно или имплицитно выраженных отсылок к другим текстам (1, 21).

Отсылки к внеположным текстам обладают механизмом языковой сигнализации о наличии у фрагмента индивидуальной поэтической картины мира прецедентного аналога в другой картине мира (традиционно-поэтической, фольклорной, мифологической, а также в индивидуально-поэтической картине мира другого художника слова) и являются средством формирования интертекста.

В текстах различных авторов межтекстовое взаимодействие может проявляться в разной степени. Творчество определенных художников слова сознательно ориентировано на диалог с текстами мировой культуры, открыто для различного рода влияний и перекличек. Приведенное утверждение в полной мере относится к творчеству О. Мандельштама как представителя так называемой “семантической поэтики”, ориентированной на “открытость” текстам мировой культуры. С точки зрения изучения особенностей смысловой стороны художественного текста и ее обусловленности межтекстовыми связями творчество О. Мандельштама занимает важное место в русской поэтической традиции, то есть произведения О. Мандельштама в значительной мере интертекстуальны.

Не углубляясь в сложнейший анализ текстов Мандельштама, приведем несколько стихотворений, чтобы показать роль интертекстуальности в творчестве Мандельштама.

С этой точки зрения весьма показательным представляется стихотворение О. Э. Мандельштама “Я не слыхал рассказов Оссиана...” (1914), в котором выделяется два контекста. В первом О. Э. Мандельштам отрекается от “родства” с предками (на грамматическом уровне это подтверждается отрицательными конструкциями с частицей “не”):

Я не слыхал рассказов Оссиана,
Не пробовал старинного вина;
Зачем же мне мерещится поляна,
Шотландии кровавая луна?..
И перекличка ворона и арфы
Мне чудится в зловещей тишине;
И ветром развеваемые шарфы
Дружинников мелькают при луне!

А во втором он понимает, что как бы поэт заведомо не презирал это “родство”, все равно:

Я получил блаженное наследство –
Чужих певцов блуждающие сны;

Свое родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо вольны.
И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет,
И снова скальд чужую песню сложит

И как свою ее произнесет.
(4, 98)

В тексте указанного стихотворения Мандельштам осознает и решает для себя антиномию “свое – чужое” в творчестве: не переступив через “чужое”, не сумев отречься от него сознательно, нельзя создать “свое”, которое, однако, все равно будет связано с предшественниками глубинными связями. Так поэт видит неразрывную цепь развития мировой культуры и природу авторской индивидуальности.

Интертекстуальные связи, влияющие на формирование смыслового содержания поэтического произведения, обнаруживаются и в стихотворении “Я скажу тебе с последней прямою...” (1931):

Я скажу тебе с последней Прямо-
той:

Все лишь бредни – шерри-бренди,
Ангел мой.

Греки сбондили Елену

По волнам,

Ну, а мне – соленой пеной –

По губам.

Там, где эллину сияла

Красота,

Мне из черных дыр зияла

Срамота...

Ой ли, так ли, дуй ли, вей ли –

Все равно;

Ангел Мэри, пей коктейли,

Дуй вино.

По губам меня помажет

Пустота,

Строгий кукиш мне покажет

Нищета. (4, 170-171)

Данное стихотворение содержит реминисценцию из одной из “маленьких

трагедий” А.С.Пушкина – “Пир во время чумы”: Было время, процветала / В мире наша сторона / В воскресение бывала / Церковь Божия полна.../ Ныне церковь опустела / Школа глухо заперта / Нива праздно перезрела... / Тихо все. Одно кладбище / Не пустеет, не молчит (Пушкин, 1993: 286).

На наличие интертекстуальных связей стихотворения О.Э.Мандельштама с произведением А.С.Пушкина указывают, прежде всего, имя Мэри, а также формируемый лексическими единицами “пей”, “коктейли”, “дуй”, “вино”, “шерри-бренди” и фольклорно-песенной строкой “Ой ли, так ли, дуй ли, вей ли” художественный образ “пир”, соотносящийся с образным строем и названием “маленькой трагедии” А.С.Пушкина “Пир во время чумы”.

В результате межтекстовых связей рассматриваемого стихотворения формируется многоплановое семантическое пространство, в котором важную роль играют лексические образы “пустота” и “срамота”, антонимичные художественному образу “пир”.

В стихотворении О. Мандельштама “Я скажу тебе с последней прямокой...”, как и в произведении А.С.Пушкина возникают и противопоставляются два смысловых плана, которые можно охарактеризовать как благополучие в прошлом (репрезентируется глаголами “процветала”, “сияла”, существительным “красота”) и неблагополучие в настоящем (репрезентируется глаголами “опустела”, “зияла”, существительными “срамота”, “нищета”, “кладбище”). На грамматическом уровне названное противопоставление поддерживается употреблением глаголов в прошедшем времени для выражения первого смыслового плана (“сияла”, “зияла”, “сбондили”; ср. у А.С.Пушкина: “было”, “процветала”, “бывала”, “опустела”, “перезрела”) и употреблением глаголов в настоящем и будущем времени для выражения второго

смыслового плана (“помажет”, “покажет”; ср. у А.С.Пушкина: “стоит”, “не молчит”, “не пустеет”, “носят”, “просят”).

Реминисценция из текста А.С.Пушкина и содержащиеся в нем образы пустоты и смерти являются принципиально важными для формирования метаобраза *неблагополучие в настоящем*: советскую действительность 30-х г.г. Мандельштам воспринимает как чуму – бессмысленное губительное существование, полное мрака.

Подобное ощущение усиливается еще одной отсылкой. Мифологема Елена, словесные образы “эллины”, “греки”, “красота” репрезентируют известный сюжет из греческой мифологии. В период творчества конца 10-х – начала 20-х г.г., после возникновения литературного течения “акмеизм”, обращение к античной культуре для О.Э.Мандельштама являлось основой его поэтики (см. книгу стихов “Tristia”, статьи “Скрябин и христианство” (1915), “Слово и культура” (1921), “О природе слова” (1921). Следовательно, аллюзивная отсылка к античной культуре в рассматриваемом стихотворении играет важную роль для формирования метаобраза *благополучие в прошлом*.

Стихотворение О.Э. Мандельштама “Жил Александр Герцевич...” также создает свой смысл благодаря интертекстуальным связям:

Жил Александр Герцевич,
Еврейский музыкант, –
Он Шуберта навёрчивал,
Как чистый бриллиант.
И всласть, с утра до вечера,
Заученную вхруст,
Одну сонату вечную
Играл он наизусть...
Нам с музыкой-голубую
Не страшно умереть,
Там хоть вороньей шубою
На вешалке висеть...

Все, Александр Герцевич,
Заверчено давно.
Брось, Александр Скерцевич.
Чего там! Все равно! (4, 172)

Данное стихотворение содержит реминисценцию из стихотворения М.Ю.Лермонтова “Молитва”, в котором создается образ просветленного отношения к миру (лексические образы “молитва”, “чудная”, “благодатная”, “святая”, “прелесть”, “верится”, “легко”):

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них... (2,179)

В структурном плане указанные тексты эквиритмичны (написаны 4-стопным ямбом).

Содержательным центром стихотворения “Жил Александр Герцевич...” является противопоставление двух смысловых планов: светлого мира музыки (“чистый бриллиант”, “соната вечная”, “музыкой-голубою”, “снег” – символ чистоты) и мира реальной жизни (словесные образы “темно”, “умереть”, “вороньей шубою” (цвет черный), “заверчено”, а также фраза “Все равно!” создают атмосферу отчаяния и безысходности). Кроме того, глаголы, употребленные в прошедшем времени (“жил”, “наверчивал”, “играл”), передают ощущение невозможности изменения чего-либо.

Первый смысловой план формируется посредством реминисценции из лермонтовской “Молитвы”, лексических образов “сердце”, “Сердцевич”, “молитва”, “соната”. При этом названная смысловая составляющая стихотворения О.Э.Мандельштама актуализирует семантику лермонтовского стихотворения: как

молитва (воспроизведение слов) для М.Ю.Лермонтова, так и соната (воспроизведение нот) для О.Э.Мандельштама является способом забыть реальность. Так же, как М.Ю.Лермонтову не страшно умереть с молитвой на устах, так и О.Э.Мандельштаму не страшно умереть с музыкой (ср. с поговоркой “умирать, так с музыкой”). Как известно, О.Э. Мандельштам обожествлял музыку, его благоговейное отношение к музыке известно всем (см. в статье “Скрябин и христианство”: “...есть музыка – содержит в себе атомы нашего бытия” (II, с. 161). Лексический образ “соната” в результате межтекстовых взаимодействий рассматриваемого стихотворения приобретает индивидуально-авторское значение *опора, помогающая выжить*.

Второй смысловой план стихотворения О.Э. Мандельштама “Жил Александр Герцевич...” также формируется под влиянием указанного произведения М.Ю. Лермонтова и представляет собой пародию на лермонтовское просветленное отношение к миру.

Для смыслового содержания анализируемого стихотворения О. Мандельштама принципиально значимыми являются создаваемые интертекстуальными связями противопоставления образов, репрезентирующих окружающую поэта мрачную действительность (“умереть”, “темно”, “заверчено” и т. п.) со светлыми образами лермонтовского художественного произведения (“молитва”, “легко”, “прелесть” и т. п.).

Еще одно стихотворение:

Да, я лежу в земле, губами шевеля,
И то, что я скажу, заучит каждый школьник:

На Красной площади всего круглей земля

И скат ее твердеет добровольный.

На Красной площади земля всего круглей,

И скат ее нечаянно раздолжный,

Откидываясь вниз до рисовых полей, –

Покуда на земле последний жив невольник, (4, 182)

поскольку в нем содержится отсылка к стихотворению Лермонтова “Смерть поэта” (словесный образ “невольник”), а следовательно, и к стихотворению Мандельштама “За гремучую доблесть грядущих веков...”. Кроме того последняя строка воспроизводит в памяти читателя пушкинское “Я памятник себе воздвиг нерукотворный”:

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире

Мой прах переживет и тленья убежит –

И славен буду я, доколь в подлунном мире

Жив будет хоть один пиит.

(5, 580)

Таким образом, рассмотрение данных поэтических текстов позволяет утверждать, что интертекстуальность является важнейшей категорией художественного текста

Библиографический список

1. Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма / Ю.И.Левин, Д.М.Сегал, Р.Д.Тименчик, В.Н.Топоров, Т.В.Цивьян // Смерть и бессмертие поэта. – М.: Изд. центр РГГУ, 2001. – С.283-316.
2. Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 2-х т. / М.Ю.Лермонтов. – М.: Правда, 1988. – Т.1. – 720 с.
3. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М.Лотман. – СПб: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
4. Мандельштам О.Э. Соч.: В 2-х т. / О.Э.Мандельштам. – М.: Худож. лит., 1990. – Т.1. Стихотворения. – 638 с.
5. Пушкин А.С. Золотой том: Собрание сочинений / А.С.Пушкин. – М.: Издательский дом “Имидж”, 1993. – 975 с.

References

1. Levin J. I. and other authors. Russian semantic poetics as potential cultural paradigm // Poet's death and immortality. – M., 2001. – P. 283-316.
2. Lermontov M.J. Works: In 2 vol. – M., 1988. – Vol.1. – 720 p.
3. Lotman J.M. Semiosphere. – St. Petersburg, 2000. – 704 p.
4. Mandelstam O.E. Works: In 2 vol. – M., 1990. – Vol.1. Poems. – 638 p.
5. Pushkin A.S. Golden volume: Collected works.– M., 1993. – 975 p.

УДК 81'373

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Раздобарина Т.А.
Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication, assistant lecturer
Razdobarina T.A.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48*

Т.А. Раздобарина

О СПОСОБАХ НОМИНАЦИИ ЛИЦ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

В статье рассматривается процесс расширения наименования лиц финансово-экономической сферы, происходящий в основном за счёт образования составных наименований, а также заимствования англоязычных терминов, усечения основ, метафорического переосмысления.

T.A. Razdobarina

THE WAYS OF NAMING PEOPLE WORKING IN FINANCIAL AND ECONOMIC SPHERE

The article sites the extension of the number of the names for people working in financial and economic sphere. These names appear in the language as a result of formation of compound words, English terms borrowing, truncation of stems, metaphoric changes in meaning.

Одновременно с началом экономических реформ в конце XX века в отечественном языкознании увеличился интерес к изучению особенностей языка делового общения. Особое внимание было уделено тем изменениям, которые коснулись специальной лексики экономической сферы.

Исследователями отмечались расширения состава лексических групп, связанных с экономикой и бизнесом, прежде всего за счёт новых заимствований из английского языка, а также выход экономической лексики за пределы профессионального употребления, её известность широким массам людей разных возрастов и социального положения.

Обращение к указанной тематической группе продиктовано тем, что она является одной из наиболее показательных в плане расслоения на собственно терминологические номинации (*диспонент, фрахтователь, векселедатель бездокументарного векселя*) и единицы профессиональной лексики (*«бык», «толкач», «зазывала», «жертва продольной пилы»*).

Ведущим способом образования наименований лиц в финансово-экономической терминологии является синтаксический способ (образование полисемных, многокомпонентных терминов).

В основе многокомпонентных словосочетаний в русском языке лежат сле-

дующие модели бинарных терминов со значением лица:

1) прилагательное + существительное - наименование лица: *индивидуальный предприниматель, первоочередной должник, активный партнёр, вторичный подрядчик*

2) существительное – наименование лица + существительное с предлогом: *менеджер по производству, поручитель по векселю, операционист в банке, специалист по маркетингу*

3) существительное – наименование лица + существительное в Р.п.:

агент арендодателя, владелец аккредитива, держатель займа, совладелец фирмы

Разговорными или жаргонными эквивалентами некоторых двухкомпонентных терминов являются так называемые суффиксальные образования компрессионного типа, большая часть которых остаётся пока вне сферы фиксации.

Как пишет Е.А. Земская, такого рода производные «служат краткими обозначениями имён лиц (по профессии и иным признакам), которые функционируют в разговорном языке, профессиональной речи, языке периодической печати как эквиваленты официальных развёрнутых наименований».

Ср.: *рекламщик и специалист по рекламе, рекламный менеджер; системщик и системный администратор; продажник и менеджер по продаже; фискальщик и фискальный агент.*

Ещё одним способом формирования разговорных эквивалентов терминологических словосочетаний со значением лица является создание сложносокращённых наименований, состоящих из начальной части слова и целого слова: *комдиректор (коммерческий директор), генпродюсер (генеральный продюсер)*. В последнее время всё большее распространение получают двусоставные образования, каждый из компонентов которых представляет собой самостоятельное наименование лица, например:

директор-администратор, маклер-специалист, посредник-представитель,

товаровед-мерчандайзер, бухгалтер-аналитик.

Приведённые примеры показывают, что компонентами данных наименований могут быть однословные номинации различного типа (суффиксальные, субстантивированные, заимствованные).

Суффиксальный способ образования агентивных существительных в современной русской финансово-экономической терминологии постепенно сдаёт свои позиции. Среди дюжины агентивных суффиксов наибольшее распространение в данной сфере получили лишь **-тель, -щик, -чик, -льщик**: *изготовитель, страхователь, плательщик, вкладчик, оценщик.*

В профессиональном жаргоне суффиксация весьма распространена (*теневик, сетевик, пиарщик, айтишник*) а также суффиксы эмоционально-субъективной оценки («завывала», «воротила», «кидала», «несун», «летун»).

Небольшое количество терминологических агентивов образовано с помощью субстантивации. В словарях и справочниках зафиксировано 4 наименования, обозначающих лицо по занимаемой должности (*управляющий, уполномоченный, поверенный, служащий*) и несколько номинаций лица по владению \ не владению собственностью, имуществом (*бедные, богатые, неимущие, малообеспеченные*).

Однако на базе некоторых из них образовано большое количество составных терминов со значением лица: *главный управляющий, руководящий служащий, служащий биржи, регистрирующий заказы.*

Одним из наиболее важных способов пополнения состава наименований лиц в финансово-экономической терминологии является заимствование иноязычных агентивов..

Подавляющее количество иноязычных наименований лиц заимствуются из американского варианта английского языка:

Ср.: *адвайзер, брокер, вендор, дилер, дистрибьютор, интервьюер.*

Помимо зафиксированных в словарях наименований, можно привести и другие, пришедшие совсем недавно из английского языка широко используемые в русском экономическом подязыке, например:

фрилансер («Я б в фрилансеры пошёл ... пусть меня научат» ... Фрилансерами в Средневековье называли воинов, нанимающихся на службу из соображений финансового, а не идеологического или политического характера. Сегодня *фрилансер* - человек, работающий на бесконтрактной основе и не связанный с работодателем письменными обязательствами, а точнее - записями в трудовой книжке. (Работа и зарплата.- 2002.-26 нояб.));

ритейлеры («Западные ритейлеры успешно «прививают» на российскую почву новый формат торговых предприятий – гипермаркеты (Торговое оборудование в России. – 2002. – Май));

бренд-менеджер («Лучшая доля бренд-менеджера в компании среднего масштаба – это когда ему доверяют разработку и проведение рекламных, пиар и промоакций – в общем, когда ему доверяют осваивать рекламный бюджет. (Бизнес. - 2006.- 10 февр.));

девелоперы («Деловеперы приобретают здания, нуждающиеся в полной или частичной переделке, доводят их уровень до класса В, а затем сдают в аренду. (Коммерсант. - 2004. - 14 окт.)).

Отдельные наименования поступают из английского языка непосредственно в профессиональный жаргон экономистов, например:

блокбастер (жарг.) – спекулянт городской недвижимостью

скальпель (жарг.) - биржевой игрок, спекулирующий на колебаниях цен, происходящих в течение очень коротких промежутков времени

Или усечённые заимствования:

«*мерчан*» - мерчендайзер

«*экспат*» - экспатриант

Более специфическим для экономического жаргона способом номинации является к а л ь к и р о в а н и е англо-

язычных наименований лица, среди которых преобладают семантические и фразеологические кальки метафорического (реже метонимического) характера, например:

«*медведь*» - спекулянт, играющий на понижение цен

«*золотой жук*» - сторонник идеи золотого стандарта

«*ангел*» - состоятельный человек, вкладывающий собственные средства в начинающийся или расширяющийся бизнес.

Другие наименования лиц метафорического характера пока остаются известными лишь узкому кругу носителей языка. Приведём примеры некоторых жаргонных неологизмов из Электронного словаря русского бизнес - сленга, явившихся результатом переноса по ассоциации, при котором схожие признаки связаны не с понятием об определённом явлении, а с вызванными теми или иными обстоятельствами, представлением о нём, ассоциациями.

Так, субъективное противопоставление образов двух жвачных животных послужило основой для возникновения пары жаргонизмов «*лось*» (менеджер среднего звена) и «*олень*» (менеджер высшего звена).

Следует также отметить использование некоторых общеизвестных названий лиц эмоционально-оценочного характера в специальном жаргонном значении:

«*боец*», «*трейдер*» (по сходству поведения, вызванного необходимостью бороться до конца ради достижения определённого результата);

«*звезда*» (сотрудник компании, отличающийся нерациональным поведением (по аналогии с эксцентричным поведением звёзд шоу-бизнеса);

«*животное*» - 1) неменяемый руководитель; 2) человек, успешно строящий карьеру (по ассоциации с грубым, неразвитым или подлым человеком).

Таким образом, анализ наименований лиц финансово-экономической сферы позволяет сделать вывод о том, что

появление новых терминов в данной номинативной зоне происходит в основном за счёт образования составных наименований, а также заимствования англоязычных терминов.

Сравнительно малое число суффиксальных новообразований со значением лица в терминологической лексике служит косвенным подтверждением того, что номинация лиц в этой сфере находится под влиянием английского языка.

Разговорные и жаргонные эквиваленты терминов, используемые в ситуа-

циях неформального общения в языке СМИ, образуются с помощью усечения основ одного или двух компонентов сложных наименований, а также суффиксации и калькирования единиц профессиональной лексики.

Метафорическое переосмысление русских слов и выражений, являющихся специфической чертой многих профессиональных жаргонов, пока не столь характерно для номинации лиц финансово-экономической сферы.

Библиографический список

1. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л.П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
2. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М., 1992. – С.97.
3. Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля в русском языке: структурный и функциональный аспект // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М., 2004. – С. 658-659.

References

1. Krysin L.P. Russian word, native and strange. Studies on modern Russian language and social linguistics. – M., 2004.
2. Zemskaya E.A. Word formation as an activity. – M., 1992. – P. 97.
3. Golovanova E.I. The category of the professional worker in Russian language: structural and functional aspects // Russian language: history and contemporaries. – M., 2004. – P. 658-659.

УДК 801.3

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Канд. филол. наук Ротова М.С.
Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732) 71-50-48*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
Candidate of philological sciences Rotova M.S.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48*

М.С. Ротова

ОБОЗНАЧЕНИЯ ПЛАЧА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена фразеологизмам, в состав которых входят лексемы, обозначающие плач, анализируются лексико-семантические поля, делается вывод о том, что ФС различаются компонентами значения, стилистической и экспрессивной окрасками.

M.S. Rotova

THE EXPRESSIONS OF WEEPRING IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

The article is devoted to the idioms which include lexemes meaning weeping. Lexical and semantic fields are analyzed. The author concludes that the idioms are different in components of meaning, stylistic and expressive shades.

Цель данной статьи – определить, входят ли фразеосочетания (ФС) в состав лексико-семантического поля (ЛПС) и если входят, то какое место в нем занимают. Объектом нашего исследования являются глагольные лексемы (ГЛ) и ФС, обозначающие горестные эмоции. Горе – душевное, нравственное состояние человека, глубокая печаль. Оно выражается скорбным, нерадостным, невеселым настроением, чувством, которое испытывает человек, когда ему хочется плакать.

Фактическим материалом являются ГЛ и ФС плача, выбранные из толковых словарей русского языка.

В состав ЛСП плача вошли следующие глаголы: всхлипывать, прослезиться, хлюпать, плакать, реветь, закатиться, рыдать, хныкать, нить, канючить, скулить, стонать, стенать, вопить, орать, голосить, надсаживаться, причитать.

Для выявления семного состава этих глаголов мы использовали комбинаторный анализ, предложенный Т.П. Ломтевым [2]. Нами были выявлены следующие признаки: выражение горестных эмоций посредством слез, выражение горестных эмоций без слез, выражение горестных эмоций с наличием слез в слабой степени, выражение горестных эмоций с наличием слез в средней степени, выражение горестных эмоций с наличием слез в сильной степени, выражение горестных эмоций с наличием слез в максимальной степени, выражение горестных эмоций со звучанием голоса, выражение горестных эмоций без звучания голоса, выражение горестных эмоций со звучанием голоса в слабой степени, выражение горестных эмоций со звучанием голоса в сильной степени, выражение горестных эмоций со звучанием голоса в максимальной степени, выражение горестных эмоций с дополнительной характеристикой, выражение горестных эмоций без дополнительной характеристики. Наряду с указанными глаголами суще-

ствует большая группа ФС, обозначающих плач. Проанализируем, как эти ФС соотносятся с глаголами плача.

ФС означает «всплакнуть, немного поплакать, прослезиться», то есть дать волю слезам, не сдерживать их. По своей семантике соответствует ГЛ прослезиться. ФС «пустить слезу» входит с ней в одну графу (11202) с набором семантических элементов: наличие слез в слабой степени, без звучания голоса, без дополнительной характеристики: «Юзек пустил слезу».

ФС «хлюпать носом» отмечено значением «сдерживая плач, издавать всхлипывающие звуки носом». Данное ФС соотносится по своему значению с ГЛ хлюпать, имеет одинаковые семантические признаки с указанной ГЛ, следовательно, ФС «хлюпать носом» должно войти в одно образование с ГЛ хлюпать с семным набором 12111: наличие слез в средней степени, со звучанием голоса (тихо), с дополнительными характеристиками: «Хозяин хлюпал носом: за тятю, Фаефана Кондратьевича, царствие ему небесное...»

ФС «быть в слезах» обозначает «плакать». Исходя из значения этого ФС и анализа его семантических элементов мы включили его в графу 12202: наличие слез в средней степени, без звучания голоса, без дополнительных характеристик.

ФС «лить (проливать) слезы» сопоставим с «горько плакать», то есть испускать из глаз поток слез. Соотносится с ГЛ плакать. Мы включили ФС «лить (проливать) слезы» в одну графу с ФС «быть в слезах» (12202). «В трауре его горянкамат Неутешно слезы льет о сыне».

ФС «разразиться слезами» также употребляется в значении плакать. Данное ФС вошло в графу 13201 с семным набором: наличие слез в сильной степени, без звучания голоса, с дополнительной характеристикой (сильно, бурно).

ФС «ронять слезы» акцентирует значение «плакать». Имеет следующий семный состав: наличие слез в слабой степени, без звучания голоса, с дополнительными характеристиками, указывающими способ передачи плача: непроизвольно, нечаянно дать упасть слезам из глаз, это дало осно-

вание включить данный ФС в новую графу 11201.

ФС «разводить сырость» имеет значение плакать. Употребляется в разговорной речи. Исходя из набора семантических признаков, можно заключить, что оно имеет те же семы, что и ФС «лить (проливать) слезы» и может быть включено в графу 12202.

ФС «лить крокодиловы слезы» означает «притворно плакать», неискренне сожалеть. Это выражение существовало еще в Античности. По данным натуралистов, у крокодилов слезные мешки устроены так, что при поедании пищи зубы давят на них и происходит слезотечение. Наличием семантического признака и дополнительной характеристики «притворно, неискренне, лицемерно» данное ФС отличается от ГЛ плакать и выделяется в новую графу 12201.

ФС «глотать слезы» означает «плакать молча», которое может быть объяснено тем, что человек при сильных переживаниях, горе, обиде пытается сдержать слезы, совершая глотательные движения. Данное ФС отличается от ГЛ плакать наличием дополнительной характеристики «сдерживаясь, не давая слезам волю».

ФС «реветь белугой» означает «неистово кричать или плакать» Указанное выражение является переделкой оборота «реветь белухой» (белуха – полярный дельфин, способный реветь») ФС «реветь белугой» отличается от ГЛ «плакать» степенью интенсивности слез и может быть включено в новую графу 13142: наличие слез в сильной степени, со звучанием голоса, без дополнительных характеристик.

ФС «реветь/орать благим матом» имеет значение «кричать, плакать громким, душераздирающим голосом». Проанализировав семантические признаки данного ФС, мы пришли к выводу, что его можно включить в новую графу 13141 с семным составом: наличие слез в сильной степени, со звучанием голоса (очень громко), с дополнительными признаками (напряженно, отчаянно).

ФС «ревом реветь» означает «плакать долго, сильно, громко, не унимаясь». Различается с ГЛ плакать степенью громкости плача, и дополнительной характеристикой

«изо всех сил, чрезмерно громко»: «По ночам ревом реву...».

ФС «плакать навзрыд» соответствует ГЛ «рыдать» и имеет с ней одинаковый семный состав (13131): наличие слез в сильной степени, со звучанием голоса (громко), с дополнительной характеристикой (вскрикивая, в отчаянии): «Он плакал, как баба, навзрыд...».

ФС «плакать горячими слезами» означает «плакать горько, слезами подлинного горя, сильно». По семантическим признакам ФС эквивалентно ГЛ рыдать. Следовательно, его можно включить в ту же графу (13131), что и ГЛ рыдать. «Подожди, Никитин, подожди, еще будешь проливать горячие слезы над моими страницами...»

ФС «плакать в голос» маркировано значением рыдать, которое может быть объяснено тем, что при сильном плаче человек издает громкие звуки из-за колебаний голосовых связок. Данное ФС можно вписать в одну графу с ГЛ рыдать: «Но она не плакала в голос, как плачут в беде деревенские бабы, только слезы текли по бледным щекам одна за другой».

ФС «рыдать в три ручья» выражает значение «громко, судорожно плакать». Данному ФС соответствует ГЛ рыдать, так как они имеют одинаковые семантические признаки. ФС «рыдать в три ручья» отличается от ГЛ рыдать тем, что оно указывает на способ плача «стремительный, обильный поток слез».

ФС «обливаться слезами» означает такое эмоциональное состояние, при котором обильно текут слезы от горечи, обиды и пр. Данное ФС характеризуется следующим семным составом: наличие слез в сильной степени, без звучания голоса, с дополнительной характеристикой (горько, безутешно), поэтому ФС «обливаться слезами» можно выделить в отдельную графу 13201.

ФС «захлебываться слезами» имеет значение «рыдать судорожно, задыхаясь». Эквивалентно ГЛ захлебываться. Названные ФС и ГЛ имеют идентичный семный состав: наличие слез в максимальной степени, со звучанием голоса (громко), с дополнительными характеристиками «давясь, до изнеможения», что дало общую графу 14131. Значение ГЛ зависит от именного компо-

нента. Сравни, захлебываться смехом – захлебываться слезами.

ФС «изойти слезами» означает «рыдать до изнеможения». По семному составу отличается от ГЛ рыдать степенью пролития слез (максимальная). ФС может быть включен в графу 14202.

ФС «заходиться в плаче» имеет значение «очень сильно плакать, закатиться». Данное ФС маркировано идентичным набором сем с ГЛ закатиться: наличие слез в максимальной степени, со звучанием голоса (громко), с доп. характеристиками (безутешно, до изнеможения), и может быть включено с ней в одну графу (14131).

ФС «выплакать все глаза» имеет значение «долго плакать от отчаяния, горя, до боли в глазах». ФС «выплакать все глаза» характеризуется следующим набором сем: наличие слез в максимальной степени, без звучания голоса, с дополнительной характеристикой (до боли в глазах), и включено в графу 14201.

ФС «выплакаться вволю» обозначает «наплакаться вдоволь, до конца излить горе слезами». ФС «выплакаться вволю» имеет одинаковый семный состав с ГЛ закатиться и может быть включено с ней в одну выборку (14131).

ФС «кричать/орать благим матом» вошло в новую графу 20141 с семным составом: без слез, со звучанием голоса (мах. Степень), с дополнительной характеристикой (грубо, исступленно).

ФС «распустить/развести нюни» означает «плакать или реветь по-детски, нюниться», то есть быть плаксою, нытиком. Данное значение может быть объяснено набором семантических компонентов 20141. ФС «распустить/развести нюни» группируется в одно гнездо с ГЛ кукситься (20201).

Таким образом ФС «пустить слезу» (11202), «хлюпать носом» (12111), «плакать навзрыд / плакать горячими слезами», «плакать в голос», «рыдать в три ручья» (13131), «орать во все горло», «орать/кричать благим матом» (20141), «распустить/развесить нюни» (20201) характеризуются теми же значениями, что и ГЛ прослезиться, хлюпать, рыдать, закатиться, надсаживаться, кукситься.

ФС «моргать глазами», «ронять слезы», «глотать слезы», «быть в слезах», «лить крокодиловы слезы», «реветь белугой», «захлебываться слезами», «выплакать все глаза», «изойти слезами» дают новые графы для образования смысла ГЛ и ФС плача [3].

Говоря о ФС плача в составе ЛСП «плакать» в современном русском языке, мы приходим к следующим выводам:

1. ФС в одних ситуациях дублируют глаголы.

2. В других – добавляют новый аспект, способствуя расширению поля.
3. Синонимичные ГЛ и ФС различаются компонентами значения, а также разной стилистической и экспрессивной окраской.
4. ВВ целом ФС входят в те же разбиения, которые построены на основе глаголов, и лишь расширяют и уточняют их значения по отдельным компонентам.

Библиографический список

1. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. – М.,1974.
2. Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание. – М.,1976.
3. Ротова М.С. Лексико-фразеологические поля обозначений смеха и плача в современном русском языке. – Автореф. канд. дисс... - Воронеж, 1985.
4. Ковалева (Ротова) М.С. Семантические процессы взаимодействия фразеосочетаний с глаголами // Семантические процессы в системе языка. – Воронеж, 1984. – С. 78-81.

УДК 801.3

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Ухина Т.Ф.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732) 71-50-48

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

The chair of Russian language and cross-cultural communication, candidate of philological sciences, prof. Uhina T.F.

Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48

Т.Ф. Ухина

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена анализу стилистических неологизмов в английском языке и различным способам их образования, связанным с особенностями английского синтаксиса.

T.F. Uhina

STYLISTIC NEOLOGISMS IN MODERN ENGLISH LANGUAGE

The article is devoted to the analysis of stylistic neologisms in English language and various ways of their forming connected with specific features of English syntax.

Одной из особенностей английской разговорной речи является способность слов различных лексико-грамматических классов подвергаться вербализации, то есть превращению в глаголы путем конверсии. Это свойство, обусловленное особенностями грамматического строя современного английского языка с его ограниченным набором флексий, широко используется в диалогической речи в виде стилистического приема – создания ситуативных стилистических неологизмов или ситуативных окказионализмов, (nonce-words), употребляемых говорящим один раз.

Например,

1. «Mother, really!»

«Don't 'mother' me, Gerry,» interrupted Mrs. Wayde. Her face was scarlet and her body shivered with rage (D. Robins).

2. Sophie: How do you do, sir?

Nick: You follow in the great tradition of Tuckerman good looks.

Sophie: Er. Er.

Constance: Don't 'er', dear. Say thank you (L. Hellman).

Заметим, что на письме такие слова и словосочетания часто выделяются кавычками.

Исследование таких ситуативных стилистических неологизмов на уровне речи представляет теоретическую и практическую ценность, поскольку существование данных неологизмов свидетельствует о том, что возможности словообразовательных средств английского языка при индивидуальном словотворчестве практически неограничены. К тому же вербализация существительных становится чрезвычайно продуктивным и необычайно активным словообразовательным процессом в английском языке. В своих произведениях великий английский драматург Шекспир с поразительной изобретательностью пользовался средством вербализации, обыгрывая слова и превращая их в глаголы. Даже имена собственные, лишенные какого-либо коннотативного значения, свободно употреблялись им в синтаксической пози-

ции глагола без словообразовательного переоформления. Примеры с окказиональными образованиями глагольного характера в пьесах Шекспира, как отмечают исследователи его языка, весьма многочисленны. Приведем здесь в качестве иллюстрации два из них:

4. "My Gracious Uncle.- Tut, tut."

"Grace me no Grace, nor Uncle me no Uncle." ("Richard II").

5. Mistress Page: Come, Mother Prat...

Ford: I'll 'Prat' her ("The Merry Wives of Windsor").

Анализ пьес и диалогических частей в художественных произведениях современных английских и американских писателей показывает, что тенденция к созданию и использованию ситуативных стилистических образований глагольного характера значительно упрочилась и расширилась в разговорном стиле английского языка XX века. При этом единственной сферой, в которой возможно создание и функционирование данных ситуативных стилистических неологизмов (глагольных окказиональных образований), является диалог, включающий как минимум две реплики: исходную реплику-стимул и ответную реплику-повтор, которая замыкает диалогическое единство и представляет собой своеобразную реакцию на первую. Такие диалогические единства имеют определенную жанрово-стилистическую окраску — они являются принадлежностью неофициального, фамильярно-разговорного стиля речи.

Производящая основа для ситуативных стилистических неологизмов (ситуативных окказионализмов) может быть выражена словами, принадлежащими к различным частям речи, но чаще всего именем, существительным (нарицательным или собственным). Например:

6. "Yes," hesitated Boot, "I think I've told you everything, officer."

"Don't you... 'officer' me, Booty," he threatened (L. Thomas).

7. "But, Annie—" the tall man attempted gently. "Don't 'Annie' me or try to fool me with one of your speeches." (M. Gold).

Нередки случаи, когда целые словосочетания именного характера, употребляемые в исходной реплике в роли обра-

щения, ставятся собеседником в ответной реплике в глагольную позицию и начинают выполнять функцию окказионального сказуемого. Например:

8. "Now, Dora — " he began.

"Don't you 'Now, Dora' me!" she said in a loud voice, frantically striking the sides of the chair with her hands. "I just can't stand this any longer! I just can't!"

9. Peter: My dear fellow, I...

Jerry : Don't 'my dear fellow' me (E. Albee).

Синтаксически и семантически такие ситуативно-семантические окказионализмы воспринимаются слушающим как единый член предложения, выполняющий функцию сказуемого (на письме на целостность образования часто указывают кавычки).

Приведем еще два примера, в которых производящими основами являются именная фраза и имя существительное:

10. Ronnie: Lower it gently— mind the edges, it is a work of art.

Dave: I'll work of art you (A. Wesker).

11. "Diamonds indeed!"

"I'll diamonds him!"

Примеры 6—11 указывают на прямую взаимозависимость между синтаксической функцией производящей основы — имени существительного или именной фразы — и структурно-коммуникативным типом предложения, в котором содержится глагольный окказионализм. Эта взаимозависимость заключается в том, что, если в исходной реплике производящая основа употреблена в роли обращения, то в ответной реплике обязательно образуется отрицательная конструкция (с подлежащим you,) (см. примеры 6 — 9). Если же производящая основа выполняет в исходной реплике какую-либо иную, чем обращение, функцию, то ответная реплика имеет форму повествовательного утвердительно-предложения, окказиональное сказуемое которого употребляется, как правило, в будущем времени (см. примеры 10 — 11). В качестве производящей основы для глагольных окказионализмов довольно часто используются междометия, которые в исходной реплике могут представлять собой самостоятельные междометные предло-

жения с побудительной или эмоциональной целеустановкой. В этих случаях ответная реплика, как правило, имеет форму отрицательного императивного предложения. Например:

12. *Lucas: Well?*

Hans: Don't 'well' me, you feeble old ninny (J. Osborne).

13. *Billy: Look...*

Geoffrey: Don't 'look' me! (K. Waterhouse, W. Hall).

Интересно отметить, что в примере 13 слово *look* подверглось конверсии дважды. Первоначально общеупотребительный глагол *look* в результате десемантизации стал восприниматься в современном английском языке как сигнал для привлечения внимания, т. е. перешел в класс междометий. В функции окказионального сказуемого это междометие вновь подверглось вербализации, сохранив, однако, семантическую связь с междометием *look*, а не с глаголом *look*.

Ответная реплика, в которой междометие послужило основой для образования глагольного окказионализма, может иметь и форму вопросительного предложения, однако такие случаи чрезвычайно редки. Например:

14. *Gilda (laughing): Oh, my God!*

Otto (to Ernest): What's she 'Oh, my God-ing' about? (N. Coward).

Производящей основой для окказионального сказуемого может служить и наречие, функционирующее в исходной реплике как обстоятельство места. Ответная реплика в данном случае представляет собой отрицательную императивную конструкцию. Например:

15. "Then where have you been? It's late."

"Nowhere."

"What?"

"Nowhere."

"Don't 'nowhere' me. I know how long it takes to walk home from school."

Таким образом, самой типичной (но не единственной) синтаксической конструкцией, которая может содержать глагольный окказионализм, является побудительное отрицательное предложение; ответная реплика-повтор, как показывают

примеры, может быть также выражена повествовательным или вопросительным предложением. Различные по своей структуре, эти три функционально-коммуникативных типа предложения, содержащих глагольные окказионализмы, объединяются в один, стилистически маркированный тип предложения, поскольку их основной стилистической функцией является эмоциональное выражение отношения говорящего к определенному действию или факту действительности. Побудительные и повествовательные предложения могут быть объединены и по своей семантике, так как в них посредством окказионального глагольного образования выражается предупреждение, граничащее с угрозой. В вопросительном предложении содержится запрос об информации, сопровождаемый выражением таких эмоций, как недоумение, удивление, раздражение, негодование и т. п. по поводу чего-либо, сказанного или сделанного ранее.

Рассмотрим далее проблему определения формальных признаков, указывающих на глагольный характер данных окказионализмов. Такими признаками являются прежде всего синтаксическая функция сказуемого, в которой выступает окказиональное слово или фраза, и лингвистическое окружение окказионализма. Так, в ответной реплике примера 6 конверсионный окказионализм *officer* является глаголом не потому, что в 3-м лице единственного числа имел бы форму *officers*, а в прошедшем времени *officered* и т. д., а потому, что имеет все синтаксические признаки глагола: сочетаясь с вспомогательным глаголом *don't*, образует простое глагольное сказуемое в повелительном наклонении и имеет при себе прямое дополнение *'me'*, которое указывает на переходный характер этого глагольного окказионализма. Кроме того, он обладает и семантическими свойствами глагола, так как называет действие, а не предмет. В примере 11 индикаторами глагольного характера окказионального слова *diamonds* служат вспомогательный глагол будущего времени *'ll*, с которым сочетается данный окказионализм, и следующее за ним прямое дополнение *him*. В примере 7 уточ-

нителем принадлежности окказионализма Annie к глаголу является, помимо вспомогательного глагола don't и прямого дополнения `me`, наличие сочинительной связи между этим окказиональным образованием и общеупотребительным глаголом try, в результате чего образуется ряд из двух однородных императивных форм, соотносимых с одним и тем же вспомогательным глаголом. Аналогичные формальные показатели глагольного характера окказиональных образований имеются и во всех остальных вышеприведенных примерах. Почти во всех этих примерах окказиональные слова, употребляемые в функции сказуемого, не получают никаких словоизменительных морфем, характерных для глагола, а сохраняют внешнюю форму исходного слова. В редких случаях словоизменительная глагольная парадигма находит свое частичное выражение, как в примере 14, где окказиональная фраза Oh, my God-ing оформлена глагольным суффиксом -ing, или в примере He 'My-dear-fellowed' me all day (J. Aldridge), где окказионализм употреблен в прошедшем времени, выраженном при помощи глагольного суффикса -ed. Следует заметить, однако, что в подобных случаях эти формы закреплены за данной конкретной речевой ситуацией и вне ее не существуют.

Как отмечает И. В. Арнольд, «лингвистический анализ должен рассматривать то, что ему дает реальный языковой материал, а не то, что можно было бы себе представить» (Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М., 1959, с. 131). Таким образом, мы полагаем, что не следует преувеличивать роль парадигмы при образовании окказиональных слов по конверсии. Окказиональное образование, помещенное в синтаксическую функцию глагола только «на один раз», не становится неотъемлемым элементом этого лексико-грамматического класса слов и поэтому не может обладать полной глагольной парадигмой. Утверждение, о том, что парадигма является единственным словообразовательным средством при конверсии, справедливо, на наш взгляд, лишь частично, а именно на

уровне языка; на уровне же речи, при индивидуальном окказиональном словоупотреблении, роль парадигмы в значительной степени ограничена и даже сведена на нет. Как уже указывалось выше, основной стилистической функцией предложений, содержащих глагольные окказионализмы, является эмоциональное выражение отношения говорящего к действию или факту действительности. Эмоциональность при этом имеет обычно негативную окраску, поскольку связана с выражением таких чувств говорящего, как раздражение, возмущение, недовольство, упрек, гнев, негодование. Эти эмоции сопровождают содержащееся в предложении сообщение, являясь своего рода отрицательно-оценочной реакцией собеседника на нечто, высказанное ранее в исходной реплике. Важно отметить, что средствами выражения эмоциональности в ответных репликах являются сам глагольный окказионализм и соответствующая интонация, оформляющая эти предложения. Иначе говоря, экспрессивность предложений, содержащих окказиональные глагольные образования, является результатом переноса слов (фраз) в несвойственное им синтаксическое окружение. На письме указателями интонации и эмоциональной насыщенности таких предложений служат иногда ремарки, но их наличие необязательно. Основным стимулом для появления ситуативных окказионализмов в речи является необходимость или желание индивидуума по особому оценить поступок, действие собеседника или факт объективной действительности, высказать свое отношение к этому поступку или факту в более образной и выразительной форме, чтобы усилить воздействие на слушателя. Таким образом, предложения, содержащие окказиональные образования глагольного характера, стилистически маркированы и могут быть соотнесены с нейтральными предложениями как их стилистические варианты. В соответствующих им нейтральных предложениях значения глагольных окказионализмов передаются с помощью конструкций, включающих глаголы говорения (say, name, call и т. п.), существительные, от которых образованы окказионализмы, и

другие изменения в структуре предложения. Рассмотрим приведенные выше примеры 6, 7: .

6. Don't you... 'officer' me, Booty. = Don't say 'officer' to me, Booty или Don't call me 'officer', Booty.

7. Don't 'Annie' me... = Don't call me 'Annie'...

Как видим, в номинативном плане предложения, содержащие окказиональные глаголы, не отличаются от предложений с глаголами говорения — они выражают одну и ту же мысль. Различие заключается в синтаксическом и эмоциональном планах. Окказиональные образования передают синтаксические функции, отличные от синтаксических функций стилистически нейтральных слов или словосочетаний, послуживших базой для их образования. В этом заключается сущность окказионального словообразования путем конверсии. Подобный вид словообразования (точнее, словоупотребления) можно, по мнению П. В. Царева, назвать синтаксическим. Слово (или словосочетание), окказионально помещенное в совершенно несвойственное ему окружение, вступает как бы в

противоречие с формально-структурной правомерностью его создания и употребления. В результате такого необычного, экспрессивного и образного индивидуального использования общеупотребительного слова происходит отход от «общественно осознанных и отстоявшихся контекстов его употребления, от конкретных лексических связей его с другими словами, обусловленных присущими данному языку законами сочетания словесных значений» (Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977, с. 165).

В заключение отметим, что стилистически нейтральные слова (или словосочетания), окказионально помещенные в глагольную позицию, остаются за пределами словарного состава языка, поскольку они не ощущаются говорящим как новые слова. Это, по сути дела, уже существующие в языке слова, но употребленные в новом, оригинальном окружении и новой, необычной для них функции. Окказиональные образования являются индивидуальной особенностью словотворчества говорящего и принадлежат не языку, а речи

Библиографический список

1. Дегтярь И.Г. Структура словаря и вопросы словообразования германских языков. Пятигорск, 1985, с.133.
2. Ball W.J. Conversational English. London, 1980, pp. 91-92
3. Adams V. An Introduction to Modern English. Word Formation. London, 1985, p. 215.

References

1. Degtyar I.G. Vocabulary structure and issues of word formation in Germanic languages. – Pyatigorsk, 1985. – P. 133.
2. Ball W.J. Conversational English. London, 1980, pp. 91-92
3. Adams V. An Introduction to Modern English. Word Formation. London, 1985, p. 215.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES

УДК 378

*Ульяновский государственный технический университет
Ассистент кафедры иностранных языков
Трубникова Н. В.
Россия, Ульяновск.
e-mail: ntv2205@rambler.ru*

*Ulyanovsk State Technical University
The chair of foreign languages,
assistant lecturer Trubnikova N.V.
Russia, Ulyanovsk
e-mail: ntv2205@rambler.ru*

Н.В. Трубникова

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ АРХИТЕКТУРНЫХ И СТРОИТЕЛЬНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Данная статья рассматривает актуальность единства общеобразовательного и специального компонентов профессионального совершенствования будущих специалистов. В условиях развития междисциплинарного подхода в высшей школе является целесообразным формирование профессиональных компетенций на занятиях по иностранному языку при ориентировании на их последующую поэтапную проекцию по специальным учебным дисциплинам.

N.V. Trubnikova

THE FORMING OF THE PROFESSIONAL COMPETENCES IN PROCESS OF TEACHING STUDENTS OF ARCHITECTURAL AND ENGINEERING QUALIFICATIONS FOREIGN LANGUAGES IN TECHNICAL UNIVERSITY

This article examines the actuality of the comprehensive and special components' unity of future specialists' professional development. Under condition of the multi – subjects approach's evolution in higher education, the forming of the professional competences during the foreign language's lessons is to aim according to its orientation for the gradual projection to the professional subjects.

С развитием рыночных отношений, международных контактов актуализировалась потребность Российского общества в конкурентоспособных кадрах нового образца, нацеленных на постоянное самосовершенствование и при необходимости на переориентацию или расширение сферы своей профессиональной деятельности.

Л.М. Митиной выделяются два варианта профессионального пути: адаптивный и путь профессионального развития. В отличие от адаптивного поведения, профессиональное развитие предполагает свободу выбора и ответственность человека за свою профессиональную деятельность, что является социально предпочтительным.

Профессионализм включает в себя целый комплекс уровней его организации (биологический, психический, социаль-

ный, духовный), что дает нам право рассматривать профессиональную деятельность в пространстве общей культуры. Взаимозависимость профессиональных достижений и разностороннего интеллектуального развития очевидна и объясняется единством личности – органической взаимосвязью ее физических, психических, духовных систем и взаимодействием общих и специальных навыков и умений. Поэтому профессиональная подготовка в вузе, являясь глубоко специализированным процессом, должна всесторонне развивать личность, естественно не без учета ее индивидуальных способностей и возможностей.

Принцип гуманизации диктует построение и реализацию процесса профессионализации личности, учитывая ее возрастные особенности, ценностные ориентации и уровень подготовленности к трудовой деятельности. Единство общеобразовательного и специального компонентов профессионального развития заключается во взаимной зависимости их содержания, а степень их соотношения закономерно изменяется на различных стадиях профессионального совершенствования. Говоря о стадиях профессионализации, мы имеем в виду, поступательный (непрерывный), а не скачкообразный процесс профессионального развития личности, в котором каждый последующий этап профессионального тренинга является как бы продолжением предыдущего. А интервал отдыха призван свести к минимуму регресс профессиональной компетенции.

Образование в вузах России представляет собой процесс, направленный на достижение конечного результата, который выражается в сформированности готовности студентов в их будущей профессиональной деятельности. В нашем исследовании мы определяем готовность к профессиональной деятельности будущих инженеров строителей и архитекторов как сформированность их профессиональных компетенций, которые выражены через развитие таких профессионально важных качеств, как трудолюбие, активность, творчество, самоорганизация, ответственность, аккуратность, и отражены в разви-

тии таких видов деятельности, как коллективная, креативная, рефлексивная, проектная и организационная. Рассмотрим это на примере изучения иностранного языка в техническом вузе:

Информация подается через информативную составляющую, то есть, через: 1) объяснение преподавателем грамматического, страноведческого, общенаучного, или содержащего профессиональную специфику, материала; 2) индивидуальную или коллективную работу с учебными пособиями; 3) работу на компьютере (в компьютерном классе) и фонетическую составляющую, то есть, через: 1) саму речь преподавателя - непосредственное произнесение терминов и структур на иностранном языке; 2) работу с аудио/видео материалами (в лингафонном и лингвистическом кабинетах).

Этапы продвижения от учебной деятельности к профессиональной:

I. Учебная деятельность академического типа (практические занятия с элементами лекций).

II. Квазипрофессиональная деятельность (игровые формы: диалог-ситуация, интервью, конференция-дискуссия по заданной проблеме, сценки как имитация деловой игры и др.).

III. Учебно-профессиональная деятельность (написание тематических рефератов, выступление с докладом по заданной проблематике на иностранном языке, участие на студенческих внутривузовских и межвузовских научных конференциях с последующей публикацией статей в сборниках по итогам конференций, участие в олимпиадах и конкурсах местного и регионального значения).

IV. Профессиональная деятельность (общение в Интернете - в форуме специальных профессиональных сайтов, поездка на производственную практику в страну изучаемого языка в рамках образовательного проекта международного студенческого обмена с последующим написанием и защитой отчета, курсовой работы и сдачей проекта).

Представим алгоритм такого процесса в ходе занятий по английскому языку:

1. Введение и закрепление специальных терминов профессиональной направленности (согласно теме урока) на английском языке с переводом их на русский язык и с последующим объяснением их значения, используя наглядные средства (знак-значение-образ). Отработка произношения отдельных слов и словосочетаний.

Пример: Тема урока: «Оформление интерьера зданий».

2. Усвоение специальных терминов на английском и русском языках с последующим объяснением их профессионального назначения сначала на русском, а затем и на иностранном языках (термин – знание – понятие).

Пример: Выполнение упражнений от общего к частному, от простого к сложному (выполнение упражнений подстановочного типа, элементарных тестов, подбор синонимов, антонимов, гипонимов, гиперонимов к выделенным словам, перевод предложений с новыми терминами с английского языка на русский и наоборот, изменение текста по образцу).

3. Освоение профессиональных терминов на английском и русском языках в процессе выполнения лексических упражнений и специальных заданий различных типов (термин – умение – смысл).

Пример: Составление предложений с использованием новых терминов, составление диалогов по теме урока для обсуждения ключевых вопросов, пересказ содержания прочитанного (технического) текста на английском языке своими словами или заменив архитектурные термины их синонимичными эквивалентами, пере-

дача основного содержания информации на английском языке по плану.

4. Присвоение профессиональных терминов на английском и русском языках в процессе их практического применения в различных видах деятельности (термин – навык – опыт).

Пример: Составление плана-конспекта к тексту, составление словаря архитектурных терминов (с комментариями) по теме «Искусство дизайна интерьеров в современной России», составление пересказа на английском языке по своему чертежному проекту «Дом моей мечты», проведение конференции-дискуссии на английском языке по теме «Стили мирового дизайна интерьеров».

Вышеуказанные компетенции должны быть многофункциональными, разносторонними, междисциплинарными и интегрируемыми непосредственно к сфере профессиональной деятельности будущего специалиста. Владение языковой, социокультурной, учебно-познавательной, поисково-исследовательской компетенциями способствует формированию современного специалиста, способного широко мыслить, принимать взвешенные решения для ликвидации проблем, то есть адаптироваться к любым сложным ситуациям. Профессиональные компетенции на занятиях по иностранному языку формируются при ориентировании на их последующую проекцию по специальным учебным дисциплинам. Принцип последовательного моделирования целостного содержания профессиональной деятельности осуществляется путем постепенного насыщения учебного процесса элементами профессиональной деятельности.

УДК 802.0+803:800.866

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Канд. педагогич. наук, доц. кафедры иностранных языков Кочнева М.Г.
ст. преподаватель каф. ин. яз. Пашченко А.С.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732) 763973*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The Chair of foreign languages, candidate of pedagogical science, associate prof., Kochneva M.G.
senior teacher of the chair of foreign languages, Pashchenko A.S.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 763973*

М.Г. Кочнева, А.С. Пашченко

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОТЕНЦИАЛЬНОГО СЛОВАРЯ В ТЕХНИЧЕСКИХ АНГЛИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ ТЕКСТАХ

Статья посвящена анализу лексики, имеющей общие корни во многих языках, т.е. так называемой интернациональной лексике (ИЛ) в подязыках строительные и дорожные машины в английских и немецких текстах. В результате анализа 20000 словоупотреблений выделены ее лексические пласты, определены и охарактеризованы семантические группы. Приведены результаты эксперимента, проведенного со студентами 1-2 курсов, выявлены основные трудности понимания интернациональной лексики, составлена шкала степени ее понимания и приведена система упражнений по обучению ИЛ.

M.G. Kochneva, A.S. Pashchenko

CHARACTERISTICS AND TRANSLATION OF POTENTIAL VOCABULARY IN TECHNICAL ENGLISH AND GERMAN TEXTS ON THE SPACIALITY OF "ROAD-MAKING AND CONSTRUCTION MACHINERY"

The article deals with the analysis of the vocabulary having common roots in many languages, i.e. so-called international vocabulary [IV] in the sublanguage of "Road-Making and Construction Machinery" in technical English and German texts. As a result of analyzing 20000 word-usages there have been separated out and characterized lexical and semantic groups of IV. The results of the experiment carried out in the first-and-second year-students groups are presented. Some of main difficulties of understanding IV have been revealed. A scale of IV understanding degree is compiled. A system of exercises for teaching IV is given.

Под потенциальным словарем мы подразумеваем слова общего корня в разных языках мира, т.е. так называемую интернациональную лексику [ИЛ]. За счет интернациональной лексики может значительно расширяться потенциальный словарный запас студентов технических вузов.

Умение понять ИЛ в тексте значительно ускоряет также процесс понимания читаемого. Психологами доказано, что процесс узнавания складывается из обнаружения объекта, выделения необходимых для сличения признаков в данном объекте и дальнейшего его сличения с имеющимся в памяти эталоном. Если этого эталона нет, то узнавания не происходит. А догадка осуществляется при чтении текста в опоре

на определенное совпадение графических образов слова.

Анализ методической литературы по данному вопросу позволяет сделать вывод о том, что проблемы потенциального словаря привлекали внимание ученых и практиков еще в 70-80 годы прошлого столетия [1, 2, 3]. Но данные работы не затрагивали характеристику профессиональной интернациональной лексики и не касались ее особенностей в определенных подъязыках.

Попытка дать подробный анализ интернационализмов в технических текстах по специальности «Строительные и дорожные машины» и «Архитектура» была предпринята во ВГАСУ [4].

Цель данной статьи сравнить особенности употребления и перевода ИЛ в технических английских и немецких текстах по специальности «Строительные и дорожные машины» (СДМ).

С этой целью были проанализированы 20000 словоупотреблений, входящих в 100 отрывков по 100 словоупотреблений каждый, заимствованных из английских журналов *Construction Methods and Equipment*, и *Constructional Industry International* и немецких *Bauzeitung* и *Die Straße*. При этом артикли и предлоги, не несущие семантической нагрузки, не учитывались.

Анализ показал, что в среднем на каждый текст по специальности СДМ в английском языке приходится 9 – 15% ИЛ, учитывая повторяющиеся, а в немецком языке процент ИЛ составил 14 – 18%. Из этого материала отобрано 300 единиц ИЛ. Данный минимум был проанализирован с точки зрения лексических пластов, а именно: терминологического, общенаучного и общеупотребительного [5].

Оказалось, что 35% интернациональной лексики пришлось на терминологию, 29% составила общенаучная ИЛ и 36% общеупотребительная интернациональная лексика. В основном это однокомпонентные слова. Двухкомпонентные словоупотребления встретились в проанализированном английском материале 24 раза и 27 раз в немецком.

Рассмотрим каждый лексический пласт отдельно.

I. К терминологической ИЛ были отнесены собственно термины, характерные только для данной специальности, такие как *scraper/Schrapper* – скрепер, *grader-грейдер*, *hydraulic excavator/hydraulischer Bagger* – гидравлический экскаватор, *bulldozer/Bulldozer* – бульдозер а также термины, которые могут использоваться в других специальностях, но входят в состав терминологической лексики по специальности СДМ как неотъемлемая составная часть сложных терминов, а также наиболее часто используемая в данной специальности. Например: *conical (hopper)/Trichter* – конический (бункер), *elektromechanical(drive) /elektromechanisch (-er Antrieb)* – электромеханическая (передача), *telescopic boom/teleskopischer Ausleger* – телескопическая стрела. Обращает на себя внимание ассимиляция понятия бункер из английского языка в немецкий и русский. При наличии в немецком языке английского заимствования *bunker* для понятия «конический бункер» в немецком языке утвердился термин *Trichter* (воронка). В эту же группу вошла лексика со спортивным значением, зная которую, студенты могут легко догадаться о других, уже не спортивных значениях этих слов, применяя их к данному подъязыку. Следует особо подчеркнуть, что в подъязыке СДМ некоторые из таких слов приобрели терминологическое значение – самостоятельное или в составе двухкомпонентного термина, например, *start/Starten/starten*, – запуск (двигателя), запускать (двигатель), *starter/Starter* – стартер (пусковое устройство). Что касается немецкого языка, то для немецкого языка в отличие от английского использование «спортивной» терминологии нехарактерно, поэтому незначительность словарной базы не дает основания для обсуждения и сравнения данного лексического массива.

II. К общенаучной интернациональной лексике отнесены слова, которые широко используются в других специальностях, но также часто употребляются в подъязыке СДМ. Например, *abrasive material/abrasives Material* – абразивный материал, *asphalt/Asphalt* – асфальт, *automatic control/automatische Kontrolle* (Überwa-

chung/Steuerung) – автоматическое управление, configuration/Konfiguration – конфигурация, corrosive material/korrosives Material – корродирующий материал, elastic/elastisch – эластичный, упругий. В эту же группу вошли глаголы, употребляемые в научном языке, и образованные от них терминологические существительные. Например, generate – generator/ generieren – Generator (генерировать – генератор), indicate – indicator/indizieren – Indikator (индцировать – индикатор), operate – operator/operieren – Operateur (работать – работник в разн. значениях), а также меры объема, длины, веса tonne, litre и их производные.

III. В группу общеупотребительной ИЛ отнесены нейтральные в стилистическом плане слова, употребляющиеся в любом стиле письменной и устной речи, такие как class/Serie/класс(серия), centre Zentrum/центр, comfort/Komfort/комфорт, industry/Industrie, model/Modell/модель, group/Gruppe/группа, active/aktiv/активный и другие.

Кроме анализа по лексическим планам, весь отобранный минимум ИЛ был проанализирован по семантическим группам. Выделено семь обширных семантических групп.

1. Названия орудий труда, машин, механизмов, исполнителей: computer/Computer / компьютер, vibrator / Vibrator / вибратор, designer / Konstrukteur / конструктор и др. Здесь необходимо отметить, что в немецком языке лишь относительно недавно понятие design стало употребляться в значении «конструкция». Понятие «designer» в значении «конструктор» в немецком языке нами не обнаружено.

2. Названия действий и процессов. Например, excavate/ausbaggern – excavation/Ausbaggerung, generate/generieren/производить(генерировать) – generation/Generierung – производить(генерировать) – создание (генерирование). Опыт работы показывает, что это самая трудная для понимания лексическая группа как в английском, так и в немецком языке, так как, несмотря на общее и в целом легко воспринимаемое лексическое содержание компонентов понятия исполь-

зование словосочетания в каждом конкретном языке имеет свои особенности, вызванные проблемой сочетаемости, содержания самого понятия источника заимствования. Например, в немецком языке понятие «Generation» соответствует русскому «поколение», а для обозначения понятия использована латинская основа и немецкий суффикс –ung. Все это свидетельствует об очень сложном характере взаимодействия языков. Так что создание более или менее универсального переводного алгоритма практически невозможно. Для того, чтобы перевести данные глаголы, студенты должны вспомнить существительные (орудия труда) и соотнести их с выполняемыми данными орудиями труда функциями, а именно, excavator, elevator, generator, или Generator, Vibrator, Rotor.

3. Названия технических характеристик, стандартов, мер объема, веса и т.д. Например, standard, diameter, radius, yard. В этом случае также имеются проблемы, не поддающиеся формализованному решению, потому что в России и в Германии в научной литературе используются только общепринятые международные единицы измерений системы СИ.

4. Названия признаков и качеств машин, которые выделяют их из числа других, например, mobile/ mobil, effective/ effektiv/эффективный, portable/ transportabel/ транспортабельный. К этой же группе отнесены образованные от прилагательных существительные, которые также относятся к названию качества, например, stability/Stabilität/стабильность, mobility/Mobilität / мобильность, portability / Transportfähigkeit/ транспортабельность. В данной группе мы имеем полное соответствие, как в английском, так и в немецком языках.

5. Названия, связанные с местом расположения частей машины представлены в основном наречиями и прилагательными. Например, vertically – вертикальный (вертикально), horizontally/horizontal) – горизонтальный, (горизонтально) central/zentral – центральный, (по центру), profile/ прич. profiliert – профильный, (в профиль).

6. Названия для обозначения особенностей устройства машин и механизмов. Например, telescopic/teleskopisch – теле-

скопический, planetary/Planeten~ – планетарный, для передачи данного термина в немецком языке существительное, образованное по типу словосложения. Tandem/Tandem – тандем.

7. Названия источников питания, материалов, из которых сделаны машины и их компоненты, например, gasoline/Benzin – бензин, concrete/Beton – бетон, bitumen/Bitumen – битум, steel/Stahl – сталь, aluminium/Aluminium – алюминий и т.д. В этой группе наблюдается полное совпадение, как в английском, так и в немецком языке.

Когда студенты встречаются с интернациональным словом, они опознают его через идентификацию английского/немецкого и русского вариантов в случае полного сходства, или посредством языковой догадки.

Для того чтобы выявить, во-первых, опоры графической формы слов, которые характеризуют степень их опознавания при чтении, и, во-вторых, определить трудности восприятия и понимания данных слов в контексте, нами был проведен в 2006/2007г. во ВГАСУ эксперимент.

Для решения первой задачи к эксперименту были привлечены в начале учебного года до чтения литературы по специальности студенты первого курса в количестве 33 человек, (из них 23 человека, изучающих английский язык и 10 – немецкий). Студенты второго курса 40 человек, (из них 28 студентов, изучающих английский язык и 12 – немецкий) решали вторую задачу.

Эксперимент состоял в следующем.

На первом курсе студентам было предложено перевести в отрыве от контекста 100 изолированных интернациональных слов. Таких как cycle/Zyklus, grader/Grader, adequately/adequat, abrasive/abrasiv, planetary/planetarisch, reductor/Reduktor, concentrate/Konzentrat, start/starten, system/System, method/Methode etc. Перед выполнением задания студенты были предупреждены, что окончания –te/en – признак глагола, суффиксы -tion/-tion, -ture/tur – признаки существительных, -ic/–, ive/iv, able/ab(e)l –суффиксы прилагательных.

На втором курсе студенты получили индивидуальные тексты объемом 120-130 словоупотреблений. Этот текст они должны были прочитать, понять содержание и выписать все, по их мнению, интернациональные слова, включая повторяющиеся, с их контекстуальным значением, для понимания которых им не потребовалось словаря.

Проанализировав работы, мы пришли к следующим выводам.

1. Без специальной подготовки студенты в своем большинстве не имеют навыков узнавания интернациональных слов. Это обусловлено самыми различными факторами, а именно: способностью студента сконцентрироваться на слове, найти в нем общие с русским языком характеристики, его общей эрудицией, прошлым опытом, знанием предмета. Затруднения вызвали такие слова как scraper/Schrapper, grader/Grader, designer/Designer, хотя при прочтении их вслух преподавателем студенты догадались о значении данной лексики. Следовательно, звуковой образ слова помогает иногда понять интернациональное слово. И те студенты, которые смогли правильно прочитать эти слова, перевели их адекватно. С другой стороны для некоторых оказались непонятными следующие слова: cycle/Zyklus, type/Typ, cylinder/Zylinder, которые при правильном чтении еще больше усложнили их понимание. Поэтому в данном случае пришлось переключиться на чтение латинскими буквами (на уровне внутренней речи), что сразу же помогло студентам распознать их значения.

При чтении текстов студенты, изучающие английский язык не смогли понять слова front, bolt (в сочетании “bolt into position”), typical, select. Студенты, изучающие немецкий язык, испытывали трудности при переводе терминов, образованных по типу словосложения, например, Frontantrieb. Практически непреодолимой преградой для языковой догадки при узнавании немецкого слова является свойство сложных слов разлагаться на составляющие с другими категориальными признаками. Например, при визуальном анализе слова Frontantrieb студент изначально должен

знать, что в данном случае первая часть сложного понятия является определением, однако морфологических признаков определения не имеет. Ограниченный словарный запас в русском языке явился причиной непонимания таких слов как *tandem/Tandem, Montage, Stufe* (ступень). Отсутствием внимания, по-видимому, следует объяснить непонимание и отнесение студентами 2 курса в разряд интернациональных слов, таких как *traction*, соотнесенный ими с термином трактор и переведенный как «тракторный», *optional* перепутали с *optimal* и перевели как оптимальный, *manufacture* перевели как мануфактура и т.д.

Многие ошибки объяснялись незнанием значений суффиксов и префиксов, например, *stability* – вместо «устойчивость», «стабильность» переводили «стабильный», *controlled* – вместо «управляемый», «контролируемый» перевели «контроль»; *operations* – вместо «работы», «операции» перевели «оператор». Самая распространенная ошибка при переводе с немецкого языка – неразличение причастия-обстоятельства, причастия-сказуемого и причастия-определения. Так как причастия в роли обстоятельства в технической литературе используются мало, то самой актуальной проблемой перевода являются определения. В подавляющем большинстве случаев студенты переводят их как сказуемые. У этого явления несколько объективных причин, одна из которых отсутствие однозначных морфологических признаков (влияние родного языка, в котором категории определения и сказуемого совпадают) и, следовательно, эффективных систем упражнений, адаптированных для технических вузов.

Это усугубилось недостаточной общей эрудицией студентов и явилось причиной неправильного понимания таких слов как *integrate* – перевели «разделение» вместо «объединять», «интегрировать», совсем не перевели слова *constant, audiovisual, maneuverable* и т.д. В немецком языке проблема неправильного понимания существует также, однако в переводе она не так проявляется, как в английском языке, например, не представляет сложности

идентификация существительного, другие части речи в большинстве случаев имеют собственные морфологические признаки. Поэтому контроль со стороны преподавателя возможен лишь там, где в русском языке отсутствует соответствующая интернациональная лексическая единица. Например, в русском языке имеется глагол «интегрировать». И если студент употребил именно его, а не «объединять», то понимание прочитанного выходит из-под контроля.

В список на узнавание интернациональных слов были включены пары слов на языковую догадку последнего, т.е. необходимо было вывести из одного значения другое, например *generator – generate/ Generator – generieren; minimum – minimizes/ Minimum – minimieren; combination – combine/ Kombination – kombinieren; reductor – reduce/ Reduktor – reduzieren*.

Очень немногие студенты справились с этим заданием.

Анализ и обсуждение выявленных ошибок и недочетов позволили определить основные трудности понимания ИЛ при чтении.

В английском языке трудности вызвали:

1. Сочетание “ph” – *asphalt, diaphragm*.
2. Сочетание “ch” – *chassis*.
3. Сочетание “ou” – *group, round*.
4. Сочетание “qu”, “ck” – *adequately, track*
5. Сочетание “tion” – *function, position*.
6. Ассоциированные буквы “y” “c” *cycle* перевели «кукла».
7. Буква “c” – *cylinder* перевели «календарь».
8. Графическое несовпадение окончаний слов: *operate, guarantee*.
9. Отсутствие четко выраженных морфологических признаков.

В немецком языке наибольшие трудности при чтении и соответственно переводе вызывают сочетания букв „ph“ и „qu“, а также ассоциированная буква „y“. Менее актуальна для немецкого языка также проблема четко выраженных морфологиче-

ских признаков, о чем уже ранее говорилось.

Исходя из данных анализа, удалось построить шкалу степени трудности понимания интернациональных слов. Выделено 5 групп.

К первой группе отнесены слова, имеющие полное сходство с русскими и немецкими и не вызывающие никаких трудностей, например, tractor/Traktor, bulldozer/Bulldozer, reductor/Reduktor и т.д.

Вторую группу составили слова, имеющие определенное сходство согласных букв, но различающиеся по гласным буквам, например, scraper, grader, system и т.д. В немецком языке к этой группе можно отнести слова Тур/тип, Serie/серия, System/система, Hydraulik/гидравлика и т.д.

В третью группу вошли слова, имеющие сходство гласных букв, но различающиеся по согласным, например, asphalt, chassis и т.д. В немецком языке в качестве примеров можно привести Asphalt/асфальт, Stufe/ступень, Benzin/бензин

В четвертую группу включены слова, отличающиеся по согласным и гласным буквам, например, cycle/Zyklus, cylinder/Zylinder, Autobahn/автобан и т.д.

В пятую группу вошли слова, которые расходятся по окончаниям, например, manoeuvrability, position/Position, elektromechanisher и т.д.

К особой группе были отнесены интернациональные слова, которые в языке СДМ в составе словосочетаний изменяют или утрачивают свое интернациональное значение, например, final – конечный (сравните в сложном термине final drive – главная передача); universal/универсальный (сравните universal-joint shaft – карданный вал); control – контроль (сравните speed control unit – спидометр) и т.д. В немецком языке к этой относительно небольшой группе можно отнести такие понятия как spezifisch – номинальный/рабочий – Datei/массив данных и т.д.

Из всего сказанного о трудностях понимания ИЛ можно сделать следующий вывод. Для того чтобы научить студентов распознавать и правильно понимать ИЛ, необходима систематическая, целенаправ-

ленная работа над данной категорией слов. При активизации ИЛ мы используем упражнения на уровне слов, предложений и целого текста.

Основная цель упражнений на уровне слов – выработать у студентов навыки и умения видеть в английских/немецких словах их русские аналоги на основе элементов сходства.

Предлагаются такие задания

1. Прочитайте следующие слова и скажите, какие русские аналоги они вам напоминают. Например, cabin/Kabine, vision/Vision, rotary/rotierend и т.д.

2. Из нижеприведенных слов выделите интернациональные и подберите их русские эквиваленты.

3. Прочитайте следующие слова, выделите знакомые части и соотнесите с их значением. Например, motorcycle/Motorzyklus, hydrotechnical/hyrotechnisch и т.д.

4. (Для студентов, изучающих английский язык). Прочитайте следующие слова по-латински и выведите их значения путем преломления понятий для специальности СДМ, например forward, starter, round, outside и т.д.

5. Прочитайте следующие слова и выделите их значения, вспомнив, какую функцию выполняют орудия труда, выраженные существительными, образованными от данных слов, например, reduction (reductor)/Reduzierung (Reduktor).

Подобного рода упражнения предполагают выведение значения интернационального слова на основе умозаключений.

Упражнения на уровне предложений предполагают научить студентов выделять и правильно понимать интернациональные слова в контексте.

Предлагаются такие задания.

1. Прочитайте следующие предложения и переведите сначала все подчеркнутые интернациональные слова, а затем постарайтесь понять содержание всего предложения. Например, All machines produced by the company are of their own design./Alle

von dieser Firma produzierten Maschinen haben eigene Konstruktion

2. Прочитайте следующие предложения, подсчитайте, сколько в каждом из них интернациональных слов, проверьте, сможете ли вы понять смысл предложений без словаря. Например, The most popular export model is mini-hydraulic excavator with a 0.2 cubic metre capacity./Das meistgefragte Exportmodell ist der minihydraulischer Bagger mit dem Löffelvolumen von 0,2 m³

3. Выделите из следующих предложений все интернациональные слова, переведите их и постарайтесь понять содержание предложений. Например, Benati also offer a range of specialized machines for waste compaction and industrial use./Die Firma Benati bietet auch eine Reihe von speziellen Maschinen für die Verdichtung der Abfälle und die industrielle Anwendung

4. Прочитайте следующие предложения и используйте интернациональные слова в качестве ключевых для их понимания. Например, This standard class of plate compactors is completed by a group of reversible vibratory compactors./Diese Standardklasse von bodenverdichtenden Plattenmaschinen schließt die Gruppe von bodenverdichtenden Vibromaschinen mit dem Rückgang ab.

Подобные виды заданий помогают концентрировать внимание студентов на ИЛ, вырабатывают уверенность в умении понять иностранный текст, повышают интерес к чтению литературы на иностранном языке.

Такого же вида задания используются и на уровне текста.

При работе над интернациональной лексикой внимание студентов заостряется также на словах, которые при полном совпадении графических образов в различных языках имеют разные значения. Такие слова обычно называют «ложными друзьями переводчика». Например extra – (русс./нем.) дополнительный, специальный, но не высшего качества, materially – (русс.) существенно, но не материально, concrete – бетон, но не (русс./нем.) конкретный, (нем.) spezifisch – удельный, но не специфический, (нем.) Maschine – машина, механизм, но не автомобиль.

Данные слова, а их не так уж и много в каждой специальности, необходимо давать студентам для заучивания в готовом виде, в том значении, в каком они встречаются в конкретном подъязыке.

Обучение иностранному языку представляет собой процесс познания другой культуры с вытекающими последствиями для родного языка. Терминология с коммуникативной точки зрения представляет собой одно из связующих звеньев в сфере профессионального общения, а с методической – важную **ориентировочную основу** (П.Я.Гальперин) для выработки речевых навыков, во всех видах речевой деятельности. Все исследователи подчеркивают связь методики и лингвистики. Однако не все области лингвистики дидактизированы в достаточной мере. Не в последнюю очередь это относится к методическому осмыслению терминологической иностранной лексики. Из-за кажущейся простоты этой проблемы достаточного внимания ей не уделяется. Интересный вывод, касающийся обучения научному языку вообще делает М.Ф. Косилова: «обучая студента пониманию литературы по специальности, мы должны выполнить не одну, а две задачи – обеспечить знание специфических особенностей языка науки и выработать способность к рефлексии, иначе говоря, способность осмысления выданного варианта понимания текста»[6]. Обучение пониманию общезыковых терминов как одному из условий понимания всего текста представляет собой широкую область методических исследований, которые требуют большого фактического материала и сравнительного анализа в разных языках, так как имеется ряд грамматических и стилистических особенностей использования терминов в каждом.

Многолетний опыт работы в неязыковом вузе показал, что систематические задания по усвоению интернациональной лексики под руководством преподавателя формируют у студентов особый тип мыслительных навыков, которые необходимы не только для работы с текстами. Эти навыки понимания иностранных слов очень важны в процессе устного общения с иностранцами. Они развивают мышление,

способствуют интернационализации словарного запаса, в значительной степени

облегчают процесс самостоятельного изучения иностранного языка.

Библиографический список

1. Бычкова Н.И. Догадка о значении неизученных «интернациональных» слов при аудировании. // Иностранные языки в высшей школе. – 1976. – Вып. II. – С.25-32.

2. Слободкина Н.Я. О потенциальной лексике английского языка в техническом вузе. // Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку. -Владивосток, 1977. – Вып. IV. – С. 32 – 34.

3. Берловская В.Д. Интернациональная лексика – помощник или тормоз при переводе. // Теория и практика научно-технического перевода. Научно-практический семинар. – Воронеж, 1986. – С. 65.

4. Кочнева М.Г., Беляев Н.Н. Изучение интернационализмов в архитектурно-строительном вузе // Гуманизация обучения и актуальные проблемы лингвистики. Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж, 2001. – С. 85–90

5. Кочнева М.Г., Слободкина Н.Я. К вопросу об отборе и характеристике лексики подъязыков «Дороги» и «Строительные и дорожные машины» // Обучение видам речевой деятельности в неязыковом вузе. – Краснодар, 1980. – С. 120 – 126.

6. Косилова М.Ф. Вероятностный мир, грамматическая омонимия и проблемы обучения чтению научной литературы. // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. - Москва, 1/2007. - С. 185.

References

1. Bychkova N.I. Conjecture on the meaning of unknown “international” words when listening // Foreign Languages in Higher school. – 1976. – Issue II. – P. 25 – 32.

2. Slobodkina N. Ya. On potential vocabulary of the English language in technical higher institution // Word building and its place in the course of teaching a foreign language. - Vladivostok. – Issue IV. – P. 32 – 34.

3. Berlovskaya V.D. International vocabulary – a helper or a brake in translating // Theory and practice of scientific-and-technical translation // Scientific-and-practical seminar. – Voronezh, 1986. – P. 65.

4. Kochneva M.G., Belyaev N.N. Studying in international words at Architecture and Engineering Higher Institution // Humanization of teaching and urgent problems of linguistics. – Voronezh. – 2001. – P. 85 – 90.

5. Kochneva M.G., Slobodkina N. Ya. On the problem of selecting and characterizing vocabulary of the sublanguage “Roads and Road-making and construction machines. // Teaching kinds of speech activities in technical higher Institution.– Krasnodar, 1980. – P. 120 – 126.

6. Kosilova M.F. Probable world, grammatical homonymy and the problems of teaching reading scientific literature // Bulletin of MSU. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication. – Moscow, 1/2007. – P.185.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ **LANGUAGE AND CULTURE STUDIES**

УДК 801.3=82(045/046):26 ББК 83.3(2Рус=Рус)6я437

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Подвигина Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48;
e-mail: ya_witch@mail.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication, assistant lecturer
Podvigina N.B.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48;
e-mail: ya_witch@mail.ru

Н.Б. Подвигина

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

В статье рассматривается понятие языковой картины мира, приводится история становления термина «языковая картина мира», анализируются точки зрения на языковую картину мира различных ученых, говорится о необходимости различения непосредственной и опосредованной картин мира.

N.B. Podvigina

LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

The article concerns the notion of the language picture of the world. The history of the term is given. Various scientific points of view on the language picture of the world are analyzed. Direct and mediated pictures of the world are distinguished.

Язык является уникальным свойством человека, выделяющим его из остального мира [2]. Он всей своей системой настолько тесно связан с жизнью, копирует ее, что «человек перестает отличать предмет от названия, пласт действительности от пласта ее отражения в языке» [5]. Еще В. фон Гумбольдт подчеркивал уникальность языка как антропологического феномена: «С необходимостью возникая из человека, язык не лежит в виде мертвой массы в потемках души, а в качестве закона обуславливает функции мыслительной силы человека» [1].

Он поднимает исследование языка на философско-антропологический уровень, усматривая в языковой способности не только уникальный дар человека, но и его сущностную характеристику [1].

В рамках когнитивной парадигмы взаимоотношение мышления с языком интерпретируется принципиально иным способом. Язык рассматривается не как автономная система, а как способность, обусловленная общими когнитивными механизмами, как открытая система, свойства которой определяются общими процессами концептуализации, связанными с различными областями человеческого знания [2].

Каждый естественный язык отражает определенный способ концептуализации (восприятия и организации) мира. Являясь конституирующей когнитивной способностью человека, язык отражает опыт человека по взаимодействию со средой и именно такой объективированный в языке опыт в своей совокупной целостности образует языковую картину мира [4].

Термин «картина мира» впервые был предложен Л. Витгенштейном в аспекте философии и логики. В антропологию, семиотику, а, следовательно, и в лингвистику (ибо язык есть самая универсальная и общезначимая система знаков) термин был введен Л. Вайсбергом [2]. Интерес к языковой картине мира обнаруживается еще в работах В. фон Гумбольдта, который писал, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [6].

Картина мира – упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также в групповом, индивидуальном) сознании и обязательная для всех носителей языка [8].

С 60-х гг. прошлого века проблема картины мира стала рассматриваться в рамках семиотики при изучении первичных моделирующих систем (языка) и вторичных систем (мифа, религии, фольклора, поэзии, кино, живописи).

«Картина мира – целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, она возникает у человека в ходе всех его контактов с миром и представлений о нем» [6]. Явления, находящиеся вне его представлений о мире, человек не склонен замечать. В.П. Руднев определяет «картину мира» как «систему интуитивных представлений о реальности» [2].

Картина мира не является набором «фотографий» предметов, процессов и т.д., помимо отраженных объектов, она включает в себя позицию отражающего субъекта. Можно говорить о том, что отношения,

оценки принимают участие в конструировании языковой картины мира [6]. Также на формирование картины мира влияют социальные факторы (язык, традиции, воспитание, обучение и т.п.). Картина мира может быть представлена с помощью различных параметров (пространственных, временных, количественных и т.п.).

З.Д. Попова и И.А. Стернин подчеркивают необходимость различать непосредственную и опосредованную картины мира. Непосредственная картина мира – концептосфера – результат прямого познания действительности при помощи органов чувств и абстрактного мышления, включает в себя как концептуальное знание о действительности, так и совокупность ментальных стереотипов, определяющих интерпретацию этой действительности [8].

Поскольку непосредственная картина мира является результатом когниции, она определяется как когнитивная. В сознании личности она системна и влияет на восприятие мира, предлагая классификацию элементов действительности и приемы анализа этой действительности, упорядочивая чувственный и рациональный опыт личности для его хранения в памяти. Концептуальная картина мира является более богатой и сложной, так как в ее создании участвуют разные типы мышления, в том числе и невербальные, но, несмотря на различия, обе картины мира связаны между собой [3].

Опосредованная картина мира – «результат фиксации концептосферы вторичными языковыми системами, которые материализуют, овнешняют существующую в сознании непосредственную когнитивную картину мира» [8].

Картина мира лежит в основе восприятия человеком или социумом мира, основой индивидуального или общественного самосознания.

М.В. Пименова под языковой картиной мира понимает «совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а также

способы получения и интерпретации новых знаний» [7].

По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, языковая картина мира – это «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [8]. Она не равна когнитивной, которая значительно шире, поскольку в языке названо только то, что имело или имеет для народа коммуникативную значимость. Это специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности, исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире [2].

Языковая картина мира – семантическое пространство языка – фиксирует человеческий опыт, хранит его и передает будущим поколениям, реагируя на изменяющиеся условия жизни человека. Основное назначение языковой картины мира – «помощь осуществлению процессов концептуализации и категоризации мира. ... Она предлагает определенные классификации всего сущего и создает некие русла, по которым может течь мощный поток человеческих мыслей» [4].

Картина мира фиксирует возможные ракурсы рассмотрения тех или иных сущностей или определенный взгляд на вещи, но не навязывает и не диктует особое восприятие мира и раз и навсегда заданное его осмысление, поскольку не язык и не языковая картина мира как таковые предопределяют наше мировоззрение, а внеязыковая реальность [4].

Неидентичность языка и мышления, их автономное функционирование (при определенных условиях) приводит к необходимости разграничения языковой и бо-

лее богатой концептуальной картины мира [2].

Вопрос о соотношении когнитивной и языковой картины мира решается учеными по-разному.

Как уже было отмечено, понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев (Вайсгербер и другие) о «внутренней форме языка», с одной стороны, и к идеям американской этнолингвистики, в частности, так называемой «гипотезе лингвистической относительности» Сепира-Уорфа, – с другой. Языковая картина мира антропо – и этноцентрична. Она представляет собой совокупность знаний о мире, отраженных в лексике, грамматике, фразеологии. Каждый этнос обладает своей собственной языковой картиной мира. Вместе с тем, концептуальная картина мира может быть различной у представителей разных профессий, говорящих на одном языке, и, напротив, сходной у носителей двух разных языков. Картина мира является основой индивидуальных и общественных знаний о мире. Она создает общую для данного социума когнитивную структуру, делая во многом сходными представления людей об окружающей действительности, что позволяет им вступать в процесс обмена информацией, проще говоря, коммуникации.

Таким образом, между картиной мира как отражением реального мира и языковой картиной мира как фиксацией этого отражения существуют сложные отношения.

Концептуальная система рассматривается как область когнитивной, в которой внешние языковые способы перцепции и моторики, такие как мышление и восприятие, могут системным образом коррелировать [2].

Индивидуальность концептуальной системы проявляется в образовании специфической, субъективной картины мира. В индивидуальных концептуальных системах вполне естественны качественные

различия в интерпретации одних и тех же концептов и соответствующих им языковых выражений: каков «арсенал» содержащихся в системе концептов, таково качество интерпретации новых концептов.

В индивидуальном стиле писателей, ученых, общественных деятелей не только особым образом отражаются характерные черты господствующего стиля мышления эпохи, но и оформляются элементы нового. В структурной поэтике предметом специального анализа становится индивидуальная картина мира писателя или поэта, который иногда даже опережает эпоху, выявляя те тенденции в изменении концептуальной системы, которые лишь впоследствии становятся очевидными для остальных членов культурного сообщества. Индивидуальная авторская картина мира отражается в художественной картине мира, в которой могут быть обнаружены концепты, присущие восприятию мира только данного автора, – индивидуальные концепты писателя [8].

Поскольку познание мира человеком не свободно от ошибок и заблуждений, его концептуальная картина мира постоянно меняется, «перерисовывается», тогда как языковая картина мира еще долго хранит следы этих ошибок и заблуждений [6]. Языковая картина мира как средство экспликации концептуальной картины мира «предусматривает отображение в лексиконе и грамматическом строе языка определенной сетки концептов» [2].

Некоторые из исследователей говорят об их соотношении как ядра и периферии, причем содержание концептуальной и языковой картин мира в основном совпадает, образуя инвариантную информацию и формируя универсальные понятия. «Языковая картина мира образуется информацией, рассеянной по всему концептуальному каркасу и связанной с формированием самих понятий» [9]. Поэтому единой картины мира нет и не может быть.

«Картина мира – то, каким себе рисует мир человек в своем воображении, – феномен более сложный, чем языковая картина мира, т.е. та часть концептуального мира человека, которая ... преломлена через языковые формы» [3].

«Картина мира, которую можно назвать знанием о мире, лежит в основе индивидуального и общественного сознания. Язык же выполняет требования познавательного процесса. Концептуальные картины мира у разных людей могут быть различными... В концептуальной картине мира взаимодействует общечеловеческое, национальное и личностное» [6].

Языковая картина мира оказывается самой стабильной и устойчивой, ибо язык сохраняется веками, изменяясь лишь незначительно. Выражаемые в языке значения складываются в единую систему взглядов, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка [2].

«Термин «языковая картина мира» – это не более чем метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то ... неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую «окраску» этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [6].

Языковая картина мира неизбежно обладает национальной спецификой, которая выражается в семантике языка. Каждый естественный язык отражает определенный способ концептуализации мира. Этот способ отчасти универсален, отчасти специфичен; связано это с тем, что языковые знаки служат средством представления основных установок культуры, так что

носители разных языков могут видеть мир по-разному, через призму своих языков.

Специфические особенности национального языка создают для носителей этого языка не неповторимую картину мира, отличную от существующей, а специфическую окраску этого мира, которая обусловлена национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избира-

тельным отношением к ним, порожденным спецификой деятельности, образа жизни и национальной культурой данного народа.

В связи с наличием большого количества видов сознания (индивидуальное, коллективное и т.п.) мы можем говорить и о большом количестве языковых картин мира.

Библиографический список

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – С. 37 - 38.
2. Ерофеева Л.А. Метафорические репрезентации доминантных концептов в поэтической картине мира Р.М. Рильке: дис. ... канд. филол. наук / Ерофеева Лариса Анатольевна. – Саратов, 2007. – 200 с.
3. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. - №4. – С. 26 – 45.
4. Кубрякова Е.С. О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии / Е.С. Кубрякова // Реальность, язык и сознание. Международный межвузовский сборник научных трудов. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – Вып. 2. – С. 67 - 75.
5. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII - начало XIX века) / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство, 1994. – С. 35.
6. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. – М., 2007. – 296 с.
7. Пименова М.В. Введение в когнитивную лингвистику / М.В. Пименова. – Кемерово. – 2004. – С. 5.
8. Стернин И.А., Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / И.А. Стернин, З.Д. Попова. – М.: «АСТ – Восток – Запад», 2007. – 314 с.
9. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. - М.: «Языки русской культуры», 1996. – С. 18.

References

1. Goumboldt V. Selected works on linguistics. – M., 1987. – P. 37 – 38.
2. Erofeeva L.A. Metaphoric representations of dominant concepts in R.M. Rilke's poetic picture of the world. – Saratov, 2007. – 200 p.
3. Koubryakova E. S. Initial stages of cognitivism development: linguistics – psychology – cognitive science. – Issues of linguistics. – 1994. – Vol. 4. – P. 26 – 45.
4. Koubryakova E. S. About modern comprehension of the term “concept” in linguistics and culture studies // Reality, language and consciousness. – Tambov, 2003. – Vol. 2. – P. 67 - 75.
5. Lotman J.M. Conversations about Russian culture: Lifestyle and traditions of Russian gentry (18th – the beginning of 19th century). – St. Petersburg, 1994. – P. 35.
6. Maslova V.A. Introduction to cognitive linguistics. – M., 2007. – 296 p.
7. Pimenova M.V. Introduction to cognitive linguistics. – Kemerovo, 2004. – P. 5.
8. Popova Z.D., Sternin I.A. Cognitive linguistics. – M., 2007. – 314 p.
9. Telia V.N. Russian phraseology: semantic, pragmatic, linguistic and cultural aspects. – M., 1996. – P. 18.

УДК 82.08

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Безатосная О.М.
Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732) 71-50-48

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication, senior lecturer Bezatosnaya O.M.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48

О.М. Безатосная

СВЕТ ВЕРЫ

В статье рассматривается ряд произведений Б.Зайцева («Аграфена» и пр.), в которых раскрывается христианское мировоззрение писателя.

О.М. Bezatosnaya

THE LIGHT OF FAITH

The article concerns several works by B. Zaitsev in which author's Christian views are revealed.

Б.К.Зайцев – последний в буквальном смысле слова писатель Русского Зарубежья. Он занимал в литературных кругах особое место – был до своей смерти председателем Союза писателей и оказывал огромное влияние на художественную жизнь эмиграции. Об этом свидетельствуют отклики его современников. А.Белый называл его «святым человеком» и говорил, что «иконописный лик его вполне выражает душевную сущность». Вера Бунина записала в своем дневнике : «... он настроил свою душу на высокий тон...неуклонно идет по своему пути, который всегда подымается выше повседневности».

Б.К.Зайцевым написаны многие произведения о русских святых и о русских святынях: «Преподобный Сергей Радонежский», «Алексей Божий человек», «Сердце Авраамия», «Афон», «Валаам», очерк о Патриархе Тихоне, о Сергиевом Подворье и о Парижском богословском

© Безатосная О.М., 2009

институте. Но и в тех произведениях, которые повествуют о жизни и смерти «простых» людей, он писал о христианском мироощущении, о перерождении души русского человека, о страданиях, о раскаянии, об обретении веры:

"Голодные и рваные ходили мы к обедне каждый день, потом к вечерне, и к всенощной в субботу - мы старались проводить побольше времени в церквах. Там иной мир! Плакали неудержимей и молились среди таких же, как и мы, измученных и обездоленных... Здесь мы дышали, тут был воздух, свет."

На страницах рассказов Б.К.Зайцева возникает тема света как божественного озарения. В православной традиции озарение передает изначальную предрасположенность души к восприятию спасительной веры, идея Христа как божественного света определяет собой традицию православия.

Обратимся к тексту Библии. Свет был отделен Богом от тьмы в первый же

день: «И сказал Бог: «Да будет свет». И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы». Между божественным светом и светом солнца, луны и звезд проходит четкая граница: небесные светила были сотворены только в четвертый день.

В библейских текстах Бог являет Себя миру в образе света. Через свет он может быть чувственно воспринят, т.е. познан. Свет является синонимом Бога не только в иудейской и христианской религиях: Гаутама Будда – Свет Азии, Кришна-Повелитель Света, Аллах – Свет неба и земли. В Библии Бог отождествляется со светом. Через свет предстает зримое проявление божественности Христа в момент Преображения: «...и преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды Его сделались белыми, как свет».

Тема света как божественного озарения на страницах произведений Б.К.Зайцева является одной из главных: «Я забывал о прошлом и не думал о будущем. Быть может, такое состояние, со всегдашним ощущением Света, то есть Бога, и есть та райская жизнь, о которой говорит Библия».

В рассказе «Аграфена» героиня по субботам ходит в церковь, слушает, как

хор гимназистов поет «Свете Тихий».. Сердце ее тогда обнималось благоговейной ясностью». «Свете Тихий» - это умиленное песнопение, прославляющее Сына Божия, гимн первых веков христианства. Свет принимает значение озарения-«благоговейной ясности».

У Б.К.Зайцева образ Богородицы «мягко сияет в золотых ризах»; от этого света на душе становится спокойно: «Оттого ли, что поплакала, или, правда, в золотом сиянии Богородицы был мир, но она поднялась облегченная...» .

В ослепительном свете является Сергию Радонежскому Пречистая, чтобы утешить его и приободрить, сказать, что всегда будет заступницей обители.

В последнее утро своей земной жизни Аграфена обрела душевное успокоение, обратившись к Богу: «Из-за знакомых, дорогих когда-то лиц...выплыло новое, потопляющее всех единым светом Лицо, принимающее всех в сверхчеловеческое лоно».

Герои Б.К.Зайцева, пройдя через страшные испытания, теряя близких, приходят к покаянию, обретают веру, которая позволяет им выжить в жестоком мире

Библиографический список

1. Зайцев Б.К. Белый свет. – М.,1990.
2. Зайцев Б.К. Земная печаль / Предисл. Л.Иезуитовой. – Лениздат, 1990.
3. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. – М.,1999.
4. Любомудров А.М. Святая Русь Бориса Зайцева. – М.,2002.
5. Библия. – М., 1998.

References

1. Zaitsev B.K. Broad daylight. – M.,1990.
2. Zaitsev B.K. Earthly sorrow. – L., 1990.
3. Aikhenvald J. The silhouettes of Russian writers. – M., 1999.
4. Lyubomudrov A.M. B. Zaitsev's Holy Rus. – M., 2002.
5. The Bible. – M., 1998.

УДК 801.3:82

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет**К. филолог. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации**Новикова О.В.**Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48**Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering**The chair of Russian language and cross-cultural communication,**candidate of philological sciences, prof. Novikova O.V.**Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48*

О.В. Новикова

МИРЫ АЛЕКСЕЯ КОЛЬЦОВА

В статье анализируется представление А. Кольцова о мире божественном, материальном и духовном на материале произведений поэта. Представлено современное восприятие творчества А. Кольцова.

O.V. Novikova

ALEXEY KOLTSOV'S WORLDS

In the article A.Koltsov's ideas of the divine, the material and the spiritual are analyzed. The analysis is based on the poet's works. Modern comprehension of A.Koltsov's poetry is presented.

Поэзия А.В. Кольцова привлекает внимание читателей и критиков уже два столетия. Новое время открывает в творчестве поэта новые грани и оттенки.

Очень точно сказал о поэзии А.В. Кольцова Л. Озеров. По его мнению, поэзия Кольцова не создала эпохи, она не уносит читателя на высокие вершины области духа, не решает великих вопросов человечества, не касается всех ее печалей и скорбей жизни, всех великих социальных проблем. Однако мир его поэзии своеобразен, и поэт в нём царь и полный хозяин [1].

По выражению Гейне, с каждым человеком "родится и умирает целая вселенная". Какова же вселенная Кольцова, его миры, или, говоря словами самого поэта, «божий мир».

«Божий мир» Кольцова многослоен: можно говорить о духовном, ментальном и материальном мире – о царстве духа (души), царстве мысли и царстве природы (чувств). Эти «царства» проникают друг в

© Новикова О.В., 2009

друга, взаимодействуют и противоборствуют.

Духовные искания заставляют поэта задуматься над вечными вопросами. «Что есть Бог?» – спрашивает поэт и отвечает: «Отец света», «вечность», «Нет века ему, нет места ему». Бог создал мир силой своего духа, воззвал всё к жизни. Сила – это сын вечности (говоря современным языком, космическая энергия), дух силы есть жизнь. Божественный дух везде. Солнце и Месяц – это божий образ, все стихии мира дышат святым духом:

В царстве божьей воли,

В переливах жизни –

Нет бессильной смерти,

Нет бездушной жизни! («Божий мир»)

Вторая Библии, поэт говорит о том, что мир создан с помощью божественного слова:

Глубокая вечность

Огласилась словом.

То слово -"да будет!"

«Ничто» воплотилось

В тьму ночи и свет;

Могучие силы
Сомкнуло в миры,
И чудной, прекрасной

Повеяло жизнью. («Великое слово»)

Материальный мир, созданный богом, то есть природа – прекрасен! Он живой! «По *лицу* земли туман стелется» («Урожай»), «Нахмурил брови белый день» («Осень»), «Леса оделись синей тьмою» («Осень») – замечает поэт. А вот другая метафора:

Там вешний резвый ветерок
Играет, плещется с водами,
Приветно шепчется с листьями
И дарит ласками цветов.
(«Внимай, мой друг, как здесь прелестно»)

Конечно, мир не только наполнен светом, он может быть и мрачным, но в любом состоянии он прекрасен. А. Кольцов использует фольклорные образы, рисуя мир природы: «ветры буйные», «тучи тёмные», «белый свет», «солнце красное», «сырая мгла», «даль волшебная», «светлый ручей», «тенистая роща» и т.д.

В царстве природы не только божий дух, здесь есть место и духам неба, леса, русалкам («Песнь русалки»). Поэт часто обращается к духам природы за помощью:

Загорись, разгорись,
Роковой огонь,
Распаяй, растопи
Чисто золото ... («Песня»)

или:

Духи неба, дайте мне
Крылья сокола скорей! («Исступление»)

Природа у А. Кольцова выявляет трагическое, забрасывая в душу человека, обреченного по своему общественному положению на беспросветную и тяжкую долю, искры божественного огня. Этим святым, но и опасным даром она как будто желает в известной степени вознаградить его.

Но всё-таки высшее творение бога – это Человек:

Все творенья в божьем мире
Так прекрасны, хороши!
Но прекрасней человека
Ничего нет на земле!» –

говорит Кольцов в думе "Человек". Позже М. Горький повторит эту мысль в знаменитом афоризме: "Человек — это звучит гордо".

Каково же место человека в «божьем мире»? С его появлением возникает противоборство земли и неба.

Дух с землёю
Ведут брани:
Земля не хочет
Быть рабою –
И нет мочи
Скинуть бремя;
Духу ж неба
Невозможно
С этой глыбой
Породниться ... («Вопрос»)

Противоборство света и тьмы, духа и тела вечно. Дух (душа) вечен, сияет, как солнце. Жизнь праха (тела, материи) «кратка, как блеск звезды падучей», темна и грустна, хотя она и «в цветистых формах» («Две жизни»). По сравнению с вечным духом «земная жизнь – мгновенье» («При посылке стихов»).

Но самое главное – в Человеке дремлет мятежный дух. Ему кажется, что он царь в этом мире, что он всё может понять и объяснить силой своей мысли:

Умом легко нам свет обнять;
В нём мыслью вольной мы летаем:
Что не дано нам понимать –
Мы всё как будто понимаем.
И резко судим обо всём,
С веков покрова не снимая;
Дошло – что людям нипочём
Сказать: вот тайна мировая.
(«Две жизни»)

«Но всё ж успех наш невелик», – признаётся поэт. Человеку не дано разгадать тайны мира и предвидеть будущее. Он не может перестроить этот мир, как бы ни старался («Человеческая мудрость»). Горько признаваться, но человек – «раб пространства, лет и времени невольник». И вся премудрость человека – от бога. Напрасно он будет пытаться проникнуть в тайны мироздания.

Мир есть тайна бога,
Бог есть тайна жизни. («Поэт»).

«Слабый ум» у человека, заключает поэт, неспособный познать сущность мира:

Ум наш не шагает
Мира за границу;
Наобум мешает
С былью небылицу. («Последняя борьба»)

Только душой можно познать и почувствовать высший мир. Красиво сказал поэт: «Целая природа в душе человека»

(«Поэт»)! И только тот человек счастлив, «Кого природа одарила Душой, и чувством, и умом» («Суму, кусок последний хлеба ...»).

Кольцов не просто описывает природу, он живет ею, сливается с ней. У него природа творящая, единая, человек – ее часть, в нём природа осознает себя. Это уровень чувства.

Уровень мысли меняет человека. Люди начинают уродовать эту прекрасную землю!

Волнение страстей, волнение ума,

Волнение чувств в народе –

Всё той же проявление мысли», – пишет поэт в «Думе 12-ой». Эти мысли-идеи пагубно влияют на природу.

Что же совершится

В будущем с природой? ...,-

риторический вопрос с многоточием как будто прозрение: гибель природы от рук человека? Поэт уходит от горьких раздумий в молитву:

О, гори, лампада,

Ярче пред распятьем!

Тяжелы мне думы,

Сладостна молитва! («Жизнь»)

В конце концов А. Кольцов приходит к горькой мысли, что земная жизнь – это «Зло и суета»:

Я страну земную

С упрёком тайным разлюбил;

Душой постигнул жизнь другую,

В ту жизнь мечты переселил

И странствую без дальних нужд,

Земли жилец, земнова чужд.

(Разуверение)

Земля – это «страна изгнанья», где нет «любви и братства», где отношения между людьми жестоки:

А люди - те же звери:

И холодны, и злы;

Мишурное величье -

Молебный их кумир,

А золото и низость -

Защитник их и бог. («Плач»)

Покой и надежду можно найти в вере. Как бы ни тяжела была жизнь, какие бы страдания ни были уготованы человеку в земной жизни, – главное верить небесам:

Не верь истления кумиру,

Не верь себе, не верь людям,

Не верь пророчащему миру,

Но веруй, веруй небесам!

(«К другу»)

Поэт использует стилистическую фигуру – период – для усиления эмоционального напряжения. Получается крик души, как будто не только друга, но и себя пытается убедить в этой мысли.

В своих стихах А. Кольцов часто повторяет, что жизнь – это страдание («К другу», «Прямое счастье» и др.), и только вера может спасти душу человека. И ещё любовь. Она спасение в земной жизни. Без любви нет жизни. Любовь – это огонь, который согревает душу. («Пора любви», «Песня»). Именно из-за любви, из-за боязни потерять её поэт не хочет расставаться с земной жизнью (песня «В непогоду ветер ...»). Его страшит загробный мир без любви, с холодным сердцем. Ведь жизнь, по вероучению, есть любовь, ведь Бог есть любовь. Но что же жизнь духа, без сердца, без любви? Эта печаль духа о неведомом грядущем, о «темной могиле», о том, чем заменится «глубокое чувство остывшего сердца» прекрасно выражена в молитве «Спаситель, Спаситель, чиста моя вера!».

Что же выбирает поэт, вечную жизнь духа или земную, чувственную жизнь? В одном из последних стихотворений он пишет:

Не время ль нам оставить

Про небеса мечтать,

Земную жизнь бесславить,

Что есть иль нет – желать?

Стихотворение заканчивается словами, которые можно считать признанием в любви к жизни:

И сердца жизнь живая,

И чувств огонь святой;

И дева молодая

Блится красотой!

Библиографический список

1. Лев Озеров. Ветер с полудня. // А. В. Кольцов. Стихотворения. – Москва, 1979.

References

1. Ozerov L. Midday wind. // Koltsov A.V. Poems. – M., 1979.

УДК 82.3/801

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
К. филолог. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Лапынина Н.Н.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication,
candidate of philological sciences, prof.
Lapunina N.N.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48*

Н.Н. Лапынина

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ДУХОВНЫЙ ОПЫТ Н.В.ГОГОЛЯ И НАША СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье осмысливается актуальность творчества Гоголя в наши дни по вопросам отношения писателя к национальной идее, вере, государству, писательскому долгу, просвещению и образованию, искусству и литературе, нравственной и духовной составляющей жизни человека.

N.N. Lapunina

N.V. GOGOL'S ARTISTIC AND SPIRITUAL EXPERIENCE AND OUR CONTEMPORARIES

The article is devoted to the importance of N.V. Gogol's works in such points as attitude to the national idea, religion, state, writer's duty, enlightenment and education, art and literature, moral and spiritual life.

... Ты был одним из благороднейших сынов
России, и бессмертны твои заслуги перед родиной.
Н.Г.Чернышевский

Н.В.Гоголь, двухсотлетний юбилей которого мы отмечаем в этом году, вписал своим творчеством блестящую страницу в историю отечественной и мировой культуры, его имя неотделимо от судьбы России, русского народа и русского языка. «...Мы не знаем, - писал Н.Г.Чернышевский, - как могла бы Россия обойтись без Гоголя»; «давно уже не было в мире писателя, который был бы так важен для своего народа, как Гоголь для России», «он стал во главе тех, которые отрицают злое и пошлое», он «первый представил нас нам в настоящем нашем виде... первый научил нас знать наши недостатки и гнущаться ими», «он

© Лапынина Н.Н., 2009

пробудил в нас сознание о нас самих» [7]. А В.Г.Белинский подчёркивал, что в авторе «Ревизора» и «Мёртвых душ» русская литература обрела своего «самого национального писателя».

В то же время, по мнению исследователей, Гоголь – один из самых сложных писателей мира [6], вследствие чего его гений, как считает В.А.Воропаев, «до сих пор остаётся неизвестным в желаемой полноте не только широкому кругу читателей, но и литературоведам, которые при нынешнем состоянии отечественной науки, очевидно, не всегда способны осмыслить судьбу писателя и его зрелую

прозу» [2, с. 11]. Именно к более глубокому осмыслению и сохранению наследия великого классика призвал и Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

На каждом новом этапе исторического развития возникает острая необходимость заново прочесть и переосмыслить великое наследие наших писателей-классиков. Ведь глубина классической литературы неисчерпаема, и каждая эпоха открывает в ней для себя какие-то новые грани, каждое новое поколение находит почву для размышлений о своих собственных проблемах, для ответов на свои собственные животрепещущие вопросы. Досконально изучая или хотя бы прикасаясь к художественной литературе, этой, по словам М.Е. Салтыкова-Щедрина, «сокращённой вселенной», мы оказываемся способными яснее понять наш беспокойный, раздираемый противоречиями современный мир, потому что великое прошлое невидимыми нитями связывает нас с настоящим и обязательно прорастает в будущем, поскольку прошлое нашей культуры – неиссякаемый источник и духовного, и эмоционального, и интеллектуального обогащения.

Особая роль в этом отношении принадлежит Николаю Васильевичу Гоголю. Дар гениального художника-реалиста сочетался в нём с вдохновением романтика, героическое начало с колоссальной обличительной силой, фантастические мотивы и блистательный юмор с «бесконечной иронией» и глубокой религиозностью православного христианина. Вся его жизнь была «непрерывным подвигом и восхождением к высотам духа» [1]. Многие в художественном, нравственном и духовном опыте Гоголя сегодня необыкновенно интересно, актуально и поучительно.

С настойчивым требованием любви к отечеству обращается пламенный патриот Гоголь к своим современникам и к нам, так прямо и называя одну из глав «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Нужно любить Россию».

Национальная идея, соединённая с идеей духовного очищения и восхождения, пронизывает всё творчество Гоголя, его частную переписку и, конечно, «Выбран-

ные места из переписки с друзьями», где высказаны взгляды писателя на веру, Церковь, Государство Российское и власть, на систему религиозно-нравственных ценностей. В этом своём спасительном слове Гоголь, как нам кажется, намеренно акцентирует национальную идею названием глав: «Чтения русских поэтов перед публикою», «Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве», «О лиризме наших поэтов», «Нужно любить Россию», «Нужно проезжаться по России», «Русской помещик», «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России», «Страхи и ужасы России», «В чём же наконец существо русской поэзии и в чём её особенность». В 9 главах книги национальная идея вынесена в заглавие. Однако и в тех главах, где имя её отсутствует в названии, речь идёт о России, а в предисловии Гоголь просит соотечественников прочесть его книгу «несколько раз» и «всех в России» помолиться о нём. В.А.Воропаев делает вывод о том, что «главным содержанием «Выбранных мест...» является Россия и её духовная будущность» [2, с. 48].

Гоголь был писателем, который сумел как нельзя лучше понять и запечатлеть, как он пишет в «Авторской исповеди», «истинно русские коренные свойства наши», с позиций безгранично любящего сына открыть всему миру и «высшие свойства русской природы, которые ещё не всеми ценятся справедливо, и... те низкие, которые ещё недостаточно осмеяны и поражены», прославить «русского человека, со всем разнообразием богатств и даров, доставшихся на его долю преимущественно перед другими народами» [3, с. 440].

У Гоголя-патриота нам настоятельно следует учиться способности жертвовать ради родины и ради общего дела «и честолюбьем, и самолюбьем, и всеми мелочами легко раздражающегося своего эгоизма», жить в соответствии с «непременным» нравственным законом – «служить земле своей, а не себе, помня ежеминутно, что взял... место для счастья других, а не для своего» [3, с. 258].

Гоголь-гражданин ещё в юности мечтал «ни одной минуты короткой жизни

своей не терять, не сделав блага», готовил себя «для благородных подвигов», в начальные годы своей возмужалости пламенел «неугасимую ревностью сделать свою жизнь нужною для блага государства, стремился принести хотя малейшую пользу», чувствовал, что ему «предстоит какое-то большое самопожертвование» ради отчизны. Зрелый же Гоголь приходит к убеждению, что писатель, одарённый «творческою силою создавать собственные образы», должен воспитаться «прежде, как человек и гражданин», а потом уже приниматься за перо [5, с. 321]. Это и был настоящий «гражданин земли своей», который страстно «хотел служить ей» [3, с. 440].

Гоголь, как принято сейчас говорить, последовательный государствовник. Он выступает как государственный человек, который стремится к наилучшему устройству своей страны, к определению, на его взгляд, оптимально правильной иерархии должностей в ней, чтобы каждый не искал прежде всего выгоду для себя, а выполнял свой долг на своём месте, глубоко осознавая свою ответственность перед государством.

До сих пор актуальны взгляды Гоголя на проблемы просвещения и образования. Не подвергая сомнению, что «русский гражданин должен знать дела Европы», писатель в то же время твёрдо убеждён, что во главу угла всегда необходимо ставить «наши русские элементы», «что если при этой похвальной жадности знать чужеземное, упустить из виду свои русские начала, то знания эти не принесут добра, собьют, спутают и разбросают мысли, наместо того, чтобы сосредоточить и собрать их». По мнению Гоголя, нужно прежде всего иностранного «глубоко узнать свою русскую природу», «в корне узнать старое», а уж потом, на основе этого знания «вводить что-либо новое» и решать, «что именно следует брать и заимствовать» [3, с. 434]. Как точно эти рассуждения писателя ложатся на нашу сегодняшнюю ситуацию, например, с ЕГЭ и присоединением к Болонскому процессу, когда (не специально ли?!) сбиваются с толку и обучающие и обучающиеся, когда

всё спутано, разбросано и рассредоточено, когда собрать мысли и уразуметь смысл почти невозможно, когда (прямо по Гоголю) «более заботятся о перемене названий и имен» [4, с. 325], чем о сути, когда затруднительно понять даже высоким учёным мужам, как исхитриться, чтобы и «заморских» бакалавров с магистрами подготовить, и не разрушить до основания отечественную систему высшего образования, эффективность которой всеми признана.

Гоголевская вера в высокое предназначение России основывается на неизблемости духовных устоев национального характера. Гоголь-христианин сам осознаёт и нас зовёт к пониманию того, что материальное благополучие должно быть безусловно подчинено высшим, духовно-нравственным целям и направлено к их достижению. В набросках неотправленного письма Белинскому читаем: «Да, мы должны даже друг другу напоминать о святости наших обязанностей и званья. Без этого человек погрязнет в материальных чувствах». И далее: «Надобно, чтобы каждая единица исполняла должность свою. Нужно вспомнить человеку, что он не материальная скотина, но высокий гражданин высокого небесного гражданства. Покуда он хоть сколько-нибудь не будет жить жизнью небесного гражданина, до тех пор не придёт в порядок и земное гражданство» [4, с. 321, 326]. «Сила влияния нравственного, - был убеждён Гоголь, - выше всяких сил» [3, с.453].

Гоголь, как заметил Святейший Патриарх Кирилл, открыто говорит о том, что человек становится личностью только тогда, когда он пребывает в общении с Богом. Поэтому главным источником язв русской души, по Гоголю, является роковая отделённость большей части общества от Церкви. Непременным условием духовного возрождения России Гоголь считал воцерковление всей русской жизни: «Есть примиритель всего внутри земли нашей, который покуда ещё не всеми видим, - наша Церковь. <...> В ней заключено всё, что нужно для жизни истинно русской, во всех её отношениях, начиная от государственного до простого семейственного, всему настрой, всему направление, всему

законная и верная дорога» («Просвещение»); «Владеем сокровищем, которому цены нет, и не только не заботимся о том, чтобы это почувствовать, но не знаем даже, где положили его» («Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве»).

У Гоголя можно и следует учиться стремлению вырабатывать в себе способность к внутреннему сосредоточению, спокойному, глубокому размышлению, воспитывать христианское чувство смирения, понимание которого он сформулировал в «Правиле жития в мире». Там мы читаем: «От споров, как от огня, следует остерегаться, как бы ни сильно нам противуречили, какое бы неправое мнение нам ни излагали, не следует никак раздражаться, ни доказывать напротив; но лучше замолчать и, удаляясь к себе, взвесить всё сказанное и обсудить хладнокровно... Истина, сказанная в гневе, раздражает, а не преклоняет» [2, с. 47]. Призыв к христианскому смирению слышен и в письме к В.Г. Белинскому: «Всем нам нужно побольше смирения» [5, с. 307].

Писатель помогает нам побеждать в себе «все щекотливые струны самолюбия личного», «гордости личной» и гордыни: «О, как нам нужны беспрестанные щелчки, и этот оскорбительный тон, и эти едкие, проникающие насквозь насмешки! На дне души нашей столько таится всякого мелкого, ничтожного самолюбия, щекотливого, скверного честолюбия, что нас ежеминутно следует колоть, поражать, бить всеми возможными орудиями, и мы должны благодарить ежеминутно нас поражающую руку» («Четыре письма к разным лицам по поводу «Мёртвых душ»). Гоголь убеждён: «Общество тогда поправится, когда всякий частный человек займётся собою и будет жить как христианин, служа Богу теми орудиями, какие ему даны, и стараясь иметь доброе влияние на небольшой круг людей, его окружающих» [1, с. 478].

Нравственную позицию Гоголя-художника, Гоголя-христианина отличает чувство величайшей ответственности за своё дело перед Богом (прежде всего), перед собой, перед своими читателями: «Знаю, что дам сильный ответ богу за то, что не исполнил, как следует, своего дела»

[3, с. 255]. Им всегда руководило желание принести пользу: «Я писатель, а долг писателя – не одно доставление приятного занятия уму и вкусу; строго взыщется с него, если от сочинений его не распространится какая-нибудь польза душе и не останется от него ничего в поучение людям» [3, с. 186]. Служение искусству стало для Гоголя высоким и строгим нравственным долгом, требования которого он стремился свято исполнять всю жизнь.

«Никакой силой, - подчёркивает С.И.Машинский, - нельзя было заставить Гоголя издать произведение, если он считал, что ещё не исчерпал всех возможностей сделать его более совершенным: «Могу сказать, что я никогда не жертвовал свету моим талантом. Никакое развлечение, никакая страсть не в состоянии была на минуту овладеть моею душою и отвлечь меня от моей обязанности. Для меня нет жизни вне моей жизни» [6, с. 9]. «Кто из пустых приличий света портит дело, нужное своей земле, тот её не любит», - пишет Гоголь в «Четырёх письмах к разным лицам по поводу «Мёртвых душ».

Гениальный Гоголь страшно страдал от сознания, что он не сделал всего того, что ему следовало бы сделать, что на его «поприще писателя, как оно ни скромно, можно было бы кое-что сделать на пользу более прочную». Н.А.Некрасов в одном из писем к И.С.Тургеневу высоко оценил самоотверженность «честного сына своей земли», пронизательно замечая, что он «писал не то, что могло бы более нравиться, и даже не то, что было легче для его таланта, а добивался писать то, что считал полезным для своего отечества» [8]. При этом сам Гоголь подчёркивал, что в его сердце «обитало всегда желание добра», что именно оно всегда подвигало писателя к творчеству [3, с. 258].

Гоголь со страстью гражданина и патриота вёл борьбу за национальную независимость и самобытность русской литературы. По его мнению, «истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа», в том, что поэт глядит на мир «глазами своего народа», «чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это

чувствуют и говорят они сами». Образцом творца такой литературы был для него Пушкин, в котором в «чистоте» и «очищенной красоте» отразились «русская природа, русская душа, русский язык, русский характер» [3, с. 58 - 60].

До сих пор чрезвычайно актуальными остаются суждения писателя об искусстве и его назначении, влиянии на души людей. Для Гоголя очень важным, фундаментальным в понимании назначения литературы, всего искусства было представление о том, что настоящая литература и настоящее искусство должны не смущать людей, не вносить в их жизнь беспорядок, бесконечный хаос, а водворять в душах «стройность и порядок». Искусство должно «выставить на вид» и «все доблестные *народные* наши качества и свойства», чтобы каждый загорелся желанием «развить и возлелеять» их в себе самом, и «все дурные наши народные качества и свойства», чтобы «следы их каждый из нас отыскал прежде в себе самом и подумал бы о том, как прежде с самого себя сбросить всё омрачающее благородство природы нашей. Тогда только, и таким образом действуя, искусство исполнит своё назначение и внесёт порядок и стройность в общество». «Искусство – не разрушение, - писал он в одном из писем В.А.Жуковскому, - искусство есть примирение с жизнью» [5, с. 332].

Мысли Гоголя о необходимости русского национального материала в театре сейчас легко проецируются на современный театр, кино и телевидение, заполненные иностранными штампами и моделями. «Есть что-то похожее на европейско-американскую колонию...» - напишет Гоголь в «Петербургских записках 1836 года». «Какое обезьянство!» - возмущаемся мы вместе с Гоголем по поводу того, что американские фильмы, мюзиклы и спектакли в американском стиле завладели нашим кинематографом, телевидением и театром. Гоголь вновь и вновь заставляет нас задуматься над вопросом: «Где же жизнь наша? где мы со всеми современными страстями и странностями?..» Это и сегодня Гоголь бьёт в набат: «Ради бога, дайте нам русских характеров, нас самих

дайте нам, наших плутов, наших чудачков!..». Такое ощущение, что нет у нас современного Гоголя, который бы так настоятельно и горячо требовал не забывать, что театр (а сегодня ещё и кино, и телевидение) – это «такая кафедра, с которой читается разом целой толпе живой урок, где... показывается знакомый мир, прячущийся порок и, при тайном голосе всеобщего участия, выставляется знакомое, робко скрывающееся возвышенное чувство...» [3, с. 99 - 106].

Обратим внимание на ещё одно обстоятельство. Для великого классика вообще важен был не столько государственный строй, сколько строй человеческой души. Гоголь на страницах своих книг, в своих письмах открывает нам свою душу, постоянно напоминая, что все герои его «из души», все последние сочинения его – это история его «собственной души» [3, с.259]. «Дело моё, - пишет он, - есть то, о котором должен подумать всяк человек, не только один я. Дело моё *душа* и *прочное дело жизни*» [3, с. 266]. В «Выбранных местах...» он «не легко» решается «на подвиг» «выставить часть той внутренней своей клетки, настоящий смысл которой не скоро почувствуется». «В книге моей дело души», - пишет он в 1847 году В.Г.Белинскому [5, с. 308]. «В ней есть моя собственная исповедь; в ней есть излиянье и души и сердца моего», - настаивает он в «Авторской исповеди» [3, с. 435]. Всё это требовало от писателя и вдохновения, и мужества, и отваги. Известный православный публицист М.О.Меньшиков, относя Гоголя вместе с Пушкиным, Лермонтовым, Грибоедовым, Тургеневым, Достоевским к «богатырям русского духа и представителям богатырской полосы нашей истории», подчёркивал, что «в области духовного творчества нужен тот же героизм, что и на поле брани» [2, с. 509 - 510].

Спасибо Гоголю за то, что он и сегодня, в наш «век надобности», когда зачастую «всякий думает только о себе и о том, как бы себе запасти потеплей квартирку» [4, с. 322], бьёт по нашим порокам, вперяет в нас «испытующий взгляд свой», побуждает заглядывать в самих себя, докапы-

ваться «до первоначальных причин», «до оснований, до корней, до сердцевины», заставляет не уничтожать, а лелеять в себе способность к высоким думам, благородным поступкам, душевным порывам и глубоким чувствам. К «душевному совершенствованию», большей «сосредоточенности в себе», к поискам «не вне, а внутри себя», к внутреннему воспитанию призывает нас писатель [5, с. 286-287]. Гоголь требует от себя и предлагает другим «оглянуться строго на самого себя» [3, с. 185], «усредоточиться в себе», а «не разбрасываться» [5, с. 314], потому что душа требует «уединения и обдуманья строжайшего своего де-

ла» [5, с. 320]. И в сегодняшние непростые времена, времена рыночных отношений и кризиса, прежде всего духовного, когда размываются нравственные понятия, а вера и человек сталкиваются с множеством вызовов, Гоголь и его книги нам подлинная поддержка и опора.

Это к нам из своего уже двухсотлетнего далека обращается Николай Васильевич Гоголь с призывом-напоминанием: «Друг мой! Мы призваны в мир не за тем, чтобы истреблять и разрушать, но, подобно самому Богу, всё направлять к добру, - даже и то, что уже испортил человек и обратил во зло».

Библиографический список

1. Воропаев В.А. Николай Гоголь. – Литературная учёба, 2002. - №1. – С. 118.
2. Гоголь Н.В. Нужно любить Россию. О вере и Государстве Российском / Н.В.Гоголь; сост., коммент. и вступ. стат. В.А.Воропаева. – СПб.: Русская симфония, 2007. – 560 с.
3. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 8 т. – Т. 7. – М.: Изд-во «Правда», 1984.
4. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 8 т. – Т. 8. – М.: Изд-во «Правда», 1984.
5. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 4 т. – Т. 4. – М.: Изд-во «Правда», 1968.
6. Машинский С.И. Художественный мир Гоголя. – М.: Просвещение, 1971. – 512 с.
7. Н.В.Гоголь в русской критике и воспоминаниях современников. – М.-Л.: Изд-во детской литературы, 1951. – С. 178 - 220.
8. Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем. – Т.10. – М.: Гослитиздат, 1952. – С. 232.

References

1. Voropaev V.A. Nickolay Gogol. – Literary studies. – 2002. – Vol. 1. – P. 118.
2. Gogol N.V. We must love Russia. About religion and Russian state. – St. Petersburg, 2007. – 560 p.
3. Gogol N.V. Collected works in 8 vol. – Vol. 7. – M., 1984.
4. Gogol N.V. Collected works in 8 vol. – Vol. 8. – M., 1984.
5. Gogol N.V. Collected works in 4 vol. – Vol. 4. – M., 1968.
6. Mashinsky S.I. Gogol's artistic world. – M., 1971. – 512 p.
7. N.V. Gogol in Russian critical works and his contemporaries' memories. – M. – L., 1951. – P. 178 - 220.
8. Nekrasov N.A. Collected works and letters. – Vol. 10. – M., 1952. – P. 232.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

УДК 801.3=82(045/046)

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Сычева Л.В.
Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
Ehe chair of Russian language and cross-cultural communication, senior lecturer
Sychyova L.V.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48*

Л.В. Сычёва

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В ТЕКСТАХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.Ф. КОНИ)

В статье рассматриваются и анализируются принципы отбора и функционального использования иноязычных вкраплений в русских оригинальных публицистических текстах А.Ф. Кони.

L.V. Sychyova

FOREIGN ELEMENTS IN PUBLICISTIC TEXTS (ON EXAMPLE OF A.F. KONI'S WORKS)

In the article the principles of choice and usage of foreign elements in Russian original works by A.F. Koni are analysed.

Иноязычные вкрапления представляют собой слова, словосочетания, фразы, отрывки текста на иностранном языке, включенные в русскую речь без изменений или с теми или иными изменениями. Это разнообразные явления русской речи, связанные между собой целым рядом лингвистических и экстралингвистических признаков [1].

Функционирование иноязычных вкраплений в текстах публицистического стиля конца XIX - начала XX века представляет особый интерес, обусловленный тем, что произведения этого стиля принадлежат к таким явлениям русской критической мысли, которые будучи органически связаны с классической традицией XIX века, уже свидетельствовали о наступлении нового этапа в истории русской публицистики.

В качестве материала исследования использовались публичные речи, статьи, очерки и воспоминания А.Ф. Кони, которые отражают не только культуру народа, но и культуру своего времени.

А.Ф. Кони является ярким публицистом, первоклассным оратором, непревзойденным художником слова, умелым аналитиком, полемистом, психологом, знатоком человеческих душ. Его выступления служат для судебных деятелей наших дней образцом эффективного речевого поведения и творчества. А.Ф. Кони был воспитан в культурных традициях русских интеллигентных семей середины XIX века. Свободное владение иностранными языками считалось в семье будущего учёного-правоведа делом естественным и само собою разумеющимся. Он получил классическое образование в Анненшule – немецкой школе, из которой вынес блистательное знание новых и древних языков, любовь к литературе – не только родной русской, но

и других народов, в частности немецкого. Своё образование А.Ф. Кони продолжил в Петербургском университете, углубив познания в латыни.

Знание нескольких языков (полилингвизм) – характернейшая черта большинства писателей и публицистов того времени. Таким образом, верно то, что причиной полилингвизма являются «социальные факторы, разные в различные исторические периоды, а его целью – обслуживание разных видов общения или отдельных социальных слоёв этнического коллектива, или всего коллектива в целом» [2].

Результатом языкового контактирования выступает появление в речи (устной или письменной) иноязычных вкраплений (ИВ). Языковой контакт определяется в лингвистической литературе как «попеременное использование двух и более языков одними и теми же лицами» [3].

Одним из признаков ИВ считается их неассимилированность, неосвоенность, употребление часто в графике языка-источника, но этим признаком обладает лишь часть ИВ. Другая их часть удовлетворяет признаку окказиональности (невоспроизводимости в литературной речи), но есть и узуальные ИВ, регулярно используемые в тот или иной период развития русской литературной речи в определённых речевых стилях и составляющие международный фразеологический фонд (МФФ).

Стилистическое использование ИВ определяется содержанием сообщения, в которое они включены. "Национально-культурное своеобразие содержания сообщения имеют прежде всего тексты (оригинальные и переводные), изображающие переменную и стандартные речевые ситуации, требующие от контактирующих использования иностранного языка или ИВ" [1].

Целью нашего исследования является выявление общих норм употребления, отбора и функционального использования иноязычных вкраплений в текстах публицистического стиля А.Ф. Кони.

В исследованном материале особую группу составляют вкрапления из старославянского языка (славянизмы) (в обвинительных речах 662 словоупотребления). Мера и степень употребления славянизмов

напрямую связана с тематикой и содержанием речи, её жанровым своеобразием. Среди функций славянизмов в речах оратора следует отметить: усиление официальности речи (славянизмы - юридические термины и славянизмы – канцеляризмы); создание эмоциональности и выразительности речи; повышение словесного воздействия на религиозного адресата. Естественно также использование церковнославянизмов при рассмотрении вопросов веры [4]. В речи А.Ф. Кони нередки иноязычные вкрапления из западноевропейских языков, что свидетельствует, с одной стороны, о высокой образованности, эрудированности и культуре оратора, а с другой, является отражением характерного для русского литературного языка XIX века процесса интенсивного вхождения и усвоения лексических заимствований. Основной пласт заимствований в лексиконе А.Ф. Кони составляют латинизмы, что напрямую связано с интенсивностью употребления в судебной речи юридических терминов. Частотность употребления латинизмов возрастает от обвинительных речей к руководящим напутствиям присяжным и кассационным заключениям, соответственно с ростом частотности употребления судебной терминологии. Примерно одинаковый процент включения вкраплений из французского языка в обвинительные речи, руководящие напутствия присяжным и кассационные заключения свидетельствует об особенностях лексикона известного юриста независимо от жанровой принадлежности текста. Наличие иноязычных вкраплений из греческого языка в лексиконе А.Ф. Кони говорит о степени его образованности. Основную массу грецизмов составляют термины науки, искусства и литературы. Значительно также число медицинских терминов, что свидетельствует о профессионализме судебного деятеля, хорошем знании судебной медицины и психиатрии. Присутствуют в его речах вкрапления и из других языков (немецкого, английского, итальянского, польского). Их употребление полностью соответствует процессам, происходящим в русском литературном языке второй половины XIX века (частотность вкраплений из французского, английского и немецкого языков, и незначительность,

эпизодичность вкраплений из других языков – итальянского, восточных и др.).

При анализе материала использована классификация иноязычных вкраплений с точки зрения соотношения их с системами контактирующих языков. Анализ показал, что полные иноязычные вкрапления, представляющие собой вставленный без всяких изменений отрезок текста на иностранном языке, используются в работах А.Ф. Кони наиболее часто. В основном это цитаты из произведений различных писателей. Более разнообразно представлены частичные иноязычные вкрапления.

1. Автор использует иностранные слова, сохранившие в принявшем их тексте свою семантику, особенности звучания и исконную графику («...что французские критики называют *credibilite* »).

2. Частичные иноязычные вкрапления, представляющие собой иностранные слова, приобретшие частично морфологический облик, свойственный русским словам, т.е. входящие в словоизменительную парадигму или в систему согласования («...Как я вам благодарен за редкий портрет *Piter'a*»).

3. Иноязычные слова, включенные в русский текст в русской графике («Же дор, Тю дор, Иль дор»).

4. В текстах А.Ф. Кони можно встретить и контаминированные иноязычные вкрапления (так называемые явления «ломаной речи»), представляющие собой русское слово или предложение, употребленное по законам другого языка («*Magazin mod e rob Moscu*»).

Немало в исследованном материале и нулевых вкраплений, т.е. переведенных на

русский язык вставок на иностранном языке, что было не так широко распространено в литературной речи XIX века.

Меньшую часть в исследованном материале представляют вкрапления, ассоциативно связанные или совсем не связанные с национально-культурным своеобразием содержания сообщения. Это, как правило, слова и выражения из европейских языков, вошедшие в Международный фразеологический фонд (МФФ). Их использование в текстах без перевода сложилось как традиция литературной речи в XIX веке. А.Ф. Кони продолжает эту традицию. В большинстве случаев автор использует графику языка-источника. Например: из латыни: *Tempora mutantur*; из французского: *tout prendre – tout pardonner*.

Являясь стилистическим средством речевого выражения, такие фразы, даже с предельно кратким контекстом, обладают яркой экспрессивно-эмоциональной насыщенностью, что обеспечивает их живучесть в языке.

Высокой степенью идиоматичности обладают пословицы и поговорки, являющиеся узуальными, многие из которых совершенно не поддаются переводу и используются в оригинале. Например, *De mortuis nil nisi bonum*.

Таким образом, А.Ф. Кони во многом продолжает традиции отбора, использования и ввода иноязычных вкраплений в тексты, сложившиеся в XIX веке в русской литературной речи. Эти выражения не утратили своей «престижной» функции, т.е. они продолжают использоваться для украшения речи образованных людей.

Библиографический список

1. Листрова-Правда Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. – Воронеж, 1986. – С. 23-144.
2. Проблемы двуязычия и многоязычия./ Ред. колл. Азимов П.А. (отв. ред.), Дешериев Ю.Д., Филин Ф.П. и др. – М.: Наука 1972.- С. 14.
3. Хаугэн Э. Языковой контакт. // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1972. – Вып. 6. – С. 61-81.
4. Язык и стиль обвинительных речей А.Ф. Кони: Монография / З.В. Баишева. - Уфа: БГУ, 2006. – 207с.

References

1. Listrova-Pravda J.T. Choice and usage of foreign elements in Russian literary speech of the 19th century. – Voronezh, 1986. – P. 23 – 44.
2. The problems of bilingualism and multilingualism. – M., 1972. – P. 14.
3. Howgen E. Language contact // New in linguistics. – M., 1972. – Vol. 6. – P. 61 – 81.
4. Z. V. Baisheva. Language and style of A.F. Koni's prosecutive speeches. – Ufa, 2006. – 207 p.

УДК 801.3/82

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Аспирант Фан Винь Тхинь

Воронежский государственный университет

Аспирант Чан Тхи Хоанг Куен

Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

postgraduate student Fam Vin Tkhin

Voronezh State University

postgraduate student Chan Tkhi Khoang

Kwen

Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48

Фан Винь Тхинь, Чан Тхи Хоанг Куен

Н.В. ГОГОЛЬ В МИРОВОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ВЬЕТНАМА)

В статье рассматривается роль Н.В.Гоголя в мировой культуре, проблема соотношения национального и общечеловеческого, место писателя и его творчества в культурном пространстве Вьетнама, рассказывается о мероприятиях, связанных с празднованием 200-летнего юбилея Гоголя.

Fam Vin Tkhin, Chan Tkhi Khoang Kwen

N.V. GOGOL IN THE WORLD CULTURAL SPACE (ON THE EXAMPLE OF VIETNAM)

The article concerns N.V. Gogol's role in the world culture, the correlation of the national with the human, the place of N.V. Gogol's works in the cultural space of Vietnam and the celebration of the writers's 200th anniversary.

200-летний юбилей Н.В.Гоголя широко празднуется не только в России, но и во всём мире. ЮНЕСКО объявила 2009 год годом Гоголя, поскольку «бессмертный Гоголь» (Т.Г.Шевченко) вписал своим творчеством блестящую страницу не только в историю русской, но и мировой культуры.

Безусловно, имя Николая Васильевича Гоголя неотделимо от судьбы России, русского народа и русского языка. Гоголь-писатель, Гоголь-философ, Гоголь-

христианин, Гоголь - знаток русской жизни и русского слова помог России «осознать своё величие, свою богатырскую стойкость, просторы своего завтра, всю красоту разящей русской речи» [2].

Однако, по мнению исследователей, Гоголь – «самый загадочный русский писатель» (Ласло Тикош), один из самых сложных писателей мира [4].

Цель нашей небольшой работы – проследить, как складывалось понимание значимости творчества Н.В.Гоголя для мировой культуры и какое место занимает он

в современном культурном пространстве Вьетнама.

При жизни Гоголя многие критики рассматривали его творчество как чисто русское национальное явление, едва ли способное вызвать интерес со стороны западного читателя. О читателях других континентов вообще речи не было. Даже такой знаток творчества Гоголя, как В.Г. Белинский, одно время (1842 г.) полагал, что «Мёртвые души», например, - произведение «только для России», что лишь в ней оно имеет значение. В статье «О поэме «Мёртвые души» он пишет: «...Гоголь великий русский поэт, не более; «Мёртвые души» его – тоже только для России и в России могут иметь бесконечно великое значение» [3, с. 93]. Критик считал, что русская крепостническая действительность в силу своей отсталости не даёт писателю материала для произведения мирового значения и потому творчество Гоголя не может представлять интереса за пределами России, а из его сочинений «едва ли что-нибудь» поддаётся переводу на иностранные языки. «Мертвые души» стоят «Илиады», но только для России: для всех же других стран их значение мертво и непонятно» (там же).

Однако прошло не столь уж много времени, и Белинский уже по-иному отвечает на вопрос о соотношении в искусстве «национального» и «общечеловеческого». Он приходит к убеждению, что именно полное и глубокое развитие национальных мотивов в творчестве писателя определяет его мировое значение. В 1845 году в заметке о переводе сочинений Гоголя на французский язык Белинский писал, что «Гоголь не может не иметь для иностранцев полного интереса национальной оригинальности уже по самому содержанию своих произведений» [1, с. 370].

Спустя год Белинский снова возвращается к этому вопросу. Он называет Гоголя «самым национальным из русских поэтов» и полагает, что «ему нельзя бояться перевода» [1, с. 439]. За рубежом, по его мнению, живут «те же Чичиковы, только в другом платье: во Франции и Англии. Они не скупают мёртвых душ, а подкупают живые души на свободных парламентских

выборах... Парламентский мерзавец образованнее какого-нибудь мерзавца нижнего земского суда; но в сущности оба они не лучше друг друга» (там же).

На мировое значение созданных Гоголем образов указывал и Н.Г.Чернышевский, который писал, что «...во Франции, как и всюду, есть свои Маниловы и Чичиковы... Германия преизобилует Маниловыми... в Англии... Чичиковы... заняты биржевыми и фабричными проделками» [5].

Герои Гоголя перешагнули то время, когда они были созданы. И в наши дни на евразийском пространстве и на других континентах по-прежнему процветают прожжённые аферисты и дельцы, ловкие пройдохи и обманщики, не знающие ни чести, ни совести, для которых не существует понятий родины, народа, любви к ним, но которые одержимы страстью к наживе и своему бессовестному бизнесу. Это они, «не очень чистые» приобретатели, новые «хозяева», прошлое которых часто «темно», но не всегда «скромно», живут под старым девизом отца Чичикова: «Всё сделаешь и всё прошибёшь на свете копеечкой». Это они лихо приватизируют создававшиеся многими поколениями граждан народные богатства, захватывают недра, они строят финансовые пирамиды, они оставляют немощных стариков, инвалидов и заблудших людей без квартир и средств к существованию. До сих пор живут и прекраснодушные болтуны маниловы, и вдохновенные хвастуны хлестаковы, желающие представить себя в глазах других «хоть вершком повыше», и беспардонные вральники и дебоширы Ноздревы, и ангажированные журналисты, что «совести не знали, правды от роду не говорили». Находятся и хищные собакевичи, и держиморды мирового масштаба силой навязывающие свои собственные интересы и свои «демократические режимы» странам и Европы, и Азии. «О, Гоголь, наш бессмертный Гоголь!» - вновь восклицаем мы вместе с Т.Г.Шевченко.

Возвращаясь к вопросу освоения Гоголем культурного пространства Западной Европы, отметим, что в 40-х годах XIX века Луи Виардо при содействии Ивана

Сергеевича Тургенева впервые перевёл на французский язык сборник повестей Н.В.Гоголя. С этого времени Гоголь стал быстро завоёвывать Западную Европу. В начале XX века он – уже один из самых популярных там русских писателей. В 1909 году на торжествах, посвящённых 100-летию со дня рождения Н.В.Гоголя, в Москве, профессор Лилльского университета А.Лиондель произнёс, как свидетельствует хроника, «на прекрасном русском языке» речь, в которой были такие слова: «Гоголь – талант мировой. Франция давно усыновила его: я говорю не только о наших романистах, на которых он оказал своё влияние, не о знаменитых критиках, оценивавших его, - Гоголя знают все, его читает французский народ» [4, с. 496]. К 70-ым годам XX века интерес к Гоголю на Западе ещё более возрос. Его произведения широко издаются, «Ревизор» не сходит со сцен европейских театров, публикуется значительное количество книг и статей о творчестве писателя. По степени своей популярности и числу читателей на Западе Гоголь среди русских писателей уступает первенство лишь Ф.М.Достоевскому и Л.Н.Толстому.

Вьетнамские же читатели впервые познакомились с творчеством Н.В. Гоголя в конце 60-х годов XX века, после обретения Вьетнамом независимости и установления тесных связей с Советским Союзом. В 1959 году был сделан первый перевод эпической поэмы «Тарас Бульба» Суаном Тыу, детским вьетнамским писателем, в издательстве «Культура» в г. Ханое. Через четыре года, в 1963-ем году, Ву Дык Фук перевёл комедию «Ревизор».

В силу достаточно обширного объёма, большой смысловой значимости, особой фактологической насыщенности самого главного произведения Гоголя - поэмы «Мёртвые души» - она была переведена на вьетнамский язык несколько позже. Перевод двух томов этой книги был выполнен Хоангом Тхиеу Шоном в 1965 году (издательство «Литература», г. Ханой). В 1993 г. осуществлено переиздание двух томов «Мёртвых душ». Следует заметить, что Хоанг Тхиеу Шон не лингвист и не про-

фессиональный переводчик, он народный учитель, педагог-географ и коммунист.

К настоящему времени на вьетнамский язык ещё не переведены все произведения Н.В.Гоголя, даже можно сказать, что переведена незначительная часть его наследия. Кроме названных нами книг, переведены повести «Нос», «Сорочинская ярмарка», «Майская ночь», «Потерянное письмо», «Иван Федорович Шпонька и его тётушка» и некоторые другие.

Переводчики Гоголя и литературные критики отмечают, что тексты его произведений трудны как для понимания, так и для перевода в силу специфики и русской действительности, и русского менталитета в сравнении с вьетнамским. Личные же впечатления от чтения произведений Гоголя на русском языке, отражая собственный небольшой опыт аспирантов-нефилологов, свидетельствуют о том, что гоголевские «Мёртвые души» читаются гораздо труднее, чем, например, произведения Л.Н.Толстого.

В Интернет-ресурсах можно легко обнаружить информацию о жизни и творчестве Н.В.Гоголя на страницах свободной энциклопедии «Википедия» на многих языках, включая и вьетнамский. Что касается текстов самих произведений, то на вьетнамском языке в Интернете можно найти только «Мёртвые душ» в переводе Хоанга Тхиеу Шона, да и то в неполном виде.

Если говорить о системе образования Вьетнама, то общая масса школьников не знакома с творчеством Гоголя, который может изучаться в специальных филологических классах. Он изучается в Ханойском государственном университете, в Ханойском университете гуманитарных наук (творчество Н.В.Гоголя анализируется, в частности, в пособии «Русская литература XIX века»), на отделениях русского языка в университете иностранных языков, педагогических университетах.

Юбилей Н.В.Гоголя отметит и вьетнамская общественность. Союз писателей Вьетнама объявил 2009 год годом Гоголя.

1 апреля в Российском центре науки и культуры в Ханое была открыта фотовыставка «Образы персонажей «Мёртвых

душ», посвящённая 200-летию со дня рождения писателя. На ней были представлены созданные художником Петром Бокалевским портреты действующих лиц поэмы, которые до сих пор используют в работе театральные гримёры.

Выставка стала первым мероприятием Недели, посвящённой юбилею Н.В.Гоголя. Программа Недели включила «Гоголевские чтения», демонстрацию фильмов по произведениям русского классика, выставку книг на вьетнамском и русском языках, торжественный вечер с участием вьетнамского Центра культуры и языков «Восток – Запад».

9 апреля 2009 года Российский центр науки и культуры в городе Ханое и союз писателей Вьетнама провёл конференцию на тему «Гоголь во Вьетнаме». Во время работы конференции была организована выставка произведений Гоголя и его портретов. С докладами о жизни и творчестве Гоголя выступили специалисты в области перевода русской литературы — Тху Тоан, Доан Ты Хуен и Фам Винь Ко.

Гоголевскому юбилею посвящены публикации известных периодических изданий. Например, много интересных мате-

риалов можно найти в популярной вьетнамской газете «Народ».

Все эти мероприятия – дань уважения памяти и творчеству великого русского писателя со стороны вьетнамских ценителей русской литературы.

Кроме того, юбилей Н.В.Гоголя – это и повод обсудить многие другие проблемы взаимосвязей русской и вьетнамской культур и литератур. В течение всего 2009 года планируются «круглые столы», семинары, встречи писателей с читателями, которые интересуются русской литературой.

Гоголь приглашает и русских, и иностранных читателей к совместному осмыслению сложных вопросов жизни, он побуждает наших современников задуматься о том, что «устроить дороги, мосты и всякие сообщения... есть дело истинно нужное; но угладить многие внутренние дороги, которые до сих пор задерживают... человека в стремлении к полному развитию сил его и которые мешают ему пользоваться как дорогами, так и всякими другими внешностями образования, о которых мы так усердно хлопочем, есть дело ещё нужнейшее».

Библиографический список

1. Белинский В.Г. Собр. соч. в 9 т. – Т. 5. – М.: Худ. литература, 1979. – 631 с.
2. Леонов Л.М. Памяти Гоголя // Собр. соч. в 10 т. – Т. 10. - М., 1984. - С. 342.
3. Н.В.Гоголь в русской критике и воспоминаниях современников. – М.-Л.: Изд-во детской литературы, 1951. - 367 с.
4. Машинский С.И. Художественный мир Гоголя. – М.: Просвещение, 1971. – 512 с. - С. 495.
5. Чернышевский Н. Г. Собр. соч. в 5 т. - Т. 3. М.: Правда, 1974. – 511 с.
Интернет-ресурсы:
6. http://en.wikipedia.org/wiki/Xuan_Tuu
7. Информация о Гоголе на вьетнамском языке в свободной энциклопедии: http://vi.wikipedia.org/wiki/Nikolai_Vasilevich_Gogol
8. Российский центр науки и культуры в городе Ханое: <http://www.rcnk-vietnam.org>
9. Союз писателей Вьетнама: <http://hoinhavanvietnam.vn/>
10. Год Гоголя в событиях на сайте союз писателей: <http://nhavan.vn/article/NVsukien/726/>

References

1. Belinsky V.G. Collected works in 9 vol. – Vol.5. – М., 1979. – 631 p.
2. Leonov L.M. In memory of Gogol // Collected works in 10 vol. – Vol. 10. – М., 1984. – P. 342.

3. N.V. Gogol in Russian critical works and his contemporaries' memories. – M. – L., 1951. – 367 p.
4. Mashinsky S.I. Gogol's artistic world. – M., 1971. – 512 p.
5. Chernyshevsky N.G. Collected works in 5 vol. – Vol. 3. – M., 1974. – 511 p.
6. Internet-page http://en.wikipedia.org/wiki/Xuan_Tuu
7. Information about Gogol in Vietnamese:
http://vi.wikipedia.org/wiki/Nikolai_Vasilevich_Gogol
8. Russian centre of science and culture in Hanoi: <http://www.rcnk-vietnam.org>
9. The union of Vietnamese writers: <http://hoinhavanvietnam.vn/>
10. The events of Gogol's year: <http://nhavan.vn/article/NVsukien/726/>

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPTS STUDIES

УДК 802/809:378.6.022

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Д-р филол. наук, проф. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Ковалева Л.В.*

Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732) 71-50-48

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

The chair of Russian language and cross-cultural communication, d-r of philological sciences, full professor Kovaleva L.V.

Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48

Л.В. Ковалева

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВЫРАЖЕННЫЕ ЛЕКСЕМАМИ, ОБОЗНАЧАЮЩИМИ ПОСТРОЙКИ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена сопоставительному анализу фразеосочетаний, включающих в свой состав лексемы, обозначающие постройки в русском и немецком языках. Автор приходит к выводу, что различие фразеологизмов базируется на разных ассоциативных признаках, что объясняется разным уровнем развития культуры народов.

L.V. Kovaleva

RUSSIAN AND GERMAN IDIOMS WITH LEXEMES MEANING DIFFERENT KINDS OF BUILDINGS

The article is devoted to the comparative analysis of Russian and German idioms which include lexemes meaning different kinds of buildings. The author concludes that the differences in idioms is based on different associative features, which is explained by cultural levels of the nations.

Сопоставление фразеологических единиц разных языков - сложный процесс, осуществлять который необходимо комплексно, исследуя различные компоненты, входящие в состав ФС (наглядно-чувственный образ, эмоциональный, культурный, коннотативный). В ходе сопоставительного анализа вскрываются как сходства, так и глубокие различия процессов фразеологизации в анализируемых языках. Такой вид анализа позволяет выявить специфику фразеологических единиц разных языков, а также универсальные пути концептуализации на основе фразеологической образности.

Так, например, при одинаковых базовых лексемах, входящих в наглядно-чувственный образ и имеющих одинаковое значение на денотативном уровне, могут наблюдаться существенные различия на коннотативном уровне фразеологической единицы.

Возьмем для анализа примеры из тематической группы постройки в русском языке.

Рассмотрим русское фразеосочетание с лексемой “двор”.

Фразеосочетание “(быть) на дворе” - быть снаружи, вне дома. Лексема “двор” с семемой “крестьянский дом со всеми хозяйственными постройками, отдельное крестьянское хозяйство”, имеющей потен-

циальную сему “закрытое, ограниченное пространство”, получив коннотативную семему, обозначает неограниченное и свободное пространство вне дома.

[Софья:] Ночь целую с кем можно так провести! Сидим, а на дворе давно уж побелело” (Грибоедов. Горе от ума).

“**Не ко двору кто-либо**” - кто-либо не подходит или не может прижиться в хозяйстве, в семье. Основывается на языческой реалии, объясняется верой в домовых, покровителей дома и двора. По суеверным представлениям, домовые могли наслать хворь на непонравившуюся им скотину, от их каприза зависело благополучие всего дома с его пристройками. Частица “не”, входящая во фразеосочетание, несет значение отрицания, неприятия чего-либо, отказ в принятии.

“Тут ведь что, Тимофеич, что главное-то! - зашел Ярыгин. - Не только состряпать надо, отстоять требуется. Многие против нас попрут. У нас, сам знаешь, к чему привыкли: побольше да попроще, план подавай! Наши художества не ко двору!” (А.Черкасов. Человек находит себя.)

ФС с лексемой “**загон**”.

Фразеосочетание “**быть в загоне**” - быть в пренебрежении, в заброшенном состоянии. Денотативная семема лексемы “загон” - “загороженное место для скота”. При метафорическом переносе происходит переосмысление денотативной ситуации загона скота до ситуации небрежного отношения к кому-либо.

“[Лучков] рано остался сиротой, вырос в нужде и загоне” (Тургенев. Бретер).

ФС с лексемой “**ворота**”. В России ворота служили для проезда внутрь двора, поэтому во фразеосочетаниях с данной лексемой отражены взаимоотношения людей с их бедами и радостями.

“**От ворот поворот**” - категорический отказ, отрицательный ответ на чью-либо просьбу, обращение. В основу фразеологизма положен старинный русский обычай сватовства. Получив отказ, жених поворачивал своих лошадей от чужих ворот и уезжал. Данная реалия переосмысля-

ется в коннотативное словосочетание со значением: получить отказ на просьбу.

“Нюшка к тебе рвется, - подмигивая, сказал он. - А Серафима, известно, дает ей от ворот поворот. - Нашли время цапаться! - Аникей в сердцах сплюнул” (Е.Мальцев. Войди в каждый дом).

“**За ворота выставить**” - выгнать кого-либо из дома, прогнать. Лексема “выставить” несет денотативную семему “поставить, выдвинув вперед или наружу”. При активизации потенциальной семы “наружу” (на внешнюю сторону, по направлению за пределы чего-нибудь) фразеосочетание, получив фразеологическое значение, употребляется в ситуации: отказать в чем-либо или выгнать из дома, с работы.

“**Ни в какие ворота не лезет**” - очень плохо, никуда не годится, не выдерживает никакой критики; не укладывается в общепринятые нормы. ФС отражает образ крестьянской жизни: ворота открывают наиболее широкий доступ в подворье и то, что в них не входит - необычно и излишне, противоречит обиходу (Мелерович, Мокиенко, 2001:137). На данной бытовой реалии и основывается фразеологизм.

“Извиниться бы вам следовало, гражданин Никитин, сказал дежурный хмуро. Ни в какие ворота не лезет, набезобразили” (Ю.Бондарев. Берег).

Ворота обеспечивали доступ в дом, усадьбу или служили препятствием входу. На этой ситуации и основывается происхождение фразеосочетания “**Пришла беда - отворяй ворота**”, связанное с убеждением русских людей, считавших, что беда не приходит одна, вслед за ней жди другую.

“Да ведь на счастье да на удачу крепко полагаться нельзя: налетит беда - растворяй ворота. А беда ведь не ходит одна, каждая семь бед за собой ведет” (Мельников-Печерский. На горах).

ФС с лексемой “**колодец**”

Неотъемлемой частью крестьянского быта был колодец - глубокая яма для получения питьевой воды. Бедные крестьяне брали воду из общего колодца, который находился на деревенской улице, поэтому

колодцы чаще всего закрывались, чтобы туда не попала грязь. Данная бытовая реальность и легла в основу фразеологизма **“Не плюй в колодец - пригодится воды напиться”** - не делай неприятности кому-либо, иначе останешься без помощи и поддержки.

“Олег взглянул на него, брезгливо поморщился, хотел попрощаться и уйти, но Ванин, ухмыльнувшись, сказал: - Не плюй в колодец, еще пить захочется” (Н.Леонов. Выстрел в спину).

ФС с лексемой **“баня”**. Почти в каждом русском дворе была построена баня, где мылись с паром и жаром, с березовым веником. Семема лексемы **“баня”** в русском языке означает “специальное помещение или учреждение, где моются и парятся”. На Руси были известны бани с самой глубокой древности. Фразеосочетание **“Задать баню”** выражает представление о мытье в бане как “добровольном мучении”. Моющийся в бане поддает пару, плеская ковшом воду на раскаленные камни в печи; залезает на верхнюю полку, где особенно жарко, и хлещет себя распаренным березовым веником. В древнерусской летописи написано: ” И до того себя дохлестывают, что вылезают из бани едва живым. Но, облившись холодной водой, они оживают вновь...” (Бирих, Мокиенко, Степанова, 2001: 41). Иностранцы с изумлением описывали обычай купания русских людей в бане: поселяне, “выходя из бани красными, как раки, катались по снегу или кидались в ледяную прорубь; потом вновь парились, не подвергаясь никаким болезням. Эта крепость, свойственная русскому” (Терещенко, 2001 : 264). Во фразеологическом значении это ФС означает замучить, оставить едва живым.

“Боюсь, придется вам, Софья Григорьевна, и на прощанье поплакать, - с шутиливой строгостью погрозил прокурор. – Если завтра адвокаты устроят нам баню с вениками, я вам этого не прощу” (Даненбург. Путь без привала).

ФС с лексемой **“плетень”**. Обычно крестьянские дворы обносились изгородью, у людей побогаче ограда была из штакетника, специальных деревянных уз-

ких планок. У бедных крестьян изгородь - из плетня, из сплетенных прутьев и ветвей.

“Плести (городить) плетень”. Сочетание лексем **“плести плетень”** в прямом денотативном значении (семемы Д1) имеет смысл “соединяя, перевивая прутья, делать изгородь”, фразеологическое значение сформировалось на основе сходства ситуации запутанного плетения веток, прутьев с ситуацией пустословия, несурзанности, вздора, путаных разглагольствований.

“Наводить тень на плетень”- намеренно вносить неясность в дело,

запутывать кого-либо. Фразеологизм возник на основе реалии: затемненное место, непроникновение солнечных лучей на какой-либо участок местности. Развивая фразеологическое значение, данный фразеологизм передает тему “запутывания”, “затемнения” чего-либо. Рифма подчеркивает экспрессивный характер выражения.

“Ты мне голову не морочь! - возражал Чумаков. - Ты мне не наводи тень на плетень. Я тебе не мальчик! Тоже, нашелся идейный! Самый натуральный разбойник ты, и больше ничего” (М.Шолохов. Тихий Дон).

Рассмотрим теперь фразеосочетания с лексемами построек в немецком языке.

Лексема **“der Zaun”** (забор) с денотативной семемой “из реек или штакетника состоящее устройство, которым ограничивают кусок земли”, входит в ряд образных ФЕ. Значение этих ФС формируется в результате метафорического переосмысления реальных жизненных ситуаций.

Так, значение немецкого фразеосочетания **“über den Zaun gucken”** (букв. смотреть через забор к кому-либо) базируется на актуализации семы “узнавать” (получать какие-либо сведения, знания о чем-либо); а сема “тайно” (не обнаруживаясь) вносит в значение ФС негативную оценку.

“Glauben Sie mir, ich kenne die Hannoveraner seit langem, hab ihnen ... sozusagen von Jugend auf über den Zaun geguckt” (Th. Fontane. Schach von Wuthenow).

ФС” **“ Wir werden den Zaun schon pinseln** (букв. уж мы забор быстро раскрасим). Здесь метафорическому переосмыслению подвергается денотативная ситуа-

ция покраски забора, когда несколько человек вместе взялись за работу, а потенциальная сема “дружно” (согласованно) выражает приподнятый, веселый характер, ФЕ означает - это дело мы быстро уладим, обстряпаем.

В ФС **“Durch den Zaun stechen”** (букв. проткнуть насквозь забор) при актуализации семы “проткнуть”(сильно тыкая во что-то, проделать отверстие) развилось переносное значение - быстро убежать, удрать.

“Das ist hinter jedem Zaun zu finden” (букв. это можно найти под каждым забором). В данном устойчивом выражении денотативная ситуация выброшенной вещи при актуализации семы “ненужный”(непригодный для употребления) используется в переносном значении для обозначения ничего не стоящей вещи или какого-либо явления - это ничего не стоящая вещь, это ерунда.

“Mit etwas nicht hinterm Zaun halten” (букв. не держать что-либо за забором) - не умолчать о чем-либо. Лексема “halten” (держат) имеет значение “заставлять находиться в каком-либо месте, состоянии”. В сочетании с частицей “не” (nicht) она приобретает противоположный смысл - не иметь, не сохранять. Фразеологическое значение относится уже к передаче какой-либо информации: что-либо не держать при себе, а передать кому-либо что-либо словесно.

“Ruhig sagen, warum nicht, nicht hinterm Zaun halten, mit Offenheit wird alles besser” (Döblin. Berlin Alexanderplatz)

“Jemandem etwas über den Zaun werfen” (букв. бросить что-либо кому-либо через забор) - оказывать помощь кому-либо, делать кому-либо одолжение. Денотативная ситуация передачи через забор какого-либо нужного человеку предмета объясняет положительную эмоциональную окраску фразеосочетания. Семема “бросить” (werfen) означает “выпустив из рук, дать полететь и упасть какому-либо предмету в какое-либо место”, а сема “быстро направить, послать куда-либо” создает потенциальный смысл- быстро поддержать, помочь в чем-либо.

“Ich habe Ihnen die gewünschte Informationen verschafft, jetzt müßten Sie mir auch etwas über den Zaun werfen” (Duden. Redewendungen)

“Etwas vom Zaun brechen” (букв. что-либо отломать от забора) - спровоцировать ссору, неприятности, разногласие. Лексема семемы “brechen” (ломать) имеет значение “сгибая или ударяя с силой, разделять надвое, на куски, на части, отделять части от чего-либо”. Потенциальная сема “повреждать, приводить в негодность, разрушать” содержит отрицательную оценку. Физическое действие, направленное на разрушение чего-либо, на коннотативном уровне характеризует негативные отношения между людьми: ссору, противоречия, отсутствие взаимопонимания.

“Und weil Sie sich erdreistet haben, im Anwesenheit des Lehrers eine Prügelei vom Zaune zu brechen, schreiben Sie die Gesangbuchverse... sechsmal ab” (H.Mann. Professor Unrat).

ФС с лексемой **“der Hof”** (двор).

“Du kommst noch mal auf meinen Hof Wasser trinken” (букв. ты опять идешь ко мне во двор воду пить) - ты у меня опять просишь помощи. Бытовая реалия подачи воды человеку для утоления жажды, пришедшего в какой-либо двор с данной просьбой, становится знаком оказания любой помощи, в которой кто-либо нуждается.

ФС с лексемой **“der Brunnen”** (колодец).

У немцев с колодцем связаны многие жизненные явления. Так, представление о том, что в колодец может что-либо упасть и вернуть утонувшую вещь невозможно, отразилось во фразеологизме **“In den Brunnen fallen”** (букв. упасть в колодец) - провалиться (о деле); рухнуть (о надеждах);

“Das Kind ist in den Brunnen gefallen, denn deckt man ihn zu” (букв. ребенок упал в колодец, тогда его закрывают) - после беды берутся за ум.

Денотативная ситуация падения ребенка в незакрытый колодец послужила основой переосмысления ее во фразеологизм со значением - принимать меры без-

опасности после какого-либо несчастного случая.

“Jetzt ist das Unglück schon passiert, und das Auto ist in die Baugrube gestürzt. Es ist schon schlimm, daß die Behörden den Brunnen immer erst zudecken, wenn das Kind hineingedallen ist. (Friederich. Moderne deutsche Idiomatik).

Таким образом, сопоставительный анализ русских и немецких фразеосочетаний различных тематических групп с лексемами, обозначающими постройку, позволил выявить сходство и различие процессов фразеологизации. Фразеосочетания отражают мир как единый объект общечеловеческого познания. Этим объясняется выявленное смысловое совпадение некоторых фразеологизмов в анализируемых языках.

С другой стороны, фразеологизмы формируются из признаков, важных для культурно-исторического развития наро-

дов, а также из своеобразного национального понимания и категоризации окружающей действительности. Поэтому они имеют и национальный характер, специфический для каждой этнической общности. В ходе анализа вскрываются различия фразеологических единиц, поскольку в своей образной основе они отражают этнический быт, традиции, обычаи, которые являются сугубо специфическими.

Различие может базироваться на разных ассоциациях при одинаковой образности, что объясняется различным уровнем развития культуры народа. Многие русские фразеологизмы своеобразны и неповторимы. Целый ряд немецких фразеологических единиц не имеют аналогов в других языках, так как основой их служат особенности экономического развития страны, обычаи и нравы немцев, национально-специфические реалии, свойственные немецкому этносу.

Библиографический список

1. Немецко-русский фразеологический словарь. М. - 1975., - 656с.
2. Фразеологический словарь русского языка под ред. А.И.Молоткова. М., 1987. – 545с.
3. Бирих А.К., В.М.Мокиенко. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб, 2001. – 700с.
4. Терещенко А.В. Быт русского народа. М., 2001. – 308с.

References

1. German- Russian phraseological dictionary. –M., 1975. – 656 p.
2. Phraseological dictionary of Russian language. – M., 1987. – 545 p.
3. Birikh A.K., Mokienko V.M. The dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference book. – St. Petersburg, 2001. – 700 p.
4. Tereshchenko A.V. The lifestyle of Russian people. – M., 2001. – 308 c.

УДК 801/3=82(045/046):22

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Суханова Т.В.

Россия, г.Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

The chair of Russian language and cross-cultural communication, assistant lecturer Sukhanova T.V.

Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48

Т.В. Суханова

КОНЦЕПТ «ЖЕНЩИНА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.В. КОЛЬЦОВА

В статье рассматривается концепт «женщина» в индивидуально-авторской картине мира А.В. Кольцова. Описаны лексемы, объективирующие концепт в произведениях поэта, и когнитивные признаки, которые данные лексемы репрезентируют.

T.V. Sukhanova

THE CONCEPT «WOMAN» IN A.V. KOLTSOV'S VERSE

The article sites the concept "woman" in A.V. Koltsov's individual picture of the world. The lexical units which verbalize the concept in the poet's verse and the cognitive features represented by this units are described.

Художественное творчество является одним из средств познания мира. Важнейшая единица художественного текста - слово, одной из особенностей которого является способность преобразовываться в художественный образ. Мир писателя представляет собой модель реального мира, а язык писателя обладает эстетической функцией, суть которой заключается в возможности языка служить средством отражения действительности, преломленной в сознании художника, что позволяет говорить о существовании индивидуально-авторской картины мира. Анализ и описание концептов, существенных для картины мира писателя, позволяет глубже проникнуть в его творчество и осознать его мировосприятие.

Образ женщины занимает важное место как в творчестве большинства русских писателей (Пушкина А.С., Тургенева И.С., Бунина И.А и др.), так и в фольклоре. В этом плане не является исключением творчество воронежского поэта Алексея Васильевича Кольцова.

В данной работе мы попытались описать лексем-репрезентанты и выявить когнитивные признаки концепта «женщина» в произведениях А.В. Кольцова. Для анализа было выбрано 25 стихотворений (в том числе «Русская песня», «Женитьба Павла», «Повесть моей любви», «Молодая жница» и пр.).

Существует множество определений термина «концепт».

Например, С.Г. Воркачев определяет концепт как «единицу коллективного знания, имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой».

З.Д. Попова и И.А. Стернин понимают под концептом «дискретное ментальное

образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете тили явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету». Содержание концепта образуется когнитивными признаками, отражающими отдельные признаки концептуализируемого предмета или явления и описывается как совокупность этих признаков [1].

М.В. Пименова дает следующее определение концепту: «Концепт – это некое представление о фрагменте мира или части этого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами».

Концепт характеризуется способностью к реализации в различной языковой форме, слово является главной формой объективации (главным вербализатором) концепта, при чем концепт может вербализироваться как одним словом, так и группой слов [2]. Совокупность всех языковых средств, объективирующих концепт, образует номинативное поле концепта.

Для объективации концепта «женщина» в анализируемых произведениях А.В. Кольцов использует следующие лексемы (лексемы представлены в порядке снижения частотности употребления):

Лексему «девушка»:

Толковый словарь Ожегова дает следующее определение слову девушка:

1. Лицо женского пола в возрасте, переходном от отрочества к юности.
2. Такое лицо, достигшее половой зрелости, но еще не вступившее в брак.
3. Молодая служанка, горничная в барском доме (устар.).
4. Обращение к молодой женщине (разг.).

Кольцов употребляет лексему «девушка» в первых двух значениях.

*«В городах все девушки
Как-то мне не нравились...»*

*«И с тех пор той девушки
Стал я вечным пленником...»*

*«Павел девушку любил,
Ей подарков надарил...»*

Лексему «девица» и «девица»:

По Ожегову, слово *девица* имеет одно значение, совпадающее с первым значением слова *девушка*.

В текстах стихотворений лексема *девица* используется Кольцовым в тех же значениях, что и *девушка*.

*«Приглянусь опять
Красным девицам!»*

*«Полюби ты окно
Души-девицы...»*

Лексему «дева»:

В словаре Ожегова значение слова *дева* совпадает с первым значением слова *девушка*.

Кольцов употребляет слово *дева* в тех же значениях, что и *девушка*.

*«Дева – радость души,
Это жизнь – мы живем!»*

*«Девы, девы молодые,
Вам меня уж не ласкать!»*

Лексему «жена»:

В современном языке эта лексема оно имеет следующие значения:

1. Женщина по отношению к мужчине, с которым она состоит в официальном браке.
2. То же, что женщина в 1-ом значении (устар.).

В анализируемых стихотворениях Кольцов употребляет лексему *жена* в значении «женщина по отношению к мужчине, с которым она состоит в официальном браке».

*«Ах, жена моя, боярыня!
Когда умной ты родилась,
Так зачем же мою голову
Ты сгубила, змея лютая?»*

Лексему красавица:

*«Так ты, моя красавица,
Лишилась вдруг
Двух молодцев...»*

Можно также отметить единичные случаи вербализации концепта «женщина» лексемами «подруга», щеголиха, невеста, сестра, вдова.

*«Напрасно тень подруги милой
Хочу я видеть наяву.»*

При анализе текстов стихотворений А.В. Кольцова были выявлены следующие когнитивные признаки концепта «женщина»:

1. Красивая, привлекательная.

*«В некрещеном, славном городе,
На крутом, высоком острове
Живет девушка-красавица.»*

*«О, пой косарь! зови певицу,
Подругу, красную девицу...»*

*«Скажите: пред нею что можно сравнить?
Прелестные очи, как звезды, горят.
По щечкам разлился румянец зари.
А кудри, а брови? Сравненья им нет!»*

2. Близкая, родная, вызывающая доверие.

*«Нет у молодца
Молодой жены,
Нет у молодца
Друга верного.»*

*«Красавицы-девушки,
Одноземки-душеньки,
Вам хочу я, милые,
На досуге кое-как
Исповедать таинство...»*

*«Бывало ты –
сестра и друг...»*

3. Желанная, притягательная.

*«Где, не помню – встретила
Со мной одна девушка,
Смазливеньким личиком,
Умильными глазками,
Осанкою, поступью,
Речью лебединую
Воспламенила молодца.»*

4. Дарующая радость, успокоение.

*«Я был у ней,
Я с уст прелестной
Счастливое забвенья пил
И все земное позабыл
У девичьей груди прелестной.»*

«Дева – радость души...»

5. Скромная, стыдливая.

*«Люблю тебя, милую,
Люблю тебя, юную,
За характер добренький,
За стыдливость детскую,
Всем девицам сродую.»*

*«Там, поверьте мне,
Вы ее увидите:
Всех скромней, красивее,
Всех простей и ласковей...»*

6. Заботящаяся о внешней привлекательности, любящая наряжаться.

*«Бахромой, кисеей принаряжена
Молодая жена, чернобровая...»*

*«Разрядись: уберись
В свой наряд голубой
И на плечи накинь
Шаль с каймой расписной,
Пусть пылает лицо,
Как по утру заря,
Пусть сияет любовь
На устах у тебя.»*

*Как мне мило теперь
Любоваться тобой!
Как весна хороша
Ты, невеста моя!»*

*Павел девушку любил,
Ей подарков надарил:
Два аршина касандрики,
Да платок, да черевки,
Да китаечки конец,
Да золоченый венец,
Она стала щеголиха,
Как богатая купчиха.»*

7. Грустная, печальная.

*«... Что достанется узнать
Девушке девичье горе,
Своенравное, как море,
И что мне теперь так мило,
Будет горестно, постыло,
Что привыкну тосковать
И украдкою вздыхать...
День ли весело проснется –
Дева дню не улыбнется,
Выйдет с грустью на крыльцо
Освежить свое лицо.»*

8. Несчастливая в любви.

*«Их слушает красавица
И смысла в них не ведает,
В душе своей не чувствует,
Что песни те – волшебные:
В них сила есть любовная.
Любовь – огонь, в огне – пожар.
Не слушай их, красавица!
Пока твой сон – сон девичий –*

*Спокоен, тих до утра дня,
Как раз беду слушаешь:
В цвету краса загубится,
Лицо твое румяное
Скорей платка износится.»*

9. Подневольная, покорная чужой воле.

*Без ума, без разума
Меня замуж выдали,
Золотой век девичий
Силой укоротали.
Для того ли молодость
Соблюдали, нежили,
За стеклом от солнушка
Красоту лелеяли,
Что я век свой замужем
Горевала, плакала,
Без любви, без радости
Сокрушалась, мучилась?»*

Итак, в индивидуально-авторской картине мира Кольцова концепт «женщина» представлен следующим образом. Это образ юной девушки, молодой, а не зрелой женщины. Характерными чертами ее являются красота, привлекательность, скромность, откровенность, доброта, покорность судьбе, зависимость от родителей и мужчины. Женщина, изображенная Кольцовым, часто грустна, печальна, что связано прежде всего с любовными переживаниями, потерей любимого, разлукой с ним или с его «изменой», а также с «неудачным» замужеством, которое чаще всего совершалось против воли девушки.

Библиографический список

1. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М., 2007. – 256 с.
2. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М., 2007. – 289 с.
3. Кольцов А.В. Стихотворения: сборник. – М., 1989. – 156 с.

References

1. Popova Z.D., Sternin I.A. Cognitive linguistics. – M., 2007. – 256 p.
2. Maslova V.A. Introduction to cognitive linguistics. – M., 2007. – 289 p.
3. Koltsov A.V. Poems. – M., 1989. – 156 p.

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
Воронежского государственного
архитектурно-строительного университета

**ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск №5, 2009 г.

Научный журнал

Подписано в печать _____ 2009. Формат 60*84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 12. Усл.-печ. л. 13. Тираж 100 экз. Заказ № _____

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии Воронежского государственного
архитектурно-строительного университета
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84